АРКАДИЙ БОРМАН

А. В. Тыркова - Вильямс

по ее письмам и воспоминаниям сына

Лувэн - Вашингтон
1964

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя мать была писательницей и общественной деятельницей.

Она родилась в России в 1869 году и умерла в Вашингтоне в 1962 году.

Моя мать оставила после себя след в журналистике, как автор политических статей; в литературе, как автор романов и исторических исследований, главное из которых это двухтомная биография „ Жизнь Пушкина ", в политике, как член Центрального Комитета Партии Народной Свободы. У нее был особенный дар общения с людьми, как с крупными, так и с обыкновенными средними людьми всех национальностей. Во все периоды своей долгой жизни, она всегда собирала вокруг себя людей. К ней шли за советом и за поддержкой.

Уже в эмиграции, моя мать с каждым годом все крепче связывала себя с православной церковью и принимала участие в церковно-общественной жизни.

По разнообразию своих интересов и проявления своей личности, моя мать была совершенно исключительным человеком.

Я помню ее в течение шестидесяти восьми лет. Более пятидесяти лет, в разные периоды жизни, мы прожили вместе, под одной крышей. У меня была не только душевная, но и интеллектуальная близость с моей матерью. Наши интересы были общими. Часто, хотя и не всегда, мы сходились в оценке событий и людей, что не так часто бывает между представителями разиых поколений.

Книгу я написал не только по памяти. Это не только мои личные воспоминания о моей матери. Это рассказ,

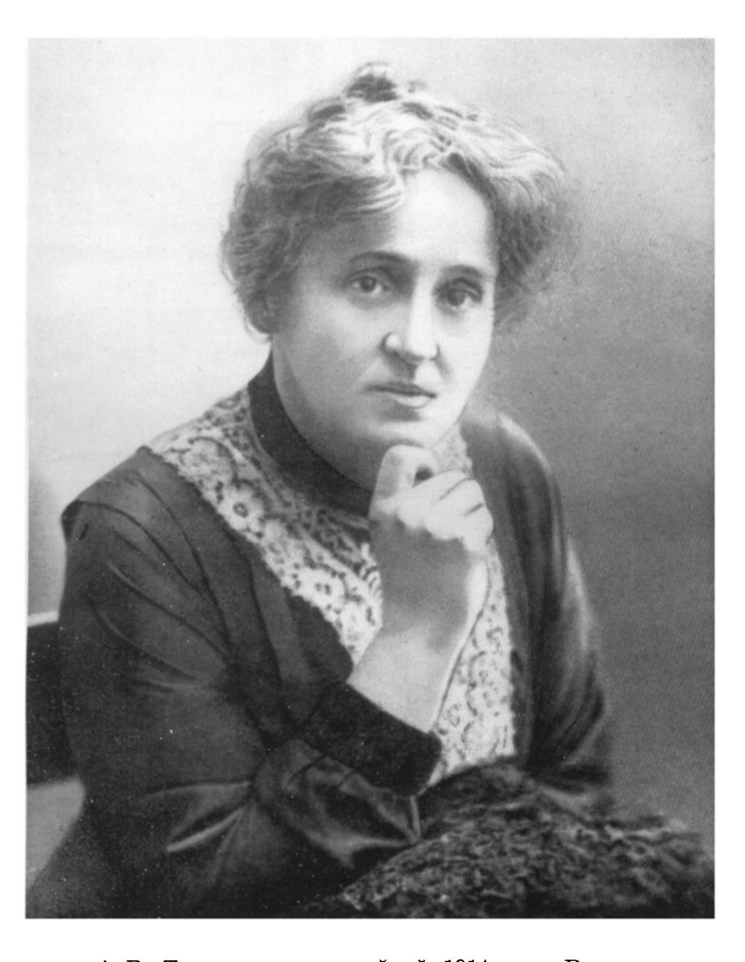
составленый на основании документов. Прежде всего на основании писем матери ко мне, которых у меня сохранилось начиная с 1918 года, больше трех тысяч, затем мною использованы отрывистые записи, характера дневников, моей матери, которых у меня сохранилось, начиная с 1903 года, несколько тетрадей : они несомненно представляют большой интерес для будущего историка и, наконец, на основании опубликованных книг моей матери и ее бесчисленных статей в газетах и журналах. К сожалению статей этих сохранилась только незначительная часть.

Моя мать писала с мастерством и с большой требовательностью к себе. Она была первоклассным стилистом русского языка. Перед сдачей рукописи в печать, она очень тщательно отделывала каждую фразу. Поэтому то она сразу замечала небрежность других. Эта ее требовательность к себе и к другим приводила меня в смущение, когда я писал эту книгу. Иногда мне казалось, что эта работа мне не по силам. Я останавливался. Но потом снова брался за перо, так как я знал, что должен написать о ней. Никто другой не может описать ее жизнь, так как я это делаю. Главная моя задача — дать возможность незнавшим ее читателям почувствовать обаяние ее личности, почувствовать замечательную русскую женщину, которая умела так много давать тем, кто с ней общался и одухотворенная мудрость которой углублялась с каждым десятилетием ее жизни.

Я благодарю мою сестру С. Бочарскую за ее помощь оказанную мне в составлении этой книги, а также всех тех, кто прислал мне письма моей матери.

Аркадий Борман

Декабрь 1963 года
Вашингтон.



Л. В. Тыркова перед войной 1914 г. в России

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК МОЕЙ МАТЕРИ

Вы хотели, чтобы я написала вам коротенькую автобиографию. Это отчасти уже сделано в двух книгах моих воспоминаний — юность описана в „ То, чего больше не будет ”, мое участие в политической жизни в „ На путях к свободе ”.

Но когда начинаешь задумываться над прошлым, поднимаются новые воспоминания. И желание подвести итоги. Я считаю, что судьба была ко мне замечательно щедрой. Много трудного, пасмурного, настоящего горя. Много было ошибок и заблуждений. Но много и радостей. У меня была удивительная мать, светлая и мудрая, полная любви и пониманья. Был замечательный муж, очень хорошие дети, внучки и правнучка.

Я была с ними связана нитями самой разнообразной любви. Это главное, что нужно всему человечеству и каждому человеку, уметь и брать и отдавать любовь. Все они меня этому учили. Боюсь, что я не успевала или не умела столько же давать, сколько брать, не умела отвечать им таким же полноценным чувством.

Как у всякого, чем нибудь проявляющегося человека, у меня были, если не враги, то противники. Но ни критики, которые меня не очень баловали, ни оппоненты, которые на митингах и в печати на меня ополчались, меня не очень волновали. Ведь и единомышленников у меня было немало.

Мне было суждено стать писательницей. Это великое счастье. Счастливейшими днями моей жизни были те десять лет, которые я провела в „ обществе Пушкина ”. Когда в большой Лондонской Библиотеке я проходила

мимо полок с книгами я, с законной гордостью думала, что и мне нашлось на них место. Пусть скромное, но оно дало мне право говорить — мы русские писатели.

Я отмечаю светлые стороны моей жизни. Ее трудные, темные полосы неразрывно связаны с трудностями, с мраком, которые то сгущались, то расходились над Россией, ранили миллионы русских сердец. Эту боль я разделяла и разделяю, но я верю, что близятся времена и сроки. Я верю в духовную силу, в дарованья русского народа, который сумеет создать на своей земле достойную его свободную жизнь.

Верю, что Николай Угодник поможет,

Ариадна Тыркова - Вильямс

Вашингтон Ноябрь 26, 1959
(«Возрождение», декабрь 1959 г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

Моя мать Ариадна Владимировна Тыркова родилась 26-го ноября (нов. ст) 1869 года на Охте в Петербурге, где ее отец Владимир Алексеевич Тырков был мировым судьей.

Тырковы принадлежат к древнему новогородскому роду. Имя Тырковых уже упоминается в летописях четырнадцатого века. В течение столетий никто из Тырковых повидимому ничем не проявился, за исключением убитого по приказу Иоанна Грозного Кирика Тыркова. Карамзин называет этого Кирика „ равно знаменитым и ангельской чистотой нравов и великим умом государственным и примерным мужеством воинским ". Больше ни о ком из Тырковых ничего неизвестно, кроме сухого перечисления имен в родословной. Все это были рядовые служилые люди и помещики. В родословной мелькают ротмистры и майоры. Мой прадед, Алексей Дмитриевич был новогородским уездным предводителем дворянства и душеприказчиком Аракчеева. Больше мы о нем ничего не знаем. Только мой дед, правовед Владимир Алексеевич Тырков, дослужился до чина дейсвительного статского советника и мой двоюрдный дядя Владимир Дмитриевич Тырков, выдающийся морской офицер во время Первой Мировой Войны, был произведен в адмиралы.

Вряд ли кто либо из тринадцати ее братьев и кузе-

нов мог бы поверить, что их младшая сестра и кузина сохранит имя Тырковых для истории.

Отец моей бабушки, или как ее звали в семье-бибиньки, Софии Карловны, Карл Иванович Гайли был русским офицером балтийского происхождения. Бибинька родилась в казармах под Новгородом и встретилась с моим дедом на военном балу. Мать деда считала, что красавица дочка армейского офицера для него не пара. Но он сразу и навсегда влюбился в Софи Гайли и расстроить этот брак было невозможно.

У мамы было четыре брата и две сестры, не считая одну умершую в младенчестве.

Жизнь всей семьи моего деда, включая и его внуков, до самой революции была неразрывно связана с родовым имением Вергежа расположенным на реке Волхове в Новогородском уезде в ста тридцати километрах от Петрограда.

Вергежа с обширными угодьями была пожалована Тырковым в начале семнадцатого века за участие одного из них в войске кн. Скопина Шуйского, который содействовал возведению на престол первого Романова, царя Михаила Фсодоровича.

Не провиденциально ли то, что в революционной катастрофе Тырковы потеряли Вергежу, когда в ней вел хозяйство мой дядя Аркадий Владимирович, двадцатилетним студентом принимавшим участие в организации убийства Императора Александра Второго.

Дедушка был младшим сыном в семье своего отца. Родовая усадьба досталась ему по жребию. Не только его старшие братья, но и его мать долго не могли примириться с тем, что жребий выпал на него. Он же сам, молодой человек, только что кончивший училище Правоведения, так испугался результатов этого жребия, что убежал в сад и спрятался в кустах.

Мама в первом томе своих воспоминаний, озаглавленных — „ То чего больше не будет ", пишет что Вергежа была не простое имение, а целая поэма.

Вероятно этот дом с белыми колоннами, возвышав-

шийся на холме над Волховым и окруженный большим липовым садом был также поэмой для неизвестных предыдущих поколений. Он остался поэмой и для моего поколения. Я не сомневаюсь, что если бы не революционный смерч, то и последующие поколения относились бы к нему так же как к поэме.

Против очарования вергежского воздуха, дома, огромного сада, полей и водной дали в весенний разлив Волхова устоять было трудно.

Я любил Вергежу не только летом. Особенно хороша была в Вергеже весна когда кругом образовывалось бесконечное водное простанство и молодые листья нежно дрожали на расправлявшихся от зимней спячки ветках, а воздух был какой то синевато-прозрачный. Осенью было все в золоте. Как хорошо было ехать верхом по золотисто-красному лесу. Чем глубже уезжал в лес тем тише и величественнее становилось кругом. Зимой, когда кругом шумит вьвга, уютно было стоять, в столовой у старинной кафельной печки и вести неторопливые разговоры со старшими, слушая их рассказы о прошедшем. Или же пойти на скотный и сквозь подымающийся пар вдоль длинных коридоров наблюдать как коровы мирно жуют сено. Здесь же слышен говор рабочей молодежи. Это все приятели, с которыми можно посмеяться. А днем запряжешь сани, если снег твердый (наст) можно и парой, и катишь по белому простору.

Мама описывает свое детство и юность в первом томе своих воспоминаний („ То чего больше не будет "). Я не собираюсь повторять этого рассказа о маленькой, застенчивой Дине Тырковой, которая постепенно превращается в барышню, а потом в молодую красивую женщину, связанную всеми интересами, симпатиями и антипатиями своего времени. Мне только хочется отметить, что с самого раннего возраста ее жизнь была окрашена исключительной любовью к своей матери и твердым сознанием, что существует Вергежа. Она была в самых лучших отношениях со всеми своими братьями и сестрами. Это была дружная семья. Ее уважение и любовь

к отцу росли с годами. Может быть она до конца ощутила цельность его личности только взрослой. После же его смерти уважение к нему, если не сказать преклонение перед ним, все усиливалось.

Прелесть личности своей матери она чувствовала с самого младенчества и до конца ее долгой жизни. Это чувство всегда доставляло ей радость. Она передала это чувство к своей матери и следующим поколениям. Моя бабушка — бибиньки — действительно обладала большим очарованием. Тихий и ясный свет всегда излучался из нее. Спокойная, доброжелательная ко всем, исключительно справедливая и в то же время мягко-требовательная, она создавала кругом себя совершенно особую уютную атмосферу. Она была художницей и рисовала до глубокой старости. В Петрограде, светлая мебель в мамином кабинете была разрисована ею прелестными свежими цветами, когда ей уже было далеко за семьдесять.

Семья для нее была все и если когда нибудь в ней проявлялась какая то доля несправедливости, то это выражалось в том, что она закрывала глаза на поступки своих сыновей, иногда требующих порицания. Этим всепрощением она конечно им портила. У нее было большое безошибочное нравственное чутье. К обрядовой стороне религии она относилась довольно равнодушно. Она не была церковной. Но все же уже замужней женщиной она ходила в лютеранскую кирку. Только в глубокой старости, очутившись в Лондоне, она выразила желание принять православие. В бибиньке чувствовалось свечение. Впоследствие в своих письмах ко мне из Лондона, говоря о бибиньке, мама неоднократно употребляла это слово „ свечение ". Этот свет, исходивший от бибиньки, привлекал к ней людей даже совсем чужих.

Бибинька было хозяйкой большого имения, зорко наблюдавшей за порядком. Все служащие, начиная от девочки на побегушках и до старшего приказчика, твердо знали, что от „ старой барыни " ничего нельзя скрыть, она все заметит и нерадивым сделает выговор. С другой стороны они всегда были уверены, что она поступит

справедливо и позаботится о том, кто требует заботы. К ней шли и ехали больные из далеких деревень, несмотря на то, что ее медицинские познания ограничивались руководством по домашней медицине.

Дедушка, был полной противоположностью бибиньки, Несмотря на это они очень любили друг и друга и счастливо прожили вместе пятьдесят семь лет.

Бурный и горячий, я бы сказал даже неуравношенный в своих отношениях к людям, дедушка уходил своими корнями в русскую историю и в русскую православную церковь.

По своей натуре он был консерватор. Сколько раз мы все от него слышали, когда ему что нибудь не нравилось — „ при моих родителях так не делалось ". Он просто не представлял себе жизни без церкви, как конечно не представлял себе России без царской власти. Он умер в возрасте семидесяти восьми лет в 1912 ~~лет~~ году и от зрелища революции был избавлен.

Он был просвещенный русский барин, обожал Императора Александра Второго и участвовал в проведении его реформ. Конечно он одобрял отмену крепостного права, но все же считал вергежских крестьян, — его бывших крепостных, — своими до конца своей жизни и когда было нужно проявлял к ним особую заботливость.

Велика была его трагедия, когда выяснилось, что его сын замешан в убийстве Императора Александра Второго. Но он с большой кротостью принимал все большие жизненные невзгоды, думаю потому что в нем было глубоко заложено христианское сознание. В течение двадцати лет пребывания сына в Сибири он ему не написал ни одного письма, а только вздыхал при упоминании его имени. Я хорошо помню эти вздохи. А потом когда дядя Аркадий возвратился из ссылки, он его простил и передал ему ведение хозяйства.

В семье он был одинок в своей приверженности к церкви, но он с широкой терпимостью относился к церковному равнодушию своих детей. Он неоднократно пов-

торял, что отвечает за них всех перед Богом и что с него за них взыщется.

Я был очень дружен с дедушкой. Мальчишкой я ходил с ним осматривать далекие лесные покосы, вернее вприпрыжку бежал за ним, когда он весь потный, быстрыми и решительными шагами, несмотря на свою тучность, шел по мягкой лесной дороге. Все внуки были непременными членами купальной процессии дедушки. Он шел впереди с полотенцем через плечо, за ним дворник Егор с табуреткой и кувшином, а затем уже сыновья и внуки. В дощатой купальне Егор стаскивал с него сапоги и помогал ему раздеваться. Потом дедушка осторожно спускался по лесенке в мутный Волхов (в языческие времена река так и называлась Мутный) и, фыркая, как морж, заплывал в глубину.

С четырнадцати или пятнадцати лет, зимой вместо кучера, я начал возить дедушку в церковь на другую сторону Волхова. Он садился в сани покрытые большим цветным ковром, я же садился на облучек. Лошади были резвые, особенно мой Чингиз, а сразу за усадьбой начинался крутой и накатанный спуск к реке. Такой же ненадежный спуск был с другой стороны реки, при возвращении из церкви. Но я ни разу не вывернул дедушку из саней, что бывало с другими седоками.

Возможно, что он позволял мне, мальчику, возить его в церковь, чтобы, привязав лошадь у церковной ограды, я потом становился рядом с ним на коврик, посланный для него церковным сторожем. Эта церковь была построена стараниями дедушки.

Новая каменная церковь заменила старую ветхую деревянную. Наша приходская церковь была далеко и при новогородском бездорожье туда не легко было попадать.

Освящение высоцкой церкви было очень торжественным. Приезжал оберпрокурор Св. Синода, новогородский архиепископ с сонмом духовенства, а главное на радость дедушки согласился приехать о. Иоанн Кронштадтский. Мне было три или четыре года, но я хорошо помню

многие подробности этих торжеств, а главное толпы народа как на вергежском дворе так и на Высоком вокруг церкви. Помню как все батюшки чинно сидели в гостиной, а я стоял прижавшись к бибинькному креслу. Если бы я только знал, что среди сидевших был таинственный для меня „ Буря ” — так я всегда воспринимал слова ектинии „ Архиепископа Новорогодского и Старорусского Гурия ”. Помню также как мама или бибинька подталкивают меня подойти к незнакомому батюшке под благословение, а я прячусь за кресло. Помню и улыбку о. Иоанна и его слова — „ оставьте его, потом благословлю ”.

Описывая в своих Воспоминаниях приезд о. Иоанна в Вергежу, мама заканчивает свой рассказ описанием того, как народ тянулся к нему.

— „ Он привык ощущять вокруг себя это струение сердец, — пишет мама, которое словами передать трудно, а забыть нельзя. Вспоминая все это, как я радуюсь за папу, что он в подлинном единении с народом, так глубоко переживал, так по-детски отдавался духовной близости с кронштадтским батющкой. И как горько думать, что мы все ,вся остальная тырковская семья (она говорит только о семье своего отца, семьи ее дядей были другими) прошли мимо этого источника воды живой ”.

Зимой, приезжая в Петербург, дедушка останавливался у нас. По воскресеньям, а может быть и по субботам он всегда ходил в церковь. Но нам об этом мало рассказывал и меня с собой никогда не звал. Только один раз, помню, он сказал, : „ Сегодня был на обедне в Казанском соборе, было очень величественно, в службе принимали участие двадцать девять архиереев ”.

Несмотря на близость со мной он никогда не говорил со мной о религии.

Мать со своим светящимся благожелательным спокойствием, бурный и в то же время мягкий и внутренне деликатный отец, сестры и братья, к каждому из которых у мамы было свое отношение — таково было окружение

мамы в детстве. К этому надо прибавить, что жизнь развивалась на фоне Вергежи.

Долгое время маленькая Дина ничем не отличалсь от своих сверстников, сестер и братьев. Единственное только, что в ней рано появилась эта ненасытная потребность к чтению. Она научилась читать в пять лет, слушая как мать обучает ее брата Сережу, который был на два года старше ее. С самого раннего возраста ее жизнь неразрывно связана с книгами. Уже лет семи, восьми она знает наизусть многое из Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

„ Мы думали стихами, " — пишет она в своих „ Воспоминаниях ".

И это точное знание произведений классических русских поэтов, которое она приобрела в детстве, сохранилось на всю ее долгую жизнь. Уже в глубокой старости она всегда поправляла, когда в ее присутствии, неправильно цитировали кого нибудь из больших русских поэтов. Она безошибочно могла отличить пушкинский стих от лермонтовского, а в таких ошибках грешны даже наши современные профессиональные поэты.

Но ее с детских лет интересовала не только одна поэзия. Она всегда увекалась природоведением в широком значении этого слова. В ее комнате стояли аквариумы и террариумы, она любила приучать птичек. В детстве это началось с увлечения головастиками и червями, а в течение жизни это перешло в интерес ко всем явлениям природы, человека и его души. В своей жизни она прочла массу книг по океанографии, астрономии, геологии, по всем отраслям биологии, по психологии и даже по спиритизму. Все это были предметы ее побочного интереса, но когда она читала о них книги, то также внимательно относилась к ним, как и к предметам своего основного интереса — к гуманитарным вопросам в широком смысле этого слова.

С самого детства круг ее чтения был очень широк. С семилетнего возраста она одинаково свободно читала по русски и по французски.

Для ее матери было что-то особенное в этой маленькой скромной и застенчивой девочке с большими глазами, которая больше всего любила сидеть с книгой на скамеечке у ног своей матери.

Бибинька вероятно это рано почувствовала, но не позволяла себе на этом сосредотачиваться — все ее дети должны были быть равны. А ее классная дама София Ермолаева Кривенко как то сказала бибиньке :

„ Дина у вас особенная, не такая, как все ”.

Для характеристики настроений поколения мамы очень характерна одна фраза из ее „ Воспоминаний ”.

„ А ведь мы жили опьяненные самоуверенным сознанием, что весь мир перед нами открыт, что мы все понимаем ”.

Несколько раз в своих „ Воспоминаниях ” она говорит, что в юности ее жизнь была языческой.

Она принадлежала к тому послереформенному поколению (я говорю о реформах Им. Александра Второго) русского дворянства, русского правящего класса, которое умственно вырвалось на пустынные пространства свободы и безудержанно стало носится по ним. В следующем, моем поколении, также еще была вера в разум и науку. Но не было уже этой безудержанной самоуверенности предыдущего поколения. В нас уже начало закрадываться сомнение во всемогуществе позитивной науки.

Эта вера в науку у мамы сохранилась довольно долго. Помню, как уже после тысяча девятьсот пятого года, когда на нашем горизонте уже появился Гарольд Васильевич Вильямс, я спросил ее, как он относится к религии. Мама без колебания ответила мне, что он главное значение придает науке. Потом война и мировые катаклизмы в корне переменили ее (и моего вотчима) мироощущение и она стала верной дочерью православной церкви.

Религиозное, или вернее церковное, безразличие мамы в юности отнюдь не означало матерьялистических или безбожных настроений.

В ней всегда было ощущение Творца. Известный

юношеский протест против церкви скорее объяснялся тем, что по ее мнению служители церкви не достаточно свято исполняют свое святое дело.

Я помню, как под новый год двадцатого столетия мама завела философский спор с мужем своей сестры Юлием Михайловичем Антоновским. Он утверждал, что существует только материя. Мама старалась его высмеять и говорила, что он с одной материей далеко не уйдет.

Я этот спор запомнил потому что для меня материя была тканью и я ни как не мог понять, как может существовать только одна ткань. Для девятилетнего мальчика это было довольно глупо.

Но возвращаюсь к хронологии маминой жизни.

Первая часть ее детства прошла в обычной обстановке дворянской чиновничьей и помещичьей среды. Зимой в городе, все дети в школах. Летом вергежское приволье. Осенью возвращение с большой неохотой в город.

Маму семи лет отдают в гимназию Оболенской. Это слишком рано, Но в доме детские заразные болезни и Дину надо куда то отдать, чтобы она не заразилась. Позже в этой гимназии она завязывает тесную дружбу с трем одноклассницами — Верой Чертковой, дочерью приближенного Императора Александра Второго ; Лидой Давыдовой, дочерью директора консерватории и Александры Аркадьевны Давыдовой, издательницей журнала „Мир Божий", Лида Давыдова вышла замуж за одного из первых русских марксистов проф. М.И. Туган-Барановского. Третьей маминой близкой подругой была Надя Крупская, впоследствие вышедшая замуж за Ленина. Все они оставили какой то след в жизни мамы. Но след, оставленный Крупской не имеет никакого отношения, ни к марксизму ни к Ленину. Скорее след оставила тихая мать Нади, маленькая чиновница, на пенсию которой годами жил Ленин.

С ранних лет у мамы большая дружба с самым близким по возрасту братом, Сережей. Но лихой дядя Сережа не любил брать книги в руки а она, книжница, не подпускает брата к своему книжному миру. Но она

знала, что Сережа ее верный спутник и защитник — он обладал очень большой физической силой. Сережа всегда был готов принять участие во всех жизнерадостных проявлениях молодости. А молодость кругом била ключом.

В рижской газете „Сегодня" 9-го апреля тысяча девятсот тридцать девятого года был напечатан отрывок из воспоминаний мамы не вошедший в ее книгу воспоминаний. Это описание петербуржских „Верб", когда ей было вероятно лет четырнадцать или пятнадцать.

Этот рассказ так красочно рисует ее жизнь в те годы, что я привожу из него выдержки :

„По Невскому мы бежали голопом, даже не заглядывая к Филиппову, где были такие неотразимые пирожки с яблоками. На Аничкином мосту черные бронзовые кони барона Клодта косили на нас свои яростные глаза. И также искоса провожали нас, веселым взглядом удалых солдатских глаз, часовые у Аничкина дворца. Тяжелым колоколом громоздился памятник Екатерины. Матушка императрица сама умела веселиться, заливаться заразительным мелким смешком. Уже она то наверное была довольна, что мимо нее гулко мчался молодой поток. Мы были только каплей в нем. На Невском мы были окружень и оплетены такими же юнцами и юницами, как мы сами.

Вербы это был праздник молодежи, гораздо больше чем балаганы на масленице. На Марсово поле приходили поглазеть на героические сусальные представления, с пальбой и сражениями, послушать прибаутки балаганного деда, далеко не всегда пригодные для молодых ушей. Там что то показывали, кто то развлекал, занимал. На Вербах ничего этого не было. Только юность, которая сама в себе несет и зрелище и зрительную залу, могла с таким удовлетворением и упоением бесцельно кружиться под бесконечными совсем не живописными аркадами Гостиного двора. Все кругом было заставлено и обставлено лотками и прилавками : Почти на всех продавалась дрянь. Самым ходким и броским товаром были воздушные шары . . ."

„Иногда какой нибудь юный франт, чаще всего лицеист, правовед, изредка даже паж, небрежно вынимал из кармана синенькую пятирублевку, покупал у парня всю связку шаров и гуртом отпускал их ввысь в бледное, розовато зеленое небо. Нет улицы в Европе красивее Невского, каким он был в прежние времена. При солнце и в непогоду, зимой и летом, днем и ночью, изменчивый и неизменный, Невский волновал поэтов, а иногда и самых незаметных маленьких людей."

„Пестрые шары, бившиеся, как ошалевшая птица, в широком пролете проспекта, заканчившагося белой адмиралтейской колоннадой и золотой иглой, остались в моей благодарной памяти, как своеобразный мазок в бесконечном вербном карнавале."

„На Вербах продавали только бесполезные прелести, без которых жизнь теряет прелесть. Я не помню там ни сапог, ни чулок, ни материй, ни посуды. Но отлично помню груды сластей. Нигде в Европе, не исключая и обжорливой Байоны, где первоклассные шеколадные конфекты навалены в кондитерских как щебень на шоссе, не видала я такого количества лакомств, как на петербургских Вербах. Халва, ореховая, маковая, шеколадная маслянистая, волокнистая громоздилась, как прибрежные скалы. Леденцы в бумажках и в соблазнительной обнаженности, даже паточные палочки, завернутые в серую обертку, искустно увитую тонкой сусальной ниткой. Орехи и миндаль в сахаре. Маковники. Черные стручки. Знаменитый рахат — лукум. Коврижки, пряники печатные, узорчитые, мятные бабы в разлетающихся шугаях, лихие белые наездники на лихих белых конях, рыбы и петушки. Финики и изюм, кавказская шаптала, вареные груши, винные ягоды... Кажется не все еще вспомнила, хотя, когда стала писать сразу почувствовала в пальцах смешную веселую липкость от моего любимого рахат — лукума с фисташками."

„Все это мы ели на ходу, осыпая себя и прохожих не то сахаром, не то просто мукой, которой были щедро посыпаны все эти сладостные соблазны. С набитыми

ртами, мы болтали и хохотали, на ходу обмениваясь быстрыми взглядами с другими, незнакомыми, но такими же веселыми шайками гимназистов ,студентов, гимназисток. То же чисто карнавальное чувство огульности, слитности. Мы не знакомились, это не полагалось. Братья и поклонники, особенно поклонники, этого никогда не позволили бы. Но по неписанной вербной конституции можно было с чужими обмениваться взгядами, улыбкой, вскользь брошенным замечанием как будто ни к кому не обращенном. А если незнакомый юнкер или гимназист, как бы случайно все шел и шел совсем близко от нас и, поблескивая влажными молодыми глазами, в полголоса говорил, гледя на пушистых желтых утят, которых по пяточку за штуку предлагал ярославец в белом переднике :

„ — Прелесть . . . Просто прелесть, просто прелесть.

Но ведь это же относится к утенку, а не к кому нибудь из нас. Но все же юнкер должен быть наказан. Мы покупали синельных чертенят, незаметно со спины обходили слишкои впечатлительного юнкера и прицепляли длинные гибкие хвостики к его погонам. Самого большого чертика мой брат прицеплял на хлястике, которым перехватывалась сзади кавалерийская шинель. Кругом смех. Смеется и увешанный чертенятами юнкер, сам не зная, почему. Просто потому, что это Вербы, что ему наверное еще нету двадцати лет, потому что он немножко пьян от блеска веселых девичьих глаз.

„ Один из наших товарищей непременно хочет купить чижика. Мы бродим и бродим, пристаем ко всем.

„ — Где здесь чижики продаются ?

„ Бородатый мужик, торгующий лубочными картинками, сердито огрызается. Черномазый паренек у которого к животу привязана корзинка с американскими чортиками, держит в кулаке пузатую трубочку, сует ее нам в нос и весело дразнит :

„ — Да что вы господа хорошие, на какой вам грех чижик ? Его кормить надо Берите моего американского жителя. Не есть, не пьет, день и ночь поет. Мы покупаем.

Нельзя вернуться с Вербы без красного шара, без халвы, без чертика. Как жалко было уходить. Уже ноги не носят. Хочется есть, давно истрачен рубль, а случалось и только полтинник, который нам отпускали на весь карнавал. Уже закрываются лотки. Редеет толпа. Только веселые глаза незнакомого юнкера нет, нет да и блеснут рядом через чье то плечо.

„ Пора домой. Мы возвращаемся, насыщенные неодолимой и легкой усталостью, которую знает только молодость.

„ Горничная открывает двери и тихо шепчет :

— Барин у себя в кабинете. Только что из церкви вернулись.

Мы с братом переглядываемся. Значит надо идти не через столовую, куда выходит кабинет отца, а направо через гостиную. Их две. Мама обычно в маленькой, синей. Да она там. Сидит на маленьком низком диване и читает „ Отечественные Записки ".

„ Как вы поздно. Я же вас просила пораньше вернуться . . . "

„ Мы быстро, быстро целуем ее руки. От них струится любовное тепло ".

„ Она уже улыбается. Потом другим тоном говорит нам вдогонку :

" — Только не очень шумите в столовой.

" Мы знаем, что это значит . . . Когда подходят большие праздники, отец погружен в чтение Святого Писания и Святых Отцов. Это мир, в который мы дети даже не заглядываем. Скучаем, когда он собирает нас в свой кабинет и читает Евангелие. Он делал это очень редко чувствовал, что слова скользят мимо нас. Огорчался, но несмотря на крутой, самовластный характер, оставлял нас в покое ".

Дедушка делал обычную чиновничью карьеру человека окончившего привилегированное учебное заведение. Казалось, что звание сенатора ему обеспечено. Но происходит страшная для него катастрофа его сын оказывается замешанным в организацию убийства Александра

Второго. Это отражается и на карьере дедушки и косвенно на положении всей семьи. Продвижение по службе останавливается. Он переводится на более низкую должность. Это ведет к уменьшению жалования. Но все же его оставляют в Петербурге.

По сравнению с тем что делают большевики с ближайшими родственниками осужденных это очень небольшая немилость. Но, повторяю, на семье это отражается сильно. Нового жалования не хватает на жизнь в столице. Бибиньке приходится уехать с двумя младшими дочерьми на несколько лет в Вергежу, а дедушка поселяется в одной комнате с сыном Сергеем.

Перед отъездом в Вергежу мама была исключена из гимназии Оболенской, якобы за то, что она имела худое влияние на учениц. Это дурное влияние, по мнению руководительниц гимназии сказывалось, якобы, в том, что Тыркова прививала своим подруга дух протеста и независимости. Но главное конечно заключалось в том, ее брат был участником цареубийства и за ней следили гораздо более внимательно чем за другими. Она была исключена фактически без предупреждения. Отца вызвали в гимназию и попросили ее взять. Это маму оскорбило и обидело, но не сломало. Через год она сдала экзамен за женскую гимназию, который требовался для поступления на Высшие Курсы. Но женские курсы были закрыты. Она возвратилась в Петербург, когда они открылись и пробыла один год на математическом отделении. Ее мечта стать врачем не могла осуществиться, так как не было медицинского факультета для женщин.

В деревне она набросилась на книги. Читала все, что попадало под руку. В амбаре разыскала старые французские книги, классиков и философов восемнадцатого века. На нее произвела особо большое впечатление книга Ламартина о Жирондистах. Кругом соседей почти не было, видеться было не с кем. Усадьба оживлялась только летом.

Кажется в Вергеже в тот период она сделала свой первый литературный перевод — перевела роман Жюль

Верна „ Дети Капитана Гранта ". Этот перевод ей устроил ее зять Антоновский.

Любопытно, что маме долго не приходило в голову начать писать самостоятельные вещи. Однако в своих „ Воспоминаниях " мама говорить, что порой она ощущала, что ей предназначена не такая жизнь, как всем. В юности у нее часто бывали головные боли, которые продолжались до того времени когда она начала писать, точно в мозгу была какая то физиологическая потребность высказываться, выразить себя и какой то форме. Она не была музыкальна, значит музыка была исключена. У нее не было никакого таланта стихотворства, несмотря на огромное количество стихов русских и французских, отчасти даже немецких, которые она знала наизусть. Значит оставалась только проза, или деятельность вне литературной области.

Несмотря на свое раннее интеллектуальное развитие, писать мама начала только, когда ей было уже двадцать семь или двадцать восемь лет. Общественной же деятельницей она стала еще позже, когда преодолела свою природную скромность и у нее появилась твердое сознание, что она не глупее других и особенно книжных умников. Может быть отчасти ей в этом помогла мудрая издательница „ Мира Божьего " Александра Аркадьевна Давыдова, которая называла своего сверх ученого зятя Михаила Ивановича Туган — Барановского „ Наш милый ду . . . ".

Весь ранний период жизни мамы сводился только к внутреннему брожению иногда очень бурному. Иногда это интеллектуальное брожение перекидывалось на мысли о социальном неравенстве, об униженных и оскорбленных, о необходимости им помочь. Но модный тогда социализм ее совершенно не привлекал.

Это внутреннее брожение еще усилилось когда наконец она возвратилась в Петербург и поступила на Высшие Женские Курсы.

В девятнадцатилетней курсистке жизнь бурлила. Но у нее был слишком свободный и независимый ум, она слишком зорко наблюдала за жизнью, чтобы связать себя

с какими либо либо доктринами, даже самыми модными доктринами ее молодости такими как толстовство, социализм или его разновидность марксизм. Все что стремилось втиснуть ее жизнь в какие то рамки вызывало в ней естественное отталкивание. Но в ней была внутренняя неудовлетворенность, стремление броситься куда то с разбегу. Не даром она так любила коньки. Рядом с братом Сережей, ловким и сильным, можно было как ветер мчаться вперед в пространство.

Для молодой девушки эта неудовлетворенность, это стремление к чему то новому, необычному, часто кончается замужеством. Мама пошла по этому же пути.

До сих пор я писал о моей матери как бы со стороны. Я так много слыхал о ее детских и юношеских годах, об этой Дине Тырковой, маленькой, немного дикой, сидящей в углу, всегда уткнувшись в книгу. А потом о мятежной и бурной красавице, чрезвычайно правдивой во всех своих порывах, чего то ищущей и не находящей по той простой причине, что ей самой был неизвестен предмет ее исканий. Я так хорошо знаю семейную обстановку вергежской жизни предыдущего поколения, знаю прежде всего из маминых рассказов, потом из рассказов бибиньки, немного дедушки (он был скуп на семейные рассказы), моих дедей и тетей, моей няни Агафьи Васильевны, старых слуг и даже крестьян, с многими из которых я был связан узами настоящей дружбы.

И всетаки до того как я сам почувствовал и ощутил маму она для меня оставалась только „ исторической личностью ". Умом я конечно знаю что эта „ историческая личность " моя будущая мать, но сердцем этого не чувствовал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ ЗАМУЖЕСТВО

Брат мамы, Алексей, который был на пять лет старше ее поступил в Императорское Кронштадское Техническое Училище, выпускавшее корабельных инженеров. Его одноклассником оказался мой будущий отец Альфред Николаевич Борман. Дядя Алеша Училища не кончил. Мой отец его кончил фельдфебелем, т.е. первым. Дядя ввел отца в свою семью. Он стал бывать в Вергеже.

Дина Тыркова вскоре стала невестой Альфреда Бормана. В ноябре 1890 года они повенчались. Его брат, мой дядя Сережа, будущий известный петербургский врач позже, в Вергеже, встретился с двоюродной сестрой моей матери, Верой Дмитриевной Тырковой и женился на ней. Таким образом две кузины Тырковых оказались замужем за двумя братьями Борман. У тети Веры было пять братьев морских офицеров. Сперва они были недовольны этим браком их единственной сестры с невзрачным студентом медиком, Но впоследствие они подружились со своим зятем. Брак тети Веры оказался счастливым.

Борманы принадлежали к совершенно другой среде — петербургской немецкой купеческой. Впрочем не совсем купеческой. Мой дед, ученый химик, Николай Борман обеспечил свою многочисленную семью изобретенным им бальзамом „ Бормани ". Благодаря этому бальзаму, моя бабушка, брауншвейгская немка, приехавшая в Россию

девятнадцатилетней девушкой, вытянула всех своих восьмерых детей, дав четырем сыновьям русское высшее образование.

Трудно, или просто невозможно сказать, чем привлек мой отец мою мать.

Может быть полной противоположностью характера и среды. Он был добрый, веселый, кампанейский человек, как говорится „ душа общества " и вместе с тем большой труженник, хорошо знавший свое дело. После окончания Инженерного Училища, он был зачислен в Морское Ведомство и после должного срока службы поступил в Морскую Академию, которую и закончил по классу кораблестроения. Но он легко шел по жизни, не мучаясь никакими отвлеченными вопросами. Все вопросы, которые переживала молодежь того времени были ему совершенно чужды и мама в этом отношении не могла найти в нем ничего интересного.

Первые годы супружества были не легкие в денежном отношении. Наняли дешевую и холодную квартиру. Мама мне часто потом рассказывала как она беспокоилась, что я простужусь, так как в углах был лед. Но довольно скоро это изменилось. Возможно, что перемена была связана с переходом моего отца на службу в Министерство Путей Сообщения. Он был командирован в Льеж, пройти курс в Электротехническом Институте. Затем пошли ответственные командировки заграницу. Как то он сопровождал министра Путей Соббщения. В Гамбурге пришлось общаться в высшими немецкими промышленными кругами. Мама несколько раз ездила с отцом заграницу или приезжала к нему. С детства помню часто повторяемый рассказ о крушении поезда под Берлином, когда перепуганная россиянка бежала по снегу вдоль поезда и отчаянно вопила „ где тут русские, где православные ". Мама ее подобрала. Другой рассказ о банкете в Гамбурге. Маму поразило как много ели отцы города и занимало, что они не знали как себя вести с молодой и красивой русской, стеснялись ее.

Она побывала в Париже, который сразу ее очаровал, и

привезла оттуда наряды и всякие вещи для туалета — шкатулочки, покрытые черепахой, щеточки. Я еще их помню, так же как серое платье в цветах, отделанное малиновым бархатом, которое мне казалось таким красивым.

Мама вышла замуж двадцати одного года. Первые годы положение жены успешного инженера ее увлекает. Они много выезжают, бывают в театрах, танцуют. Но с годами все это увлечение внешней пышностью жизни у мамы проходит. Она чувствует, что ей надо идти какими то другими путями. Через семь лет замужества она расходится с моим отцом.

Я маму и отца помню впервые когда мне было три года. Мы жили в Эртелевом переулке, квартира была во дворе. Мы возвращаемся домой. Я с няней Агафьей Васильевной. На нас нападает на дворе козел. Няня отбивается, но плохо, я прячусь за ее юбку. Появляется какой то защитник. Дома няня рассказывает маме о происшдшим. Мама смеется — это мое первое воспоминание о ней. Она гладит меня по голове говорит, что это пустяки, ничего страшного не случилось, не надо бояться козла. Потом, вероятно вечером, появляется отец — он весь кипит, выслушивая рассказ няни — это безобразие, я пойду жаловаться. Отец куда то пошел и козла убрали.

С тех пор мама начинает мелькать в моей памяти. Я уже твердо знаю, что есть мама и все остальные. Вижу ее сидящую перед зеркалом, что то примеряющую. Вот она прикалывает к платью розу — ах как красиво.

Няня, которая вынянчила маму и ее сестру, всегда неотлучно со мной, мама не всегда. Но когда она около меня, то все меняется, окрашивается каким то другим цветом, это мамин свет. Какая она, я не знаю и описать не могу. Знаю только, что она всегда очень красиво одета. Как я, трехлетний, могу сказать, что она красивая?

Позже, я всегда слышал со всех со всех сторон, что мама в молодости была очень красивая. Ее красота

сохранилась на всю жизнь. Она менялась, но всегда соответствовала ее возрасту.

Когда со мной что либо случается, или мне что либо надо, я бегу к ней и она все улаживает, как и что улаживает я не помню, но только помню эту мою твердую уверенность, что она все уладит.

Проходят годы, которые я отмечаю в моей памяти по квартирам. На следующий год на Надеждинской большая квартира. Мне четыре года, Память как то еще больше выделяет маму. Я что то напроказил, она делает мне строгий выговор, я плачу и говорю, что больше не буду. Потом в гостинной много людей в черной военной форме. Мама очень оживленная и улыбаясь, разговаривает с гостями. Папа мне объясняет — это твои дяди, они все между собой братья. Я поражаюсь, что столько братьев. Я чувствую, что мама разговаривает с ними как со своими. Я уже понимаю, что они не чужые. Это ее двоюродные братья, морские офицеры Тырковы. Другой раз опять гости. Мама в чем то желтом. Народу в гостинной много, но для меня она центр всего. Она разговаривает по очереди то с одним то с другим. Какой то высокий господин начинает петь да так громко, что я залезаю под стол, конечно около мамы. Она со смехом меня оттуда вытаскивает. В памяти стоит ее звонкий смех, смех моей мамы, центра моей жизни. Высокий господин, от пения которого я залез под стол был Федор Шаляпин.

Появляются первые воспоминания о Вергеже, вижу Волхов залитый солнцем и бибиньку, ласковую, но тем то озабоченную. Мама то тут, то уезжает, когда она возвращается это праздник. На Вергеже летом она всегда в светлых кофточках в цветах и в большой соломенной шляпе.

Дворник Егор берет меня на челне на другую сторону Волхова в Высокое. Я с ним сижу в полутемном помещении на длинной скамейке, рядом бородатые люди. Егор что то пьет и весело смеется — гогочет. При возвращении он энергично гребет и шутит со мной, Од-

нако по мере приближения к усадьбе настроение у него постепенно меняется.

— Ты молчи, а то нам с тобой влетит, — предупреждает он меня, Не знаю откуда узнали в Вергеже, что я с Егором был в кабаке.

Мама и бибинька ждут нас на террасе у конца лестницы. Егор пробует приинять ноншалантный вид, Но мама не дает ему опомниться и буквально налетает на него :

— Как ты смел, Адю брать в кабак, да понимаешь ли что ты сделал, пожалел бы нас со старой барыней.

Я до сих пор помню как она вся дрожит от возмущения.

На следующий год мы жили в Царском Селе в отдельном особняке Маму я помню мало. У меня сестра, Соня. С нами конечно наша нянюшка. Но всем в нашей жизни распоряжается мама. У меня чувство, что она все знает и за всем наблюдает, хотя и не всегда с нами.

Больше всего я ее помню, когда она позирует хромому художнику с черной бородой. Не могу сказать, сколько раз я присутствовал при этих сеансах. Но меня поражет, что каждый раз мама в другом платье, во всяком случает так мне кажется — в красном, голубом, желтом. Меня поражает, также что и на полотне соответствено меняются цвета. Каждый раз она говорит художнику, что так будет лучше и он покорно перерисовывает. — „ Мне не понравился этот портрет и я его уничтожила, — сказала мне мама уже значительно позже, — А напрасно, портрет был совсем хороший и бедного художника я совсем измучила ”.

Думаю, что поздним летом после Царского Села мы всей семье отправились в Крым, в Алупку, даже няня с нами. Помню маму всегда оживленную, смеющуюся и окруженую чужими тетями и дядями. Я уже за общим столом. Какой то гимназист говорит мне : „ смотри на креме (стоявшем посереди стола) муха, лови ее ”. Я не задумываясь, быстро хлопаю по крему рукой. Кругом

непонятный для меня смех, Веселее всего смеется мама, значит я не сделал ничего худого.

На следующий год квартира на Бассейной. Мне уже шесть лет. Меня кто то учит грамоте, но не мама. Я с трудом вывожу буквы. Помню большую, нарядную гостинную со стульями на тонких ножках обтянутых желтой материей с цветами. Столовая с фундаментальными стульями вокруг стола, кабинет папы, в котором сидят важные чужые дяди, иногда в военной форме. Мама что то спрашивает о нас у няни Агафьи Васильевны, которая повидимому недовольна, что вмешиваются в ее царство. Но мама резко говорит :

„ Будет как я сказала ”.

Няня поджимает губы.

Квартира на Бассейной была последней в совместной жизни моих родителей.

Весной мы дети оттуда уехали на Вергежу. Годы моего раннего житья в Вергеже сливаются — все это было одинаково блаженное житье. Много о нем рассказано, но ощутить его до конца, могут только те, кто его пережил. Мама не все время с нами, но она постоянно приезжает из города. Однажды, уже под осень — помню желтые листья, приезжает папа с посыльным в красной фуражке и заявляет бибиньке что мы уезжаем со следующим пароходом в Петербург. И папа и бибинька взволнованы. Но думаю, что я запомнил этот зпизод не из за их волнения, а из за появления на Вергеже посыльного в красной фуражке. В Петербурге существовала организация (артель) посыльных. Они стояли на углах многолюдных улиц и исполняли разные поручения — с ними посылали письма, цветы, пакеты. К нам на квартиру тоже иногда приходили посыльные. Но появление красной фуражки в Вергеже было совершенно необычайным и указывало, что происходит, что то из ряда вон выходяшее. Я помню, какое у бибиньки было сосредоточенное от волнения лицо. А няня охала и ахала.

Вечером меня с Соней папа привез в знакомую для нас квартиру на Бассейной. А утром пришла мама, о чем

то спокойно поговорила с папой и увела нас на квартиру к дяди Сережи.

Вот все что я помню о совместной жизни моих родителей. Я был мальчиком очень впечатлительным и не мог бы не запомнить каких нибудь сцен между ними, Что было, если вообще что то было, в нашем отсутствии, я не знаю. Но в моем присутствии никто из них никогда не повысил голоса. Даже в это утро, когда мама пришла за нами и решительно увела нас, все произошло внешне совершенно спокойно. А у папы конечно было желание нас оставить у себя. Он нас очень любил и сохранил эту любовь к своим детям в течение всей жизни. Они оба нас пощадили, за что мы оба и благодарны им. Мама очень скоро, может быть на следующий день, увезла нас обратно на Вергежу.

Я не знаю почему разошлись мои родители, но думаю, что естественнее было бы задать вопрос, каким образом они прожили вместе около семи лет. Слишком уж разные они были, а главное папа не мог выявить в маме того, что должно было выявиться. Он просто не ощущал этой необходимости.

Позже она всегда очень сдержанно мне говорила :

Не вышло, не сошлись характерами.

От нее я никогда не слышал порицания моего отца. То же самое могу сказать и про отца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРУДНОЕ НАЧАЛО НЕЗАВИСИМОЙ ЖИЗНИ

Не легко, а порой даже очень трудно, было мама начинать самостоятельную жизнь. Ей было двадцать восемь лет и на ее руках было двое детей. Но никакой профессии у нее не было, почти не было литературных и газетных связей. Не было никакого опыта писания. Повидимому она никогда раньше не писала. Говорю повидимому потому что я никогда не слыхал от нее о каких бы то ни было ранних опытах писания, кроме нескольких переводов. Переводной работы она не любила. Безденежье ее давило. Никакого регулярного заработка не было. Правда каждый месяц появлялся курьер из министерства с деньгами от отца для детей. Но этой суммы не хватало.

Была еще Вергежа и твердая уверенность, что она всегда может туда свести нас.

Первую зиму ее самостоятельной жизни так и вышло. Я с Соней провели ее в Вергеже, под опекой бибиньки. Мама появлялась только наездами.

Мне было семь лет. Мама не очень одобряла мое увлечение вергежским хозяйством, лошадьми, обществои крестьян, работавших в имении. Но, живя в городе, она ничего не могла сделать, а денег не было, чтобы взять нас в Петербург.

В городе она снимала одну комнату. Как то зимой она привезла меня в Петербург и я оказался ее поводырем

по улицам. В ту зиму она болела трахомой, заразившись от крестьян, которых она лечила. Окулист ей давал какое то лекарство, от которого слипались глаза. Ничего другого я не помню из моей поездки в Петербург к ней. Но в ту одинокую для себя зиму, когда мама очень скучала без детей, она уже начала писать, сразу выбрав себе псевдоним :

А. ВЕРГЕЖСКИЙ

Через шесть — семь лет этот мужской псевдоним исчез и появилась :

А. ТЫРКОВА.

Газетная работа ей сразу пришлась по вкусу. Впрочем это была не газетная редакционная работа в теперешнем понимании этого слова. Она писала короткие очерки на самые разнообразные темы.

Она начала еженедельно посылать „ Петербургские письма " в газету „ Северный Край " выходившую в Ярославле. Это была умеренная оппозиционная газета, в которой принимали участие многие земские деятели.

Прошло несколько лет пока А. Вергежский завоевал себе популярнасть и даже известность. Вскоре кроме „ Северного Края ", мама начала писать в екатеринославской газете „ Приднепровский Край ". Получала она там тоже построчно, никакого фикса не было.

Мама впервые почувствовала свою газетную популярность, когда на большой станции где то на юге она услыхала как продавец газет кричал „ Приднепровский Край ", хороший фельетон Вергежского ".

„ Моя жизнь так сложилась, — пишет мама в своих „ Воспоминаниях ", — что мне пришлось зарабатывать на себя и на детей. Я была к этому неподготовлена, не представляла себе трудностей, которыми жизнь часто встречает новичков. У меня не было профессии. К счастью я сразу схватилась за журналистику, сделала

писательство своим ремеслом, которому я до сих пор служу. Это позже сблизило меня с деятелями оппозиции. Но в начале я чувствовала себя на новой дороге очень одинокой " („ На путях к свободе " стр. 13.). Первые ее рассказы были напечатаны в „ Приднепровском Крае ".

Ее там сразу оценили и просили писать как можно больше. Но скоро редактор Лемке ушел из газеты и потянул за собой всех сотрудников. В русской журналистике существовала довольно неразумная, но твердая, традиция, коллективного ухода с рабским подчинением редактору. Это бессмысленная традиция сохранилась даже после того как свободная русская печать была уничтожена большевиками и когда с таким трудом удавалось создавать за пределами России русские газеты. Но в те времена мама считала для себя абсолютно обязательным уйти в след за редактором, которого она лично даже не знала, и который кстати сказать потом перешел на большевистскую сторону. В своих „ Воспоминаниях " мама описывает как издатель „ Приднепровского Края ", екатеринославский подрядчик, приехал к ней в Петербург и уговаривал ее остаться в газете, обещая фикс. Она высмеивает этого издателя за то что он предложил ей то, что по ее мнению, было совершенно недопустимо. Но ей во первых очень нужны были деньги, а во вторых очень хотелось где нибудь больше писать, а в „ Приднепровском Краю " к ней так хорошо относились.

Муж ее старой учительницы С.Н. Кривенко устроил ее театральной рецензенткой в газету „ Сын Отечество " созданную еще в двадцатых годах девятнадцатого столетия. Она не очень любила театры, не любила по вечерам уезжать из дому. Вообще эта работа ей была не понутру. Но она держалась за нее пока не надорвалась и пришлось все прекратить, занять деньги и уехать на отдых в Крым.

Как только мама начала работать в газетах она сразу же была захвачена оппозиционными настроениями, которые царили тогда среди русской интеллегенции. Она ими жила уже до замужества. Потом, во время замуже-

ства они в ней частично были притушены. Когда же она вышла на литературную дорогу, сперва на газетный проселок, то вся тогдашняя атмосфера была такова что оппозиционный дух не мог не захватить ее.

При резкости ее характера в молодости, при порывистости и даже бурности, при наклонности идти до конца и если нужно напролом, еще удивительно, что она никогда не принадлежала к крайним течениям. Это только показывает, что несмотря на бурность своего темперамента она с самой молодости располагала очень трезвым умом и действительной любовью к индивидуальной свободе.

В своих „ Воспоминаниях " она говорит, что никогда не была ни толстовкой, ни народницей, ни марксисткой. К этим ее словам можно прибавить, что ни только марксизм, но и никакие другие формы социализма никогда не привлекали ее. Она часто повторяла, что ее отталкивало отсутствие свободы и независимости, которое она всегда чувствовала в социализме, Она была против казарменного устройства жизни. Позже уже во время Первой Мировой Войны она часто повторяла с улыбкой :

„ Казарма необходима только для солдат, а не для всех людей ".

Но по своим первым общественным связям она прежде всего познакомилась если не с марксизмом, то с марксистами.

Первый литературный дом, где она бывала еще гимназисткой, был дом матери ее школьной подруги Лиды Давыдовой, Александры Аркадьевны Давыдовой. Там она познакомилась с одним из основоположников русского марксизма Михаилом Ивановичем Туган — Барановским, женившимся впоследствие на Лиде. Там же она услышала о Петре Бернардовиче Струве, другом марксисте в те времена. Он был женат также на однокласснице мамы Нине Александровне Герд.

И наконец какие то отклики о марксизме она

слышала в доме Крупских, хотя Ленина в России никогда не видала.

В своих „ Воспоминаниях " мама пишет :

„ Благодаря им (т.е. этим марксистам) я рано познакомилась с русским марксизмом, вернеее не с марскизмом, а с марксистами. Теорию их я никогда не изучала и чем больше слушала длинные разговоры о Карле Марксе, его учении, его письмах к Энгельсу, с указанием в каком издании, на какой странице находится та или иная цитата, тем менее у меня было охоты изучать его. Хотя я была молода, марксисты были первой политической группировкой, с которой я встретилась, а с молоду новизна идей, и чужой энтузиазм легко увлекает, но я оставалась холодна " „ („ На путях к свободе " стр 33).

Конечно мама никогда не прочла даже первого тома „ Капитала ", что считалось совершенно обязательным даже в мои студенческие годы.

Такие недюженные люди как Туган — Барановский, Петр Струве, Булгаков (впоследствие о. Сергий Булгаков), Бердяев и Франк несмотря на систематическую и методическую подготовку, несмотря на свою огромную начитаность, были захвачены философским убожеством марксизма и некоторое время оставались марксистами.

Все они в тот ранний период, кроме Франка, маму знали и возможно, что в начале относились к ней с покровительственной снисходительностью. Однако эта молодая женщина совершенно неискушенная в изучении толстых, часто тупоумных фолиантов, зараженная тем же духом оппозиции, что и эти мудрецы, благодаря своему внутреннему чутью, и я бы сказал интеллектуальному такту, удержалась от этого и дальше умеренных оппозиционных настроений никогда не пошла, даже в самый бурный период своего развития.

Благодаря своим гимназическим дружбам виделась мама и с людьми совершенно другого круга. Ее ближайшая подруга Вера Григорьевна Черткова была замужем за будущем командиром л.г. Конного Полка и начальником Генерального Штаба Гернгроссом. Они бывали друг у

друга, Сыновья Веры Григорьевны были моими сверстниками и также учились в Тенишевском Училище, Я бывал на квартире командира Конного Полка. На меня производила очень большое впечатление разница нашей домашней обставовки в широком смысле этого слова с обстановкой командирской квартиры. Впрочем такое же впечатление производил на меня образ жизни отца. Он женился на девушке из высшей военной среды. В большом и нарядном особняке всегда было несколько денщиков, хотя офицеров в доме не было. Мне отец как то сказал, что покойный муж тетки его жены, которая жила с ними, был приближенным Александра третьего. Позже отец разошелся со своей второй женой.

Мама была очень дружна с Верой Григорьевной. Я с мамой бывал у них в имении и как то ездил через всю Россию в город Проскуров, где Полк. Гернгросс командовал гусарским полком. Но это было еще до развода мамы. Мне было года четыре.

Однажды мы сидели в большой командирской гостинной, окна которой выходили на огромный плац. Кроме двух подруг были еще какие то дамы. Мы дети играли на полу на ковре. Вдруг все взрослые бросаются к окнам и показывают на человека залезшего на самую верхушку мачты, возвышавшейся посереди плаца.

„ Это поручик Павлов " — деловито сообщает одна из дам.

„ Но почему же он залез на мачту ? — спрашивает мама.

„ От скуки " — коротко отвечает дама.

Тогда я ни как не мог себе представить, что от скуки можно залезть на мачту. Но ее ответ запомнился мне на всю жизнь и даже сейчас я слышу звук ее голоса.

Все эти люди оказывали то или иное, большее или меньшее влияние на маму. Но решающее влияние в отношении ее общественных настроений оказал несомненно кн. Дмитрий Иванович Шаховской.

Это был земец либерал, убежденный конституционалист, прошедший через толстовство и увлечение народ-

ничеством. Правительство не утверждало его на постах в исполнительных земских органах. К началу века вся его работа в земстве сводилась к участию в земских собраниях. Он жил с семьей в Ярославле и имел ближайшее отношение к газете „ Северный Край ", а также участвовал в движении направленном на объединение земств.

В молодости Шаховской был близок к семье Толстого. Он постоянно появлялся в Ясной Поляне и за него прочили одну из дочерей Толстого. Но это почему то не вышло. Он женился на дочери проф. мед. Сиротинина и был хороший семьянин. Его дети были немного старше меня. Принципальность во всех отношениях была его характерной чертой. Он всегда очень сурово осуждал непринципиальное поведение людей.

Надломленная работой мама приехала с нами в Ялту где в тот момент литературная и театральная жизнь бурлила ключем. Собрались самые видные писатели во главе с Чеховым, приехал Станиславский вместе с со многими актерами Московского Художественного Театра.

Привожу дальше рассказ мамы не по напечатанному тексту „ Воспоминаний ", а по ненапечатанному варианту. В конце первой главы второго тома („ На путях к свободе ", стр. 25-27) есть этот рассказ, но мне кажется в ненапечатанном варианте он более красочен. (стр. 261-264) „ Когда я надорвалась, я перестала верить в себя. Праздничная ялтинская жизнь, игравшая кругом, катилась мимо меня. Я в ней была чужая. Жизнерадостная художественая напряженность и полнота излучавшаяся от кружка Станиславского, оттеняла мою неприспобленность, оторванность. Жизнь казалась мне конченой, хотя на самом деле она для меня еще только начиналась ".

„ И вдруг в мою дверь постучал Шаховской. Разыскал меня, чтобы посмотреть на что похож А. Вергежский, статьи которого каждую неделю появлялись в газете, где он был одним из двух редакторов. Он привез мне привет от редакции „ Северного Края ". Его дружественность была для меня первым признанием моей при-

годности, первой связью с общественностью, в которую позже я окунулась с головой ".

„ Его обаятельность, его значительность я сразу почувствовала, хотя была очень далека от того, чтобы угадать, что мой новый знакомый вскоре станет известен всей читающей России, как руководящий общественный деятель, как один из представителей блестящей плеяды дворян радикалов, наложивших свою печать на освободительное движение . . . В нарядной Ялте этот Рюрикович жил по студенчески в маленькой комнате, питался рисом с компотом, который сам варил на спиртовке, и целыми днями бегал по горам, что тогда делали еще немногие. На набережной в толпе его было не видно ".

„ В первую нашу встречу в Крыму я еще не могла хорошенько в нем разобраться. Я только с удивлением смотрела на него. Таких людей я еще не встречала. Шаховскому было лет сорок. У него и внешность была незаурядная. Тонкие, красивые, руки с длинными пальцами, движения которых, то подчеркивали, то дополняли его слова. Светлый, выпуклый чуть сжатый на висках лоб, на который упрямо падала прядь рыжеватых волос. Лицо круто суживалось к подбородку. Горбатый, тонкий нос, круглые, зеленоватые, ястребиные глаза придавали Шаховскому что то птичье. Его быстрота, подвижность, устремленность, усиливали это впечатление. Худой, длинноногий, тонконогий, Шаховской, как аист, не то ходил, не то летал. Когда он ворвался ко мне и опять умчался точно трепет крыльев пронесся по комнате. Это оущение и потом в долгие годы нашей дружбы я не раз испытывала ".

„ Наконец я встретила человека, на которого я была согласна смотреть снизу вверх. Это совсем не было обидно. Это делалось само собой. До тех пор я жила в затянувшейся школьной заносчивости. Редкая память, сообразительность более быстрая, чем у большинства моих сверстниц и сверстников, начитанность, хотя и бессистемная, все это давало мне ложное сознание моего превосходства. Женские мои успехи еще его усиливали.

Я вышла замуж и опять попала в среду людей, от которых мне нечему было учиться. Сравнение с ними не развивало во мне скромности. Я проходила мимо них. Меня влекли люди других эпох, меня волновали книги, стихи, идеи, но не то, что я видела и слышала кругом себя. Я томилась по каким то большим задачам, которым можно отдаться всей душой, искала дела, но отвлеченно, беспомощно, не знала как за эти поиски приняться. Изредка встречалась с писателями и журналистами, которые меня больше занимали. Но мне и в голову не приходило пойти за кем нибудь из них. Не знаю кого за это корить, их или себя. Или благодарить судьбу, что она меня не прикрепила ни к одной из тогдашних группировок ? А может быть надо пожалеть, что ни толстовцы, ни социалисты не взволновали смолоду моего воображения. Юность горит ярче, если в эти впечатлительные годы она увлекается живой идеологией и ее носителями ".

„ В этом смысле Шаховской принес мне молодость. Во мне не было и тени любовного увлечения, но было что то более глубокое, дарящее. Распахнулись двери, открылись просторы, по которым я давно скучала. Я даже могла вообразить, что сама нашла к ним дорогу. "

„ Шаховской не поучал, не преподавал, никуда не загонял. Он ко мне присматривался, гулял со мной и детьми по окрестностям, рассказывал мне про Ярославль, про редакцию про Э.Г. Фалька, хозяина „ Северного Края ", который они вместе вели. "

— Вот приезжайте к нам, в Ярославль. Будем вместе работать. Посмотрите на Волгу. Что вам киснуть в чиновничьем Петербурге . . . "

„ Встреча с Шаховским больше сделала для моего выздоровления, чем южное солнце. Он расправил мою смятую душу, вдохнул в меня уверенность, что я могу писать, хотя он хвалил меня скупо, тоже пополам со смехом. Для меня это было и лучше. Я никогда не была жадна на похвалы, сомневалась в их искренности, в их заслуженности, все равно хвалили ли меня с молоду за внешность, или позже за ум. Но каждое, вскользь бро-

шенное одобрительное замечание Шаховского прибавляло мне сил. И его добродушная усмешка учила. Но в Ялте я еще не угадывала, что наша встреча окажет решающее влияние на мою жизнь. Я еще жила как связанная."

Шаховской убеждал маму, хотя она и говорит, что он никогда не убеждал а только разъяснял, что прежде всего надо добиться конституции. В те времена под этим словом русское общество понимало народное представительство и установление политической свободы.

И это слово зажглось в маме, как некая путеводная звезда, к которому и она и все кругом должны стремиться. Помню, как в 1903 году, когда я уже понимал очень многое, я вошел в соседнюю с моей комнатой спальню мамы. Она вдруг поднялась в кровати и сказалась мне очень значительным тоном:

„Ты знаешь в России через несколько лет будет конституция, какая огромная радость."

В самом начале второго тома своих воспоминаний мама пищет:

„Теперь, после того, что терпит Европа, чем болеет Россия, я иначе отношусь ко многому, что тогда происходило, в чем я, так или иначе участвовала. Мне виднее стали наши слабости, ошибки, заблуждения. Но я не отрекаюсь от своего прошлого, от основных идеалов права, свободы, гуманности, уважения к личности, которым и я по мере сил служила." („На путях к свободе", стр. 11).

И несомненно что в выявлении этих идеалов сыграл большую роль Дмитрий Иванович Шаховской. Он знал маму по фельетонам в „Северном Крае" и встретив ее в Ялте, повидимому почувствовал мамин яркий, но еще не выявшийся талант. Она была молодая (в начале столетия ей было тридцать один год), красивая женщина, у которой с самой юности была способность оживлять всякий разговор, всякую беседу.

Шаховской повидимому подействовал на нее сдерживающе, успокаивающе. Но не так просто была тогда обуздать мамину бурную, до крайности независимую и непреклонную натуру. Но эта бурность и порывистость в

ней совмещались с внутренней скромностью и даже сдержанностью. Она всегда очень скромно рассценивала свой писательский талант. Думаю, что в молодости это ей мешало, я во второй половине жизни может быть помогало, так как заставляло ее очень внимательно работать над своими рукописями. В маме также с самой юности было безошибочное моральное чутье. Ее всегда отталкивало от морально испорченных людей, как бы они не были интересны в интеллектуальном отношении.

Один эпизот рассказанный ею в ее „ Воспоминаниях " очень характерен для почти неудержимой стремительности мамы в те ранние годы ее жизни.

Она пришла к А.А. Давыдовой и там узнала, что на следующий день назначена на Казанской площади студенческая демонстрация протеста. Раньше об этой демонстрации она ничего не знала. Но когда один из присутствовавших в гостинной Давыдовой спросил ее идет ли она на эту демонстрацию, то мама сразу ответила утвердительно.

Она пошла вместе с мужем своей подруги Лиды, проф. М.И. Туган-Барановским. Вместе с десятками или сотнями других демонстрантов она была арестована на улице и просидела в тюрьме десять дней. В протоколе об ее освобождении, составленном жандармским офицером говорилось : „ Десять дней сидения в Литовском Замке зачесть наказанием за праздное любопытство ".

Недаром Шаховской искренне смеялся, придя к нам и узнав, об ее аресте. Я помню волнение в квартире и полное недоумение нашей бонны немки, почему этот высокий рыжебородый человек смеется, узнав, казалось бы неприятную новость, об аресте своей знакомой. А мы с сестрой обиделись на Шаховского за этот смех.

„ Дурак, мы говорим, мама в тырьме, а он как захохочет ", возмущалась Соня.

Туган-Барановский отделался не так легко. Он был выслан из столицы кажется на несколько месяцев. Такая же участь постигла Петра Струве.

В тюрьме мама почувствовала свое внутреннее от-

личие от женской революционной массы. Студентки ее шокировали полным неумением держать себя, а также отрицательным отношением к Евангелию, которое какая то дама посетительница предложила им прочесть.

Я думаю, что в молодости мама не часто читала Евангелие, но относилась к нему с исключительным уважением всегда подчеркивая, что это особая книга.

В своих „Воспоминаниях" мама пишет :

„На Казанской площади началось мое участие в Освободительном Движении, сначало случайное, отрывистое, потом все более и более близкое."

В начале это участие выражалось только в присутствии на литературных банкетах, обычно происходивших под председательством Н.Ф. Аненского. В начале столетия эти банкеты были единственной общественной формой протеста писателей и журналистов против политического режима в стране. Они знали, что среди лакеев много сыщиков, что придавало им уверенности в политической значительности этих собраний. Присутствовавшие на банкетах считали, что они действительно участвуют в Освободительном Движении. На одном из банкетов председатель настойчиво предлагал маме сказать слово.

„Пришлось встать, — пишет она в своих „Воспоминаниях", — Все повернулись в мою сторону. Я никогда еще не говорила публично и за минуту перед тем не подозревала, что мне придется говорить. Как известно большинсво экспромтов заготовляются заранее. У меня ничего не было заготовлено. Было страшновато, но я с детства выработала в себе правило — если страшно, идти прямо на то, что пугает. Пошла и тут, наскоро собрала какие то отрывки мыслей, мелькавшие в мозгу, сказала, что то сбивчивое, перепутанное, но не отступила. Мне хлопали за храбрость, за то что я была моложе большинства присутствовавших".

Вероятно в те времена мама только усмехнулась бы если кто нибудь ей сказал, что через десять лет она будет вести многолюдные собрания, наспех составляя или редактируя резолюции.

Настала зима 1902-1903 года. У мамы сократились заработки. Оставался только „ Северный Край ", который платил очень мало.

Сокращение маминых заработков никогда не отражалось на нас, ее детях, и мы не чувствовали ее денежных затруднений. Я уже был заправским школьником второго класса и следил за мамиными писаниями. Я всегда знал когда и о чем она посылала фельетоны в газеты.

Сама она уже чувствовала себя гораздо тверже чем в первые годы своей независимой жизни. Круг ее знакомых расширялся. На нашей квартире стали появляться писатели и журналисты, но кроме Куприна я никого не помню. Первым браком Куприн был женат на приемной дочери А.А. Давыдовой отсюда и знакомство его с мамой.

Помню только, что она стала более уверенной и решительной.

И несмотря на то что ее петербургская жизнь налаживалась весной 1903 года она приняла приглашение от редакции „ Северного Края " приехать в Ярославль и принять более близкое участие в газете.

Приблизительно в феврале она берет меня из школы и мы все трое впервые попадаем в русскую провинцию. В Ярославе маму встречают очень радушно. На вокзале чуть ли ни вся редакция. Хозяин газеты Фальк в продолжительном отсутствии (кажется заграницей). Мы вселяемся в его квартиру против редакции. В глубине двора шумят типографские машины. Мама ежедневно ходит в редакцию. Кругом только дружеские лица-члены редакции.

Мелькает Шаховской, но не особенно часто. Он живет на одной из соседних улиц, его дети слишком велики, чтобы составлять нам кампанию. Газета проводит умеренную линию земской либеральной оппозиции. Но за ней внимательно следят губернские власти и иногда вице губернатор, по должности исполняющий обязанности цензора, накладывает свою руку на те или другие статьи.

Мама уже позже мне говорила, что, приехав в

Ярославль, она вдруг почувствовала, что совершенно не может писать и до конца лета, когда мы уехали обратно в Петербург, мама почти не помещала статей в газете. Но она ежедневно участвовала в редакционных совещаниях и у нее был какой то фикс.

Летом она сняла большую дачу за Волгой против Ярославля и каждый день ездила в город. На даче у нее постоянные гости. Часто устраиваются прогулки на лодке по Волге. Людей имеющих отношение к редакции я знаю, но мелькают также чужые для меня лица. Помню как петербургский приват доцент ходит по саду с нашей учительницей и читает ей лекцию по истории исскуства.

Но кто это был не могу вспомнить.

Мама со всеми оживленная, быстрая всегда найдется ответить, особенно когда она не разделяет высказанного собеседником мнения.

Случайно запомнил один короткий разговор.

Молодой сотрудник редакции, кажется по фамилии Смирнов, в мирной вечерней обстановке показывает собравшимся как надо бегать чтобы не уставать.

„Что же это вы от турок собираетесь бегать?", насмешливо спрашивает мама. Можете быть уверены войны никогда не будет" — безаппеляционно добавляет она.

Это происходило за одиннадцать лет до войны. Но такое же мнение я слыхал от моего дяди морского офицера уже после Сараевского убийство, напоминаю об этом в оправдание мамы.

В середине лета мы с Соней уехали на Вергежу. В августе мама тоже окончательно покинула Ярославль, думаю из за того что не могла писать. Но без нас она еще больше окунулась в либерально-оппозиционную общественность в связи с происходившей в городе выставкой. Хорошо не помню, но возможно что губернатор распорядился закрыть эту выставку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНТРАБАНДИСТКА ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Осенью 1903 года мы поселились на Преображенской улице, в центре Петербурга. Квартира была большая. Я пошел в третий класс. Соня кажется еще не ходила в гимназию. Где писала мама я совершенно не помню, но ее жизнь становилась все увереннее. У нас часто бывали гости. Из Вергежи приезжали бибинька и дедушка. Бибинька обыкновенно останавливалась у нас. Мама куда то постоянно уходила, но куда не знаю. На столах в гостинной лежали книги и журналы: В гостинной же она и писала. Мама как всегда внимательно следила за нашим учением и заботилась о всех подробностях нашей жизни. Эта большая забота о своих детях, а потом о внучках и о правнучке сохранится у нее до конца жизни. Она не считала это своей обязанностью, а просто неотъемлемой частью своей жизни.

Она бывала в Тенишевском Училище на родительских собраниях и всегда, смеясь, рассказывала, что директор А.Я. Острогорский просил ее защищать его от бестолковых матерей.

Как то она сообщила нам, что едет отдохнуть в Финляндию на водопад Иматру. Это было излюбленное место короткого отдыха для петербуржцев. Поэтому никто из нас не был удивлен ее поездкой.

Через день или два, когда в Тенишевском Училище

шел утренний урок, я вижу через стеклянную дверь, что директор Острогорский вызывает меня из класса.

К директору идешь всегда с волнением, даже если на совести ничего нет.

„Где твоя мама ?" — коротко спрашивает Острогорский.

В Училище установилась традиция, что директор и старые учителя обращались на ты к ученикам, находившимся в Училище с приготовительного класса. Мы гордились этой традицией. Я помню, что даже в восьмом классе два-три учителя обращались ко мне на ты.

— Уехала на Иматру, — простодушно ответил я, успокоившись, что я не в чем не провинился.

„ Ага ", — как то неопределенно ответил Острогорский.

„ А больше ты ничего не знаешь ? — спросил он.

„ Нет "

„ Ну ступай в класс. "

Придя домой и рассказав бибеньке об этом разговоре с Острогорским, я увидел, что она чем то встревожилась.

Я конечно не знал, что мама вместе с прив. доц. Е.В. Аничковым согласились доставить из Финляндии партию журнала „ Освобождения ". Это был либеральный оппозиционный журнал издававшийся Петром Струве в Штутгардте. Поручение это было дано двум контрабандистам умеренной анти-правительственной организацией — „ Союз Освобождения ". Главной целью этой организации было добиться политической реформы, установления народного представительства и гарантии политической свободы или как тогда говорилось свободы личности. Эта организация была очень секретная. Мама к ней не принадлежала. Но Острогорский, директор одного из самых модных среднеучебных заведений в России, где учились дети высшего чиновничества и крупной буржуазии, вероятно состоял в „ Союзе Освобождения " и раньше других получил сведения, что контрабандистов постигла неудача.

Е. В. Аничков бывал у нас в городе и в Вергеже. Он

был специалист по ранней русской народной поэзии и читал лекции в университете. Кроме того он был крупный помещик в соседнем с нами уезде и лошадник. Это меня с ним сближало. Я всегда завидовал, что у него в Боровицком уезде лошади лучше чем в Вергеже.

Вечером того же дня, когда я принес бибиньке известие о разговоре со мной моего директора, а может быть и на следующий день, раздался звонок и в квартиру вошло много полицейских и один штатский. Начался тщательный обыск, рылись даже в наших учебных книгах. Поскольку память мне не изменяет кроме нескольких номеров „ Освобождения " в квартире не было найдено ничего предусудительного с полицейской точки зрения. Обыск проходил совершенно спокойно, полицейские были вежливы, особенно когда пристав выяснил, что дедушка, бывший в квартире во время обыска, действительный статский советник. Я с Соней все время шмыгали между полицейскими и были особенно заинтересованы тем, что штатский так внимательно перелистывал мои учебники географии и истории.

Мама и Аничков были арестованы в вагоне на пограничной станции Белоостров. Жандарм обходящий поезд заметил, что из кармана пальто Аничкова высовывался номер „ Освобждения ". Возможно, что жандарм не заподозрил бы, что дама едет вместе с ним, но Аничков, растерявшись, произнес по французки „ мы пропали " **(Nous sommes perdus).** Тогда их вместе отправили в станционное здание. Специальная таможенная надзирательница обыскала маму и нашла на ней пакеты с нелегальным журналам. То же самое в другой комнате было найдено на Аничкове.

Контрабандисты были сразу же доставлены в Петербург в дом Предварительного заключения. Вероятно оттуда и пришло официальное извещение бибиньке об аресте мамы.

Маму посадили в одиночную камеру. С ней началась переписка и потом свидания. Мама писала часто. Пачка ее писем из тюрьмы хранилась у нас на петербургской

квартире до самой революции. Они были по диагонали перечеркнуты каким то желтым химическим составом. Письма мамы были длинные. Она описывала все мелочи тюремного заключения, писала также о книгах, которые она брала из хорошей тюремной библиотеки. Наша кухарка, Иринья ей носила еду — передачи. Но основное она все получала и просила только присылать добавку для разнообразия. В царских тюрьмах кормили сытно, но скучно. Ее надзирательницы были спокойно вежливы. Однажды появился какой то старший надзиратель, который добродушно вспоминал маминого брата сидевшего в Доме Предварительного Заключения в начале восьмидесятых годов. Главное развлечение в тюрьме это было перестукивание с соседками. Все было чинно и благоустроено в царской тюрьме, но конечно тюрьма есть тюрьма и мама томилась в заключении. Это сквозило в ее письмах и об этом она позже рассказывала.

Начались свидания. В дом Предварительного Закщючения на свидания мы дети всегда ходили с бибинькой. Но она ходила также и без нас. В тюрьме свидания происходили через решетку, вернее через две решетки. Между посетителями и заключенными был узкий коридор, по которому все время ходил надзиратель. Срок этих тюремных свиданий кажется был ограничен четвертью часом или даже десятью минутами. Атмосфера была очень неприятная — мама за решеткой. Мы дети всегда прижимались к бибиньке. Но мама всегда старалась казаться бодрой и улыбалась нам.

. Позже свидания были перенесены в Губернское Жандармское Управление на Тверской улице. Туда мы с Соней ездили вдвоем, без бибеньки. Обстановка этих свиданий было совсем другая. Нас вводили в большую комнату, где за большим столом сидел жандармский офицер в золотых очках. Мама уже была там. Мы боязливо подходили к ней и она нас целовала. Жандармский офицер делал вид, что погружен в чтение бумаг. Мама вынимала из своей сумочки конверт с конфетами и, обращаясь к офицеру спрашивала :

Вы разрешите передать конфеты детям ?

— Пожалуйста, пожалуйста, — торопился ответить жандармский офицер. У него был вид человека разговаривавшего с дамой. Иногда он отрывался от чтения и вмешивался в разговор, не для того чтобы его контролировать, а просто для того чтобы принять участие в беседе матери с детьми.

Этот жандармский офицер был следователем по маминому делу.

Я не помню когда маму взяли на поруки, но на Рождество она уже была дома и мы все уехали на Вергежу. На поруки ее взяла ее гимназическая подруга Вера Григорьевна Гернгросс, муж который в тот момент командовал л.г. Конным полком. Она внесла тысячу рублей, что тогда были не малые деньги.

Мама опять была с нами. Что она делала я не помню. Помню только что кажется в марте (1904 г) я был разбужен ее стонами. У нее появились очень сильные боли в левой руке. Вероятно на следующий день она была перевезена в больницу. Помню как она лежала в отдельной комнате совсем слабая, окруженная многочисленными родственниками. У нее было какое то редкое воспаление костей в кисти левой руки. Одно время даже опасались за ее жизнь. Через некоторое время она вышла из больницы совершенно слабая с подвязанной левой рукой. Она еще долго была больна и рука ее была в болезненном состоянии.

28-го апреля она и Е.В. Аничков были вызваны на суд. Их дело разбиралось особым присутствие Петербургской Судебной Палаты с сословными представителями. С рукой на привязи, мама пришла „ с воли ”, Аничкова привели из тюрьмы. Мамин защитник в своей речи настаивал на том, что подсудимые были простые контрабандисты. Маму это возмутило и когда ей было предоставлено последнее слово, то она встала и заявила, что они хорошо знали, что делали, когда пытались привести из заграницы запрещенный журнал.

„ Как писательница я остро чувствую, как нам нуж-

на свобода слова. Мы стеснены в выражениях наших мыслей, цензура зажимает нам рот. России нужна свобода, нужна конституция . . . сказала мама („ На путях к свободе ” стран. 160).

На этих словах председатель лишил ее слова. Суд вынес суровый приговор — два с половиной года тюрьмы с лишением прав.

Аничкова сразу увели в тюрьму, Мамин же защитник просил суд ввиду ее болезни разрешить ей еще на время вернуться домой.

Суд удалился на совещание и удовлетварил это ходатайство. Мама сразу решила бежать заграницу, считая, что ей очень трудно будет вынести тюрьму из за ее болезни. Но необходим был срок для организации побега. Мама пошла к председателю суда Максимовичу и просила его продлить ей срок пребывания дома.

Посколько я помню Максимович был одноклассиком по Училищу Правоведения ее старшего брата Виктора.

„ То как он меня принял, — пишет мама в своих „ Воспоминаниях ”, — напомнило мне мой разговор с вице-губернатором (ее цензором) в Ярославе. Только председатель суда со мной был любезнее, хотя к нему пришла осужденная преступница. Болтливый Мандельштам (ее адвокат) рассказывал мне, что Максимович был удивлен моим дамским видом и сказал, что первый раз видит элегантную революционерку, что это знамение времени, что крамолой занялись не только стриженные нигилистки, но и барыни („ На путях к свободе ”, стр. 162 стр.).

Маму перевели без всяких затруднений через финляндскую границу. Четырнадцать лет спустя мне несравненно труднее было переходить через эту же границу, спасая свою жизнь от большевиков.

Из Финляндии еще проще она переправилась в Швецию, откуда уже спокойно поехала в Германию. Она ехала в Штутгардт, где находилось „ Освобождение ”. Как я уже говорил его редактор Петр Бернгардович Струве был женат на маминой гимназической

подруге, Нине Александровне Герд. К сожалению по дороге она остановилась в немецком городе и показала свою руку, все еще остававшуюся без нормальных движений, какому то неизвестному немецкому врачу. Он положил больную кисть на стол и с силой нажал на нее, Мама от боли потеряла сознание. Этот доктор на всю жизнь искалечил кисть маминой левой руки. У нее никогда не восстановились нормальные движения.

В солнечный июньский день в Вергеже бибинька сказала нам о бегстве мамы заграницу.

„ С меня как гора с плеч. Я так беспокоилась. Ваша мама ведь еще совсем слабая, — сказала она многозначительным тоном.

Слабой, с больной рукой маме трудно было путешествовать одной. Рука еще почти не действовала и особенно после визита к немецкому врачу и ей было очень трудно самой одеваться.

В Штутгардте она поселилась около семьи Струве. При редакции „ Освобождения " жил молодой новозеландец Гарольд Вильямс (или по русски Гарольд Васильевич Вильямс), который впоследствие стал ее мужем. Вильямс был прикомандирован к „ Освобождению " лондонской газетой „ Таймс ", чтобы давать сведения о России. Петербургский корреспондент „ Таймса " был за что то выслан из России, насколько я помню за сообщение подробностей о кишиневском погроме. Газета рассердилась на русское правительство и решила не посылать другого корреспондента в Петербург и прикомандировала своего представителя к эмигрантскому журналу „ Освобождение ".

Я хорошо помню, как мама писала нам из Штутгардта, что у Струве живет очень милый и замечательный новозеландец, которого дети зовут Вилли. Он говорит по русски и знает очень много языков, а также что он бывший толстовец. Это было первое, что я узнал о моем будущем вотчиме. В начале осени, под нажимом русского правительства Германия потребовала, чтобы журнал „ Освобождение " перестал издаваться на ее территории.

Тогда Струве перевел его в Париж. За „Освобождением" поехали все, что были связаны с редакцией в том числе Г.В. Вильямс и мама, хотя она и не была непосредственно связана с журналом.

Мама очень скучала без нас и повидимому сразу после своего бегства решила выписать нас к себе. Но это было не так просто, главным образом из за денег. Помог наш отец. Он отправил нас в Париж с большим нижегородским фабрикантом. мы, дети были при фабриканте в качестве переводчиков, хотя французский язык мы еще знали очень слабо. Но все же благополучно доехали. Вильямса в Париже мы уже не застали, приблизительно за две недели до нашего приезда, он уехал в Россию, в качестве корреспондента „ Манчестер Гвардиэн ".

О жизни мамы в Париже до нашего приезда я мало что знаю.

Известно мне только, что она ездила в Женеву навестить свою гимназическую подругу Надю Крупскую, которая была замужем за Лениным. Однако этот визит оказался очень коротким. Повидимому мама даже не осталась ночевать у Лениных. Он сразу завел резкий спор о марксизме. В молодости мама умела резко спорить по вопросам ее волновавшим. Ленин пошел ее провожать до трамвая. По пути спор продолжался. Ленин сказал маме :

„ Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать ".

„ Я засмеялась, — продолжает свой рассказ мама, — Тогда это звучало как нелепая шутка ",

„ Нет, я вам в руки не дамся ", сказала мама.

„ Это мы посмотрим " — ответил Ленин („ На путях к свободе ", стр. 190). Больше мама никогда не встречала, ни Ленина, ни его жену.

Мама наняла квартиру из трех комнат в Пасси. Мы прожили с ней во Франции почти год, возвратясь втроем в Россию в ноября 1905 года.

Во время своей жизни во Франции главные свои жизненные усилия, главное внимание, мама посвящала

нам, детям. Она сразу отдала нас во французские школы, а в свободное от школы время она проводила с нами. Мы все трое часто посещали семью Струве, жившую поблизости от нас. Нина Александровна всегда бывала ласково внимательна ко всем нам. Петр Бернардович постоянно бывал какой то отсутстовавший. Правда это относилось не только к нам, а даже к его собственным детям, которым тогда было от семи и до трех лет. Он брал одного из сыновей за голову, поворачивал его к себе и говорил : Ты кто Лева или Котя, а если Котя так и скажи что это твое имя.

У мамы тогда были странные отношения со Струве, Они никогда не бывали у нас. Струве не подпускал маму к журналу и она в нем никогда не писала. Он вероятно считал недостаточно серьезной эту молодую женщину (хотя она была на год старше его) для своего журнала, в котором помещались скучновато - наставительные статьи. И действительно мама совершенно не умела писать таким тоном. Я всю жизнь слыхал от нее :

„ Боже мой зачем они так пишут. Чудаки, думают, что умнее будет и не понимают, что даже мухи дохнут, прочтя такие статьи ".

Позже в жизни у мамы установились дружеские отношения со Струве как в личном, так и в литературном отношении. Мама помещала свои рассказы в „ Русской Мысли ", издателем которой был Петр Струве.

Но в ту зиму в Париже она была у Струве под журналистическим запретам.

Вероятно по переписке с Д.И. Шаховским, мама довольно скоро познакомилась и затем подружилась на всю жизнь с Александрой Васильевной Гольштейн, тещей будущего редактора парижского „ Возрождения ", Ю.Ф. Семенова. Но Семенова мы тогда в Париже не видали, он был в России. Александра Васильевна была своеобразная русская барыня, по своему происхождению принадлежавшая к помещичьей среде средней России. Бурная и в то же время разумная, с большим политическим темпераментом и художественым чутьем, она попала в

эмиграцию вероятно еще в семидесятых годах прошлого столетия. Она была на одно поколение старше мамы. Она стала эмигранткой, уехав из России всьлед за своим первым мужем Бауером. Потом она вышла замуж за ученого врача Гольштейна, который в молодости был связан с анархистами. На руках Александры Васильевны умер Бакунин. Позже они отошли от анархистов и поддерживали связи с русскими револющионерами и народниками. Сохранилось довольно много писем Лаврова к ней. В этот период народничества с ней познакомился и Шаховской, приезжавший тогда в Париже. Однако ее больше всегда тянуло к искусству, она его понимала и чувствовала. Постепенно это привлекло к ней многих французов. У нее образовалось нечто вроде литературного и хужественного салона. Мама там познакомилась с разными французами. Первая Война сделала Александру Васильевну горячей поклонницей французский армии, что естественно перешло и на русскую армию. После революции она стала яростной антибольшевичкой и горячей сторонницей Белой Армии. В ее парижской квартире, которую знали несколько поколений русский людей, вместо старых русских эмигрантов-революцонеров, появились русские генералы.

Маму она сразу полюбила, звала ее Ариаднушкой и мама любила ходить, в ее тихую квартиру, где всем командовала швейцарка Каролина, научившаяся говорить по русски.

У Александры Васильевны мама встречала людей приезжавших из России. У нее она познакомилась с Максимиллианом Волошиным, которого тогда звали просто Макс Волошин. С ним в Париж приезжала его мать, одевавшаяся очень экстравагантно. Она ходила в шараварах и в высоких сапогах. Тогда это производило впечатление на парижан. Волошин, плохо знавший французский язык представлял свою мать француженкам „ мой мать " (mon mère) и они, смеясь говорили маме „ мы не понимаем, на что надо обращать главное внимание на слово „ мой " или на слово „ мать " (Que ce que est

plus serieux le mon ou la mère). Как то в воскресенье мама поехала с Волошиным на велосипедах в Версаль. Они попали между автомобилями в очень густое движение и Волошин говорил маме, „ Я чувствую себя маленькой рыбешкой, которую готовы сожрать акулы ”.

Другой раз мама была с Волошиным на ярмарке. Они подошли к станду, где продавалась зубная паста. Красноречивый продавец так убедительно объяснял великолепные качества этой пасты, что Волошин вскочил на подмостки, открыл рот и попросил вычистить ему зубы.

Мама часто декламировала стихи Волошина начинающиеся фразой :

„ В дождь Париж расцветает словно серая роза . . . ” Дружба с Волошиным у мамы сохранилась на многие годы. В последний раз я его помню у нас в Петербурге в 1910 году на маскараде, устроенном по случаю окончания мной Тенишевского Училища. Он и его жена, урожденная Сабашникова, были в очень эффектных боярских костюмах.

У Гольштейн мама также встречалась с политическими деятелями, которые приезжали к Струве и которых он по конспиративным соображениям прятал от мамы. В числе их были Милюков и Маклаков. Они сами совершенно не опасались встретиться с мамой и наоборот были рады с ней повидаться. Первое мое впечатление от Маклакова было, что он говорит очень громко, так громко, что консьержка постучала в дверь.

Мы все трое очень тосковали по России и жили ожиданием писем от бибиньки. Тоска по России у мамы была гораздо сильнее чем позже во время второй эмиграции. Несоизмеримо сильнее. Я думаю, что это объясняется двумя обстоятельствами, во первых мы знали, что там в России существует нормальная жизнь, которую мы так любили, а не трагически страшная гримаса жизни, созданная большевиками. Кроме того мы были тогда совершенно оторваны от церкви. В пустовавшей церкви на рю Дарю, мы были всего два или три раза. Вообще в церковь из всех наших русских знакомых ходила только няня

детей Струве. Все вокруг нас были абсолютно далеки от церкви, считая ее посольской, а все посольское было чуждо даже для умеренной эмиграции.

Все же на Пасхальной Заутрене мы были.

Для русской эмиграции от большевиков церковь превратилась в часть России, в какой то степени она заменила и продолжает заменять Россию.

На лето мы уехали в Бретань в местечко Сэн Ка **(St. Cast)**, снявши дом вместе с семьей Струве. Там образовалась довольно большая русская колония и русские отвоевали для себя часть пустынного пляжа. Помню Струве и Франка в купальных костюмах, ведущих какие то серьезные разговоры о книгах. Мама с нами очень много гуляла по прибрежным окресностям.

Осенью я с сестрой заболели скарлатиной. Струве сразу уехали и мама осталась только с нами. Болезнь была очень легкая, но у меня появились осложнения — оказалось расширение сердца. Мама заволновалась и отправилась с нами в Швейцарию чтобы показать меня какой то женевской медицинской знаменитости. Помню суровый докторский кабинет в Женеве и мама, волнуясь, рассказывает помпезному профессору о моей болезни. Он торжественно осматривает меня и говорит, что расширение сердца должно пройти, так как я росту. Мама, успокоенная этим мнением врача, увозит нас на Лаго Маджиоре, в Бриссаго, около итальянской границы. Там мы много гуляем. Однажды мы идем все трое вряд по холму над нашим пансионом. Я помню, что передо мной что то прожужало и в следующий момент вижу, что мама падает. У нее на виске показывается кровь и она быстро говорит нам, кому надо сообщить, где мы находимся. Оказывается внизу холма какой то мальчишка упражнялся из монтекриста и маленькая пулька долетела до мамы. Через несколько минут она уже поняла, что ранение не опасно. Мы спокойно вернулись в пансион. Но пулька засела под кожей и только через несколько лет, уже в Петербурге, хирург, с какими то осложнениями, извлек ее оттуда. Он сказал, что если бы стрелявший был

ближе, то пулька могла бы пробить висковую кость, что было бы смертельно опасно.

Вероятно в середине сентября мы возвратились в Париж. Я с сестрой пошли в школу, а мама возобновила свою парижскую жизнь.

В течение более чем года жизни в Париже мама почти совсем не писала. Она послала только несколько статей в журнал „ Вопросы Жизни " о Париже и Франции, главным образом о художественной жизни французской столицы. Но она внимательно наблюдала за жизнью во Франции, всегда читала газеты и журналы, ходила на выставки и в музеи, бывала в театрах, которые, посколько я понимаю, захватили ее больше, чем русские театры. Я вместе с ней был в Палате Депутатов и мы слушали Жореса. Несколько раз она была на политических собраниях, французских и русских. Но ее совершенно не интересовала внешняя политика. Она еще плохо знала английский и совершенно не следила за тем, что происходит в Англии. Основное внимание во время жизни в Париже было обращено на Россию.

На маму произвели очень большое впечатление петербургские события 9-го января 1905 года, когда власти разогнали рабочие демонстрации стрельбой.

„ Боже мой, Боже мой, что они делают ".

Прошли года, а она все вспоминала 9-го января, Для нее это был один из самых трагических эпизодов современной русской истории до революции 1917 года.

Война с Японией тоже ее сильно волновала. Она плакала, когда пришли известия о падении Порт Артура и позже о Цусиме.

Само собой разумеется, что события начавщиеся в России в сентябре 1905 года сильно волновали маму и весь дом Струве. Мы постоянно ходили к Струве.

В день дарования манифеста 17-го октября. Нина Александровна Струве как раз рожала дома своего пятого сына, Аркадия. Сам Струве, совершенно захваченный известиями о событиях в России, все время врывался в комнату роженицы и сообщал последние новости, не

обращая никакого внимания на то, что происходит кругом.

В течение многих десятилетий мама со смехом рассказывала об этом.

Вскоре Струве без всяких разрешений уехал в Россию. Он добился, хотя может быть и не полностью, того чего требовал его журнал. Приехав в Россию, он занял соответственную политическую позицию, отличаясь в этом отношении от многих прежних своих политических единомышленников, которые считали, что манифест 17-го октября ничего не изменил и что поэтому не следует менять тактики по отношению к правительству.

Манифест 17-го октября 1905 года даровал России народное представительство с законодательными полномочиями, открыл двери к политической свободе и значительно изменил политическую атмосферу в стране.

Вскоре после 17-го октября дедушка переслал маме следующее определение Петербургской Судебной Палаты :

„ 1905 октября 24 дня. По Указу Его Императорского Величества, С. Петербугская Судебная Палата, по 1-му Уголовному Департаменту, в распределительном заседании, в котором присутствовали.

Старший председатель, Сенатор И.К. Максимович, Члны Палаты И.В. Деларов, П, Г. Лашкарев, Товарищ Прокурора Э.И. Вуич, помощник Секретаря Б.С. Репнинский.

Слушала : дело о дворянке Ариадне Владимировне Борман, осужденной за государственное преступление, по вопросу о применении ВЫСОЧАЙШЕГО Указа Правительственному Сенату от 21 Октября 1905 года. Рассмотрев означенное дело С.-Петербургская Судебная Палата находит :

1) Приговором С. Петербургской Палаты, с участием сословных представителей, от 28 апреля 1904 года, дворянка Ариадна Владимировна Борман, 34 лет, признанная виновною по 9,1 ч. 252 ст. и 4 ч. 252 ст. Улож. о Нак., — присуждена к лишению всех особых лично и по

состоянию присвоенных ей прав и преимуществ и к заключению в тюрьму на два года и шесть месяцев;

2) ВЫСОЧАЙШИМ повелением от 16 июня 1904 года вышеуказанное определенное для Борман по закону наказание заменено ей заключением в тюрьму на один год, без ограничения в правах;

3) Хотя об обращении помянутых приговора и Высочайшего повеления и было сообщено Прокурору С. Петербургской Судебной Палаты, но, как видно из предложения сего последнего от 27 августа 1904 года, — таковые не могли быть приведены в исполение, так как Борман скрылась и по собранным сведениям, выбыла заграницу;

4) Деяние, за которое осуждена Борман (водворение из заграницы революционных изданий, с целью их распространиения и хранения таковых), по ныне действующему по государственным преступлениям Уголовному Уложению, предусмотрено 2 п. 132 ст. сего Уложения;

5) ВЫСОЧАЙШИМ Указом Правительственному Сенату от 21 октября 1905 года даровано полное помилование лицам, совершившим до 17 октября года преступные деяния предусмотренные 132 ст. Уголовного Уложения, причем милость сия распростронена как на лиц, осужденных судебными приговорами, так и на тех, коим наказания смягчены по особым ВЫСОЧАЙШИМ повелениям (1 и 5 п. ВЫСОЧ. Указа);

и 6) Вследствие сего вышеозначенный приговор Судебной Палаты смягченный ВЫСОЧАЙШИМ повелением от 16 июня 1904 года, в настоящее время в отношении личной ответственности осужденной Борман подлежит оставлению без исполнения.

В виду изложенного и согласно с заключением присутствовавшего лица прокурорского надзора, Судебная Палата **определяет:** на основании 1 и 5 п.п. ВЫСОЧАЙШЕГО УКАЗА Правительствующему Сенату от 21 октября 1905 года состоявшийся 28 апреля 1904 года приговор С. Петербургской Судебной Палаты с участием

сословных представителей, смягченный для дворянки Ариадны Владимировной Борман ВЫСОЧАЙШИМ повелением от 16 июня 1904 года, в отношении личной ответственности Борман в исполнение не приводить, отменив меры принятые к розыску названной осужденной, как свободной от определенногоу ей по означенному делу наказания ".

Судебная Палата выдала дедушке удостоверение, в котором вкратце передается приведенное судебное определение. В конце этого удостоверения прибавлена только следующая фраза : В силу сего дворянка Ариадна Владимировна Борман никакому задержанию не подлежит ".

Статья 132 Уголовного Улажения предусматривает распространение или хранение сочинений направленных на ниспровержение существующей власти.

Как мы все трое радовались, как мы были счастливы. Очень скоро после получения этого известия мы уехали в Россию. Помню только поспешные сборы. Разбросанные вещи по всей квартире, книги, журналы. Прислуга француженка по ошибке сунула в чемодан много номеров „ Освобождения ", что выяснилось только при осмотре вещей на русской пограничной станции.

Таможенники сообщили, жандармскому офицеру об обнаружении номеров „ Освобождения " в маминых вещах. Мама конечно встревожилось. Она показала ему определение Судебной Палаты и объяснила, что прислуга — француженка по ошибке положила в ее вещи этот журнал.

Жандармский офицер внимательно прочел определение суда, с улыбкой взглянул на „Освобождение" и даже не приказал отобрать его.

„ Поезжайте, сударыня, мы тут мало что понимаем, вероятно времена по настоящему изменились ", — сказал он, махнул рукой и отошел от нас.

Прошло около двух лет с момента ареста мамы на финляндской пограничной станции. В течение этого

времени мама писала очень мало, можно сказать что почти совсем не писала — за два года всего несколько случайных статей.

Такой длинный перерыв в писании для некоторых означает вообще конец этого особого процесса человеческой личности (интеллекта и воли), который называется писательством.

В маме же повидимому наборот, еще только накапливались писательские и журналистические силы, чтобы полностью раскрыться почти сразу по возвращению в Россию. До этого перерыва она уже писала, В ней было сознание, что она может это делать. Но что то еще связывало ее писательский талант. Он полностью раскрылся только после возвращения из заграницы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВНУТРЕННЯЯ ЭНЕРГИЯ ПРОРЫВАЕТСЯ

На вокзале в Петербурге нас встретили родные и Г. В. Вильямс. Мы, дети, в первый раз его увидали. И первое, что мы слышали от него были слова ободрения маме.

„ Как хорошо, что вы приехали, вы будете здесь очень полезны ", — сказал он улыбаясь застенчивой улыбкой, смотря через пенснэ своими близорукими глазами.

Мы остановились в большой квартире на Невском у дяди Вити, который был петербугским нотариусом. Очень скоро мы трое оказались в Вергеже. Стояла осенняя распутица. За нами выехали на дальнюю станцию, Спасскую Полисть. Лошади с трудом тянули сани, иногда по голой земле. На козлах сидел Андрей Андреев, вергежский крестьянин, у которого мама крестила нескольких детей. Он был такой свой, вергежский. Так приятно было слушать мамины разговоры с ним о вергежских делах.

Чужой Париж оставался в каких то далеких почти нереальных, воспониманиях. В передней нас радостно встречают бибинька и дедушка.

Они сияют. Начинаются расспросы :

— Удобно ли было ехать ? Как переезжали ручьи ?

Затем начинаются мамины рассказы, она такая оживленная, рассказывает и разные мелочи путешествця и о нашей парижской жизни. Она умела рассказывать и

своими рассказами всегда все оживляла. Обычно когда она приезжала в Вергежу и все садились за большой стол в столовой — она рядом с бибинькой —, то все замолкали, слушая ее рассказы В них могло быть и описание какого нибудь случая в дороге и описание политических событий или художественной выставки.

Мама почти сразу уехала обратно в Петербург. Наш приезд совпал со временем маминого рождения — 26 — го ноября —. Помню, что на рождении ее уже не было в Вергеже. Но бибинька поставила в конце обеденного стола ее большую фотографию —. красивая молодая дама в нарядном бархатном платье сидит полуобернувшись на стуле.

В Петербурге мама сразу окунулась в вихрь событий, а это был конечно настоящий вихрь. Один вид Невского проспекта свидетельствовал о чем то необычайном. На каждом углу продавцы газет выкрикивали все новые названия и предлагали иллюстрированные журналы с очень хлесткими рисунками политического содержания на обложке. На улице было необычно много оживленного народа. Тротуары были закиданы газетной бумагой.

Вероятно Шаховской сразу привлек маму к организации конституционно-демократической партии (кадетов). В числе организаторов этой главной и самой большой русской либеральной партии были видные либеральные земские деятели, профессора, адвокаты, промышленники. Среди них было много лиц с видными дворянским, часто титулованными, фамилиями.

Мама была еще мало известна в этих кругах и мне до сих пор непонятно почему ее выбрали в первый же состав Центрального Комитета этой партии, который состоял из известных политических деятелей.

Я думаю что это можно объяснить только очень большим влиянием в этих кругах Шаховского.

До революции 1917 года мама оставалась единственной женщиной в этом высшем органе кадетской партии.

Уже только после февральской революции в него кооптировали гр. С.В. Панину.

В течение первых нескольких лет для мамы это был своеобразный университет государствоведения. По ее словам первые годы на заседаниях она больше молчала. Такие авторитеты русского либерализма как Милюков, Набоков, кн. Долгоруков и группа выдающихся профессоров московского и петербургского университетов вначале подавляли ее своей ученостью. Однако уже через несколько лет она поняла, что качество политического деятеля не определяется его теоретической подготовленностью и ученостью, а совсем другими свойствами.

Не даром она часто повторяла :

Sechs und sechzig Professoren
Vaterland du bist verloren

Необходимо было зарабатывать деньги. Известый журналист Амфитеатров, который познакомился с мамой в Париже ,бывал у нас и очень дружески к ней относился, устроил ее в ежедневную газету „ Русь ”, издаваемую Сувориным, сыном издателя и редактора „ Нового Времени ” Суворина.

После двухлетнего перерыва в писании, мама начала писать в „ Руси ” регулярно, один, а иногда и два раза в неделю. Писала она фельетоны, больше всего на текущие события. Писать оказалось для нее очень легко. Обычно днем она садилась за свой письменный стол и через два часа, а то и скорее, статья была готова. Она любила перечесть ее громко. Я бывал ее слушателем. Позже конечно постоянным слушателем был Г.В. Вильямс. Потом она садилась на извозчика и ехала в редакцию сдавать статью. Иногда ее статью часов в шесть вечера отвозил я — если ей не надо было повидать редактора, а у меня не было слишком много уроков на следующий день.

Эти статьи в „ Руси ”, были написаны очень живым и образным языком. Редактор ее часто хвалил за язык и за стиль.

Гонорары получаемые из „ Руси ” обеспечили семейный бюджет.

Мы переехали на Пески, в квартиру занимаемую редакцией ” Вопросы Жизни ”. В этом журнале мама тоже иногда писала.

Журнал сохранил за собой одну комнату. В ней сидел бухгалтер, сгорбленный человечек уже тогда похожий на грибок. Он осторожно, как то вдоль стены пробирался через полутемную переднюю в редакционную комнату. Это был Алексей Михайлович Ремизов, с которым сразу установились самые дружеские отношения, сохранившиеся на всю жизнь. Он всегда серьезно, без кривляния разговаривал с мамой и особенно позже с Г.В. Вильямсом. Около нас замелькал Гарольд Васильевич Вильямс, будущий муж мамы. После его смерти, мама написала о нем по английски книгу « Cheerful Giver », вышедшую в Лондоне в середине тридцатых годов. С присущим ей мастерством, она нарисовала образ этого замечательного и очаровательного человека. Но все же мне хочется сказать несколько слов о нем. В течение двадцати двух лет я прожил около него. Его присутствие конечно оказало большое влияние на нас всех троих, на каждого по своему. Это был столп праведности и справедливости и мы всегда твердо знали, что от него можем услышать только хорошее.

Сперва мы с Соней стеснялись этого высокого, молчаливого чужестранца родом из какой то таинственной Новой Зеландии. Позже эта таинственность еще больше сгустилась когда Гарольд Васильевич с серьезным, почти свирепым лицом, начинал танцовать танец новозеландских туземцев майори.

В начале он нас больше всего поражал тем, что знал ни то тридцать, ни то сорок языков. Всю жизнь он говорил с нами только по русски и знал русский язык прекрасно. Он писал по русски статьи. Знал русскую литера-

туру, историю и историю языка. Пятнадцатилетним мальчиком я прочел с ним Летопись Нестора, при чем не я давал ему языковые объяснения, а он мне.

Он знал очень многие языки народов населяющих Россию — армянский, грузинский, осетинский, татарский, польский, латвийский, эстонский, финский, всех не перечислить. Я ездил с ним на певческий праздник в Ревель, где он произнес краткое слово по эстонски.

Свое знание тихоокеанских экзотических языков он обнаружил при мне в довольно неожиданной обстановке. Как то к нему позвонил секретарь министра председателя Столыпина и сказал, что после наведенных в университете справок выяснилось что в Петербурге только он знает некоторые тихоокеанские наречия. Гар. Вас. как всегда очень сдержанно ответил, что там много наречий и что действительно некоторые ему известны. Тогда секретарь министра сообщил, что в одном из театральных зал показывают каких то тихоокеанских дикарей, что их видела сестра Государя вел. кн. Ксения Александровна, ей показалось, что с ними плохо обращаются и она просила Столыпина постараться выяснить в каких они условиях находятся. Гар. Вас. взял меня с собой в театр. Мы остановились у самого входа. На трибуне стояли два почти совершенно голые коричневые человека и все время натягивали свои луки, шутя целясь в публику. А студент в форме монотонно читал сообщение о них. Через несколько минут Гар. Вас. довольно громно начал издавать какие то звуки. Туземцы встрепенулись, быстро окинули взглядом весь театр, соскочили с трибуны и побежали к нам по среднему проходу.

Мама очень любила вспоминать рассказ об этом происшествии и всегда искренне смеялась. У Гар. Вас. в кармане постоянно была новая грамматика или Евангелие на незнакомом языке. Священное Писание он знал прекрасно и всегда по Евангелию изучал новый язык.

Но само собой разумеется Гарольд Васильевич был исключительным человеком не вследствии своих лингвистических способностей. В этом тихом и чрезвычайно

сдержанном человеке была большая моральная сила и его сдержанность как то еще больше оттеняла эту силу. Он был простой, хороший, веселый и доброый человек, очень благожелательно относившийся к людям и понимавший хорошо их достоинства и их человеческие слабости. С ранней юности в своих поступках он руководствовался по преимуществу идейными соображениями. Ему было около двадцати лет, когда он из методистского пастора превратился в строгого толстовца и чуть не умер от вегетарьянства, когда был студентом. Толстовство не помешало ему на всю жизнь остаться верующим христианином. Потом он увлекся наукой и от нее совершенно случайно перешел к увлечению Россией, сперва считая, что должен служить русскому освободительному движению, а потом просто полюбил Россию, русский народ, русскую литературу, русских интеллигентов. Его единственная книга по английски „ Россия русских " остается и до сих пор непревзойденным описанием довоенной России, сделанным иностранцем. Позже со всей силой своих внутренних моральных оценок, он поддержал русско-английское сближение и жаждал, буквально жаждал, победоносного для русской армии окончания первой мировой войны. Большевизм вызвал протест всего его существа и он весь отдался поддержке белого движения. На этом он чуть не сломал свою карьеру английского журналиста. Но его во время обнаружил динамичный издатель ангийских газет и прирожденный журналист Лорд Нортклифф и поставил его на очень ответственный пост в английской журналистике. И этот бессеребрянник, совершенно равнодушно относившийся к деньгам, ничего никогда не имевший, уже как бы после своей смерти обеспечил маму пенсией, а она скончалась более чем на тридцать лет после него.

Счастье маминой жизни и счастье мое и Сони, что человек такого большого внутреннего калибра появился около нас и скоро совсем вошел в нашу семью.

Ко мне и моей сестре он относился, как к своим детям. По своему темпераменту мама и Гар. Вас. были

полной противоположностью — горячая, почти бурная в первой половине своей жизни мама, с резкими оценками людей и спокойный, наблюдательный Гар. Вас., всегда абсолютно сдержанный и свои чувства выражавший только усмешкой.

— Я на него ужасно рассердился, как то сказал он маме в нашем присутствии.

— Что же вы сделали ? — спросила она.

— Я, я промолчал, — сказал он, хмурясь.

Эти мои строки выходят из хронологического рассказа о маме, Однако это отклонение пришлось сделать, чтобы сразу дать сконцентрированное описание личности моего будущего вотчима Гарольда Васильевича Вильямса, С установлением нового строя в России, Гар. Вас. лучше чем многие его русские друзья — либералы, понял происшедшие большие политические перемены. Старое освободительное движение уходило в историю, появились новые задачи, новые цели. И это его твердое сознание необходимости нового подхода к развитию России и оценкам общественной жизни несомненнно отразилось и на маме.

Если ее впоследствии будут называть правой кадеткой, то в этом большая доля влияния Гар. Вас.

Настал 1906 год. Мама была захвачена политическим событиями, общением с людьми, писанием газетных статей. Наконец ее внутренняя энергия нашла для себя полный выход и проявлялась в течение следующих пятидесяти четырех лет, ослабев только за год до смерти. Это проявление ее душевной и интеллектуальной энергии мало по малу принимало все более спокойные и я бы сказал уверенные формы. Мама упорно вырабатывала в себе не только журналиста, писателя и горячего политического деятеля, но также и усидчивого исследователя. При этом ее кабинетно исследовательская деятельность принимала все более систематический характер. В результате появился целый ряд мастерски написанных книг. Как писательница мама была очень требовательная к себе и эта требовательность с годами все время увеличивалась.

Но в том 1906 году некогда было думать о писательстве. Жизнь подгоняла и у мамы было чувство, что надо поспевать за ней.

26-го апреля открылась Первая Государственная Дума. Был весенний солнечный день, на улицах Петрограда было празднично и для мамы это был большой праздник. Какие были волнения, какие ожидания у нас в доме. Все главные политические друзья мамы оказались в Думе. Кадетская фракция была самой многочисленной. Кн. Д.И. Шаховской был избран секретарем Думы. На правах члена Ц.К. партии, мама присутствовала на заседаниях думской кадетской фракции. Она конечно горела оппозиционным огнем и во всем винила правительство и тогда всецело оправдывала поведение уже не молодого председателя Государственной Думы проф. С.А. Муромцева, ученого юриста по своей специальности. Позже в жизни она неоднократно повторяла, что Муромцев своим закорузлым радикализмом причинил много вреда Думе. Как хорошо известно Муромцев не хотел устанавливать отношений с правительственными кругами.

Совершенно естественно для ее настроений, что когда после роспуска Думы 9-го июля вся думская оппозиция, т.е. кадеты и группировки стоявшие налево от них, поехали в Выборг, чтобы составить детски необоснованное так называемое Выборгское Воззвание, то и мама поехала туда со всеми этими профессорами и государствоведами и ей было поручено распростанение воззвания. Ученые юристы и известные на всю Россию адвокаты не могли не понимать, что Верховная Власть распустила Думу, не совершая никакого противозаконного акта и действуя на основании Основных Законов Российской Империи. Они же, обратившись к народу с призывом не платить налогов и не сдавать своих детей в солдаты, нарушили законы. Среди подписавших были такие ученые юристы как профессор Петербургского Университете Л.Л. Петражицкий, Профессора Московского Университета С.А. Муромцев. П.И. Новогородцев, С.А. Котляревский и профессор Ка-

занского Университета Г.Ф. Шершеневич. Я перечисляю только ученых юристов. К это же группе принадлежит В.Д. Набоков, преподававший правовые дисциплины в петроградских высших учебных заведенях. Но среди подписавших Выборгское Воззвание было много профессоров и не юристов.

По словам мамы, всемирно известный ученый Петрожицкий, подписывая Воззвание, сказал : „ Совершаю самую большую глупость в моей жизни ". Но общественное возмущение неожиданным роспуском было так велико, что все же он совершил по его словам эту глупость. Здесь не место обсуждать имела ли Верховная Власть моральное основание распустить Думу. Скажу только, что Первая Дума не внесла успокоения в страну.

Выборгское Воззвание не имело никакого реального значения. Никто не откликнулся на призыв ученых юристов. С другой стороны надо отдать должное гражданскому мужеству членов Кадетской партии, подписи которых составляли большинство под воззванием, что они уже через год публично обсуждали вопрос о том было ли правильно обращаться к населению с таким воззванием. Конечно мама горела событиями связанными с Выборгским Воззванием. При нормальной государственной жизни страны ее можно было бы привлечь к суду. Но властям тогда было не до этого. Необходимо было что то сделать с „ выборжцами " — так назывались тогда думцы подписавшие воззвание —, не слишком обозлив общественное мнение.

Через несколько месяцев их судили и приговорили к трехмесячному тюремному заключению, а главное к лишению политических, т.е. избирательных прав. Поэтому почти никто из видных кадетов-членов Первой Думы не мог попасть в Думы следующих созывов. Они оказались за политическим бортом. Только очень немногие кадеты перводумцы, как например Ф.И. Родичев, случайно не подписали воззвание и поэтому попали в следующие Думы.

Главной задачей правительства было немедленное

подавление революционных вспышек, происходивших по всей России. Новый глава правительства П.А. Столыпин сделал это твердой рукой и тем отсрочил ревоюцию больше чем на десять лет. Впрочем ее вероятно и не было бы, если не произошла бы война.

Во время процесса выборжцев, кажется единственный раз в жизни, мама завела альбом автографов, вероятно теперь погибший, так как он остался в России. Она обошла всех выборжцев, прося каждого написать что нибудь в ее альбом.

Председатель Государственной Думы проф. С.А. Муромцев не задумываясь написал Кольцовское стихотворение :

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.
Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле силу, в сердце жар.

Потом он посмотрел на маму, сказал, „ нет это не верно " и Написал на другой странице :

Кто в сорок лет не пессимист,
А в пятьдесят не мизантроп,
Тот может быть и сердцем чист,
Но идиотом ляжет в гроб.

Летом 1906 г. мама жила в городе, но часто приезжала к нам в Вергежу. Как то она привезла кадетского депутата Сакулина, который в помещичьем сарае объяснял крестьянам почему по мнению кадетов необходимо принудительное отчуждение земли.

Мой дедушка, вздыхая сказал :

„Как же я отдам то, что мне досталось от моих родителей ".

Мама ему возражала и говорила, что жизнь идет вперед, ставит новые требования.

„ Не понятно мне все это, — отвечал дедушка, — зачем же у нас землю отнимать ? Для улучшения жизни крестьян, можно и без этого очень много сделать. А ломать все страшно, можно ведь по ошибке сломать гораздо больше чем следует. Так ведь и все государство может рухнуть ”.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖУРНАЛИСТИКА, ПИСАТЕЛЬСТВО И ЛЕКЦИИ

Начинается тот интенсивный темп жизни мамы, который продолжается до самого выезда из России в 1918 году.

Она снимает большую квартиру в конце Кирочной улицы, недалеко от Таврического Дворца, который отдан в распоряжение Государственной Думы.

Мамины блестящие статьи в „ Руси " привлекают внимание других столичных газет. Где только она ни писала в эти годы — в „ Речи ", которая не была официальным органом кадетской партии, но которую редактировал лидер этой партии Милюков ; в очень распространенной газете „ Биржевые Ведомости ", в которой писали все люди с именами и которая не имела никакого отношения к бирже, в „ Слове ", принадлежавшем Михаилу Михайловичу Федорову, бывшему министру и либеральному общественному деятелю. Имя М.М. Федорова позже стало хорошо известно русским парижанам. Мне трудно вспомнить все газеты, в которых писала мама. Она уже сидела в ложе печати в Первой Государственной Думе, но не помню от какой газеты. Я хорошо помню ее расказы о заседаниях Думы, о выступлениях таких тогда популярных ораторов как Родичев и Вл. Набоков. Она также писала о заседаниях трех следующих Дум. Довольно долго она писала о думских заседаниях в газете „Слово". Это не были сухие отчеты о засе-

даниях — их давали другие — а живые зарисовки депутатов, передача разговоров к кулуарах, описание атмосферы царившей на том или ином заседании. В Думе мама проходила настоящий курс парламентаризма. Она быстро ознакомилась с думской процедурой, знала думский наказ, т.е. правила о порядке работы, составленный ее приятелем В.А. Маклаковым, разбиралась во всех комиссиях и подкоммиссиях. Гарольд Васильевич тоже постоянно, но не так регулярно, как мама, бывал в Думе. Возвращаясь после заседания к обеду — мы обедали в семь часов — они продолжали говорить о думских делах. Помню, как уже позже, во время Третьей Думы, они волновались по поводу земельного законопроэкта Столыпина. Кадеты, или как они тогда уже назывались, Партия Народной Свободы вносили различные поправки к законопроэкту — оппозиционные партии всегда вносят поправки и правительственным законопроэктам. Мама очень волновалась, что эти кадетские поправки не пройдут, считая их необходимыми. Но кадетов в Третьей Думе было очень мало пятьдесят с небольшим депутатов на несколько сот и закон прошел без кадетских поправок.

У нас в доме постоянно мелькали депутаты. И так продолжалось до самой революции. Я не помню чтобы у нас бывали депутаты не кадеты. Единственным исключением может быть был Иван Васильевич Жилкин, один из лидеров партии Трудовиков в Первой Думе. Но с ним мы познакомились и подружились уже позже, когда он перестал заниматься политикой, а писал в газетах фельетоны, кажется под общии заголовком — „Странички жизни". Весь его политический задор сразу после Думы исчез и он был очень умеренным человеком.

Меня всегда поражало, как этот нерешительный и очень мягкий человек поднялся в штурмовую погоду периода Первой Думы на самые верхи полуреволюционной партии.

Часто депутаты приходили к нам прямо с заседания. Они еще жили тем, что только что происходило в Думе. Среди посещавших маму и Гар. Вас, бывали Милюков,

Шингарев, Маклаков, Родичев, Герасимов, Гронский, Некрасов, Пепеляев и многие другие. Никого из них уже нету в живых. Многие из них позже были расстреляны большевиками — Герасимов, Пепеляев, Огородников, Черносвитов . . .

Советской власти остались служить только Некрасов и тов. пред. Первой Государственной Думы проф. Гредескул, тоже постоянно бывавший у нас, не знаю, как кончил Гредескул, но Некрасова большевики отблагодарили по своему и он кажется погиб в чеке.

Депутаты приходили по одиночке, группами, или в числе других гостей.

Почему то запомнилось посещение Милюкова и Шингарева уже незадолго до войны, может быть в 1912 или 1913 году. Я присутствовал при их беседе с мамой и Гар. Вас. Сидели в столовой за самоваром. Они все время жаловались, что ввиду малочисленности кадетской фракции они не могут проводить своих законопроэктов и должны ограничиваться чисто оппозиционной ролью. В третьей и четвертой Государственных Думах кадетов было очень мало вследствие того что после роспуска Второй Думы правительство издало новый избирательный закон, известный под названием Закона третьего июня. Этот закон ставил в преимущественное положение крупных землевладельцев и создавал для крестьян многостепенные выборы.

Все время существования Государственных Дум мама и Гар. Вас. дышали думским воздухом и непосредственно ощущали его пульс. Однако это не поглощало всю энергию мамы. У нее были другие широкие интересы и она научилась их выявлять. Еще в начале своей журналистической карьеры она начала писать рассказы. Позже она также стала писать романы. В ее сохранившихся записях находится много набросков или конспектов будущих романов.

Как рассказы, так и романы она обычно сперва печатала в журналах — в „Вестнике Европы", „Русской Мысли", „Ниве", а потом некоторые из них выпустила

отдельными книжками. Мне известнен сборник ее рассказов и два романа „Жизненный Путь" и „Ночь" вышедшие до войны во время войны появился в „Русской Мысли" ее большой роман „Добыча".

В ненапечатанном варианте своих „Воспоминаниях" (глава 34-ая, стр. 660-ая) мама пишет :

„Ни лекций, ни газетных статей не хватало на расходы мои и детей. Выручали меня рассказы и романы. Еще до эмиграции я писала короткие рассказы для провинциальных газет. Тюрьма, болезнь, житье на чужбине временно притушили во мне всякое желание писать. Мне казалось, что эта способность угасла навсегда. Это было больно, это меня пугало, но я крепилась, свернулась, застыла, как застывают на зиму жук, пчела. Вернувшись в Россию я сразу оттаяла. У меня опять была родина, семья, дом. Опять писалось, быстро, легко. Первые два, три года после эмиграции вся моя энергия уходила в журналистику и политику. Когда политические страсти простыли, я стала писать повести, романы."

„Это очень увлекательное занятие. Лица, о которых я еще вчера не думала вдруг наплывали на меня, как наплывают летние облака на безоблачное небо. Приходят тучки неизвестно откуда, толпятся, расходятся, сходятся, меняют очертания, цвет и опять исчезают. Так и люди, только что рожденные моим воображением, растут, двигаются, огорчаются, радуются, думают, безумствуют. Вокруг них встают какие то облачные дома, поля, сады, вещи, поступки. И все это, и люди, и вещи торопят меня, подсказывают, направляют, требуют."

„Уже давно не пишу я романов („Воспоминания" были закончены в 1943 г.) и жалею, что ушла от этого мира, мною вымышленного и мною владеющего, от этих людей, которые, пока я писала, оставались для меня более реальными, чем те, кого я встречала в Государственной Думе, на улице, у знакомых."

„Рассказ обычно я писала в один день. Для романа нужно было месяца два-три. Я писала изо дня в день, в определенные часы, чаще всего днем. Когда находила

такая полоса, я уже ничего другого не делала, газетные статьи разучивалась писать, от лекций отказывалась. Я даже мало читала. Надо было опорожнить, очистить голову для моих героев. Садясь за работу, я далеко не всегда знала, что они скажут, что они будут делать. Это совсем не значит, что я писала охваченная пламенем вдохновения. Такое состояние души существует, но оно дается только немногим избранникам. Я не дерзаю назвать вдохновением те вспышки воображения, которые толкали меня на работу. Задумывая вещь, я намечала общий план, вспоминала отдельные черты и особенности людей, служивших образцом для моих героев и героинь. По моей указке они начинали двигаться. Но с каждой страницей становились самостоятельнее. Именно неожиданные их поступки, их внезапные движения давали жизнь моему вымыслу. Когда дело подходило к концу, мне становилось скучно расставаться с моими гостями, как Пушкин называл своих героев."

„Это вид писания несравненно более увлекательный чем журналистика, хотя в ней есть много прелести, особенно для тех кому дан большой публицистический талант. Обычно работа беллетриста глубже вводит в сердце человеческое. Но я не сумела целиком отдаться художественной литературе и разбилась на разные проявления. Очень уж крепко владели мной политические инстинкты. Они толкали меня в гущу жизни, заставляли громко высказывать то, что я в тот момент считала политической истиной, бороться против того, что я считала несправедливым и вредным. И в то же время несмотря на общественный темперамент я совсем не человек толпы. Я не люблю толпу на манифестации, на улице, там, где люди набиваются, теснят друг друга, расталкивают, прут вперед, чтобы увидать знаменитость, не отстать от происшествий. От такой толпы я убегаю, стремительно из нее выскакиваю. Люди меня привлекают только в одиночку, или в благообразной слитности. Поэтому я всегда любила крестные ходы, в особенности деревенские. Любила и собрания, но осмысленные, целесообразные, не шара-

хаюшиеся в испуге, или истерике. Я охотно встречалась с людьми, но я не бросалась к ним, не искала их. Несмотря на мою, все разроставшуюся общественную жизнь, я оставалась домоседкой. Отчасти потому, что всякому другому обществу я предпочитала общество моего мужа. Нам с ним никогда не было скучно."

„Для писательской популярности полезно быть на глазах, напоминать о себе. Но такие практические соображения не для меня. Мои отношения с людьми не рассчетами определялись. Тем более в писаниях. Я пишу, Дело читателей читать. Если не нравится, могут не читать."

„Пушкин говорил — я пишу для себя, а печатаю для денег. Признаюсь, что я нередко начинала писать с мыслями о деньгах. Когда наша касса пустела и мне было лень разъезжать с лекциями, я садилась в мой любимый угол, в спальне, между кроватью и печкой и говорила:

„Теперь оставьте меня в покое, я пишу роман."

„И принималась писать. Когда роман был кончен, я отвозила, или посылала рукопись в редакцию какого нибудь журнала. Жаловаться на редакторов мне нечего. И короткие и длинные мои вещи принимались без труда. Рукописи у меня не залеживались. Не напечатанных рукописей не было."

К этому точному и сжатому рассказу о том, как мама писала романы мне хочется добавить из той же главы рассказ не столько о ней самой сколько о редакторе" Русской Мысли" П.Б. Струве.

Мама ездила к Струве в Лесной, Ее и Гар. Вас. всегда очень радушно встречали.

Далее мама пишет:

„Заметив в моих руках сверток, Струве говорил:

„А? Что? Рукопись? Давайте, давайте.

„Он брал сверток и отвешивал мне иронический поклон:

„Благодарю вас. Подписчики у нас так устроены, что журнал без беллетристики для них не существует... Подавай им роман... Романец со всякими такими штуч-

ками. Такое у подписчиков умоначертание... Без вас беллетристов не обойдешься... Ничего не поделать...

Он громко хохотал, потряхивая седеющей бородой. Я не обижалась, только с усмешкой спрашивала:

„Вам это не нравится?

„Нравится, нравится? Что вы спрашиваете? Что я могу с этими дураками читателями поделать? Приходится серьезные статьи тащить на буксире у вашей братии, беллетристов... Без вас стала барка...

Боюсь, что и с начинающими беллетристами он также разговаривал и нагонял на них страх и оторопь. Меня Струве уже ничем не мог напугать, огорошить. Мы с Вильямсом громко смеялись. Вторила нам и Нина (Нина Александрова жена Петра Бернардовича) Но всетаки она старалась мужа остановить:

„Петя ну что ты говоришь? Точно ты сам отрицаешь литературу?

„Петр Бернардович вдруг вскипал, размахивал руками, повышал голос, точно собирался броситься на меня:

„ Литература? Что теперь считается литературой? Вот вы дружите с Ремизовым. Скажите этому сумасшедшему, чтобы он со мной больше таких штук не выкидывал.

„ Я посмотрела на него с недоумением.

" Этого синдетикона я ему никогда не прощу.

" Смех Вильямса перешел в заразительный шумный хохот.

" Он спросил: Петр Бернардович, а зачем же вы про

" синдетикон напечатали? Да кто же его знал. Брюсов

" (Валерий Брюсов литературный редактор Русской

" Мысли") из Москвы срочно требовал матерьял. Я заглянул в рукопись. Вижу плетет Ремизов, как всегда, что то непонятное. Послал. А у Ремизова там какой то сон идиотский. Заставил члена Государственной Думы вымазаться с головы до ног синдетиконом и кататься под кроватью, ведь это же издевательство над здравым смыслом... ".

„ С тех пор Струве много передумал, переоценил. Вероятно и с чудной Ремизовской манерой примирился.

Но тогда он этим злостным синдетиконом меня долго корил. Хотя Ремизов уже стал настолько крупным писателем, что мог сам за себя постоять и я тут была решительно не при чем ".

Последний мамин роман **(Hosts of Darkness)** был напечатан в начале двадцатых годов в Лондоне по английски. На обложке значится, что он написан вместе с Гар. Вас. Но это неверно. Мама его написала целиком, а Гар. Вас. только приспосабливал для английского читателя. По русски она озаглавила этот роман „ Василисса Премудрая ". Но его по русски не удалось издать. Уже когда ей было больше шестидесяти лет, она затеяла вместе с Иваном Созонтовичем Лукашем написать роман.

Это был психологический роман, где главным героем была женщина. Описание этой женщины мама взяла на себя. Лукаш очень хвалил то что она написала и говорил, что он так не мог бы написать. Этот роман написанный вместе с Иваном Лукашем никогда не был напечатан.

В моем рассказе о маминой деятельности в этот период, я нарушил последовательность ее „ Воспоминании ". Она раньше, расказывает о лекциях, а потом уже о том как она писала романы. Лекции она также начала читать для подкрепления семейной кассы. У нее были две основных темы, это о женском движении и о современной русской литературе. Она сама принимала видное участие в различных женских организациях и где то была ни то председательницей, ни то вице председательницей. Вопрос женского равноправия тогда совершенно естественно волновал передовых женщин и женскую молодежь. Несправедливость отсутствия у женщин всех политических прав чувствовалась все острее повсюду. Поэтому и тема эта была благодатная для любого лектора и особенно для видной участицы женского движения.

Позже, когда почти то всех странах женщины были уравнены с мужчинами в правах, то весь мир забыл, что существовали сюффражистки и женское движение. А тогда этим интересовались.

Лекциями о современной литературе и особенно о

современной поэзии мама также легко могла привлекать слушателей уже по тому одному, что большинство петербуржских писателей и поэтов пили чай в ее столовой. Но безнадежно было предлагать лекции на политические темы. Местные власти очень неохотно давали разрешения на такие лекции и особенно когда лектором был член Центрального Комитета Кадетской партии. Эта партия находилась в странном положении — она не была запрещена, но также и не была легально разрешена.

Мама ездила с лекциями по всей Российской Империи. Где только она не и перебывала — в Вильно, Екатеринославле, Харькове, Керчи, Ставрополе, Армавире и других местах. Она не очень охотно ездила читать лекции, так как не любила уезжать из дому. Но ей конечно был приятен успех и интересны знакомства во всех концах России. В Вильно она познакомилась с местными общественными деятелями. В Керчи увлеклась археологией. Местный военный врач, любитель археолог, показывал ей многое, обычно недоступное для приезжих. Он разъезжал с нею по окресностям Керчи и показывал раскопки. В Армавире она познакомилась с местными казачьими и армянскими деятелями. Возвращаясь домой, она нам очень живо рассказывала о впечатлениях своих поездок.

Иногда возникали затруднения с получением разрешения на лекцию. Однажды, кажется в Керчи, начальник города сказал устроителям, что он не даст разрешения на вторую лекцию, лично не прослушав первую. Маме это сообщили и она видела как в первом ряду сидит генерал и внимательно следит за ее лекцией о современных поэтах. Он повидимому одобрил эту лекцию и вторая была разрешена.

Очень популярный лектор был бывший священник Петров. Мама его мало знала, но как то получила от него телеграмму, в которой он приглашел ее прочесть ряд лекций в Сибири. Помню только конец этой телеграммы: „И в конце вас ждет красавец Тихий Океан". Но маму не соблазнила эта телеграмма и в Сибирь она не поехала.

Петербургские друзья знали, что она разъезжает по провинции и были недовольны ее отсутствием.

Звонит, как то, Василий Васильевич Розанов.

„ Где Ариадна Владимировна ?

" Уехала в провинцию читать лекции по женскому " вопросу.

" Баб на дыбы поднимает " — засмеялся Розанов на другом конце телефона.

„ Ну, ну пусть. Это не очень опасно. Если ей нравится, пусть старается ".

Как вероятно большинству ораторов, маме первое время было не по себе появляться перед публикой.

„ Точно меня в воду бросают, — говорила она, возвращаясь домой, — Куда приятнее сидеть дома за собственным письменным столом ".

Но мало по малу она привыкла появляться на трибуне и не только превратилась в спокойного оратора, но и научилась председательствовать на собраниях, иногда очень многолюдных.

Прошло всего двенадцать-пятнадцать лет, как она из молодой женщины, не имевшей никакого общественного опыта и не уверенной в своих писаниях, превратилась в опытную журналиску и писательницу и умелого оратора и председателя на собраниях.

Помню большой зал Соляного Городка в центре Петербурга весь наполненный слушателями и слушательницами, главным образом молодежью. Мама в черном платье, красивая, спокойная на председательском месте. Она острым взглядом осматривает собрание. Разрешение на собрание было дано полицией при условии, что не будет никаких резких выступлений. Мама видит, что в конце зала сидит полицмейстер Шебеко, который в каждый момент может закрыть собрание. Тема собрания — женское равноправие и деятельность суффражисток в разных странах. Сама по себе тема не может вызвать никакого конфликта с властями. Но мама видит, что среди записавшихся ораторов Коллантай и знает, что ее выступление может вызвать взрыв.

Коллантай уже известная социал-демократка, но также известно, что она бывшая жена офицера, чуть ли не жандармского. При советском режиме она занимала видные дипломатические посты.

Моложавая и элегантная, Коллантай поднимается на трибуну и поправляя свое хорошо сшитое платье начинает :

„ Товарищи, мы пролетарии ... ".

В зале проносится смешок. Мама сдержанно улыбается, но и настораживается.

Звонким и уверенным голосом, Коллантай, как настоящая пропагандистка начинает излагать основные пункты социал — демократической програмы.

Полицмейстер Шебеко вскакивает и, обращаясь к маме говорит :

„ Гжа Тыркова потрудитесь остановить оратора. Это мое первое предупреждение. Если подобные заявления возобновятся, я буду вынужден закрыть собрание. Я удивляюсь, г-жа Тыркова, вы такая опытная и тактичная председательница и допустили такое нетактичное выступление ".

Лишенная слова, Коллантай покидает трибуну и собрание продолжается в спокойных тонах.

Мама научилась вести собрания, ограничивать речи расплывшихся ораторов или даже направлять эти речи. Что было труднее и требовало большего умственного напряжения, это формулирование идей высказываемых отдельными ораторами, а затем подведение итогов прений и если это требовалось составление резолюций.

Все мамины друзья скоро поняли, что она не просто женщина занимающая председательское кресло, а активный председатель, умеющий вести собрание и направляющий его.

Тот же полицмейстер Шебеко как то сказал :

„ Когда г-жа Тыркова председательствует, я уверен, что все обойдется благополучно ".

До революции публичные собрания устраивались сравнительно не часто, но мама на них училась, выро-

батывала в себе оратора и руководителя собраний. Все это ей очень пригодилось в бурное революционное лето и осень 1917 года.

Напряженная работа требовала особенно интенсивного отдыха. На Рождество и на Пасху мы все обычно уезжали в Вергежу. Мама везла с собой друзей чаще всего Ремизовых и Жилкиных. Но кого только она не привозила в Вергежу вплоть до Куприна и английского романиста Уэлльса. Часть лета она почти всегда проводила в Вергеже. А потом получала откуда нибудь дополнительный или неожиданный гонорар и срывалась с Гар. Вас. в поездку. Как то поздней весной они были на Кавказе. Отстояли заутреню в монастыре Новый Афон. Однажды летом они поехали со мной и с Соней в город Валдай Новогородской губернии и оттуда прошли пешком на озеро Селигер. Затем пересекли его на лодке и высадились в городе Осташкове. Мама и Гар. Вас. наслаждались этой поездкой. Мы увидели осколки Руси шестнадцатого и семнадцатого века с ее белыми каменными большими монастырскими церквами и посеревшими от времени маленькими деревянными церковками. Мы разговаривали с крестьянами, которые иногда еще употребляли „ юсы " — носовой звук давно исчезнувший в других местах России. Нас вез через озеро рыбак, Вероятно такой же какими были его далекие предки на том же озере во времена Ивана Грозного, или царя Алексея Михайловича. Мама старалась как можно полнее набраться этого воздуха древней Руси, а Гар. Вас. в качестве филолога старался не пропустить ни одного необычного оборота речи.

Несколько раз они ездили заграницу, в Италию, Англию, Швейцарию. Один раз и мы дети были с ними заграницей. У мамы был обнаружен начинавшейся легочный процесс. Мы поехали в Шамбери в Швейцарию. Мама, исполняя предписание врачей, сидела смирно в шалэ. Но процесс вероятно только начинался так как, осенью, она вернулась в Петербург совершенно здоровая. В главе одинадцатой третьего тома своих „Вос-

поминаний " („ Подъем и Крушение ") мама следующим образом описывает этот период своей жизни :

„ В короткую эпоху существования Государственной Думы мы окунулись в общественный прилив, не предчувствуя какой разрушительный отлив нас всех смоет.

" Политическая деятельность, как и писательство расширяет жизнь, выводит ее из тесных личных переживаний. По мере того как разрастается работа, растет и ширится ощущение многообразной близости с людьми. Надо выходить на эстраду. Передо мной белеют, сливаясь, ряды лиц. Внимание сосредоточено на мне. От меня, от моего умения, от того, что я скажу и как скажу, зависит, заставлю ли я их понять мои мысли, пережить мои чувства, сделать их, хотя бы на мгновение, частичкой меня самой, или нет. Это обостряет мысли, придает силы, приподнимает.

„ Я особенно любила первый момент, когда надо был преодолеть неизбежно набегающую неуверенность.

" Всю себя внутри собрать. Как в юности, катаясь с гор на коньках, надо было собрать всю свою смелость чтобы сорваться сверху, соскользнуть на покатый край и броситься навстречу пространству. Самое важное было начало, первые интонации, первые фразы, которые я тут же быстро находила, где то в клеточках моего мозга. Я не читала по бумажке, а говорила. Когда мой голос, мои слова, вызывали ответные волны из толпы, они сразу поднимались до меня и речь лилась все свободнее, звучала все убедительнее. Уже не я одна говорила. уже неслышный хор подхватывал мои слова и я была вознаграждена за все усилия, за всю потраченную энергию. И помимо митингов, общение с людьми все ширилось. Я их не искала. Они сами ко мне шли. Одни искали совета, другие понимания, третьи требовали, чтобы я за них заступилась, протестовала, что то устраивала. Приходили чтобы поблагодарить или покорить, за статью, за речь, за то, что я сказала, или не сказала. Приносили свои рукописи, что иногда было неособенно приятно, просто

приходили, чтобы посмотреть на что я похожа. Каждый считал себя в праве отнять у меня кусочек времени, которого у меня иногда не хватало на все, что хотелось сделать. Но я понимала, что раз выйдя из домашней раковины, раз, то устно, то печатно, обращаешься ко всем, то и эти все имеют право с тобой заговорить. В Петербурге меня многие знали в лицо и я многих знала. Не один Петербург для меня был полон знакомых лиц. Знакомых я могла найти в любом городе, во многих городишках. Я читала в провинции лекции, встречала провинциалов на кадетских сьездах и конференциях. Кончилось одночество, которое так давило меня в начале моей писательской карьеры. Одиночество, да еще в большом городе, всегда темнит жизнь. Постоянное, часто товарищеское и дружное общение с самыми разнообразными людьми — это главная награда за всю хлопотню, за все напряжение, которых требует общественная и политическая деятельность ".

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОД В КОНСТАНТИНОПОЛЕ. — РЕДАКТИРОВАНИЕ „РУССКОЙ МОЛВЫ"

Осенью 1911 года Гарольд Васильевич получил предложение от лондонской газеты „ Морнинг Пост " быть ее корреспондентом в Константинополе. Мама уехала с ним. Они пробыли в Константинополе около года. Во время жизни в Константинополе мамины политические и международные интересы значительно расширились. А старый Константинополь вызвал в ней острый интерес к византийской старине.

В стенах посольства, охраняемого молодцеватыми русскими часовыми, в разговорах с послом Чарыковым, может быть она особенно остро почувствовала силу русской державы и с ясностью поняла, что жизнь России не сводится только к борьбе оппозиции с правительством. Мама сразу начала посылать корреспонденции в петербургскую „ Речь " и в другие издания. Пять лет спустя, уже во время войны, она собрала эти свои корреспонденции и выпустила их отдельной книжкой под заглавием „ Старая Турция и младотурки ". В предисловии к этой книге она писала :

„ Отправляясь в Турцию, я, как большинство русских интеллигентов, тем более северян, очень смутно представляла себе значение проливов. Пока в марте 1912 года не увидела на Босфоре и на Золотом Роге сотни судов, нагруженных русской пшеницей, которые из за

закрытия Дарданелл были осуждены на разорительную неподвижность ".

В России было так мало книг о Турции, что, уже шесть лет спустя советские дипломаты, появившиеся в Анкаре знакомились с Турцей по маминой книге.

Но не только современная Турция и соотношения сил великих держав в Константинополе — об этом мама написала роман „ Добыча ", — но также древняя Византия и старая Турция превлекали мамино внимание. Византией она была буквально захвачена. В Константинополе она прочла на всех европейских языках все серьезное что было о Византии написано. Но это ее не удовлетворяло. Она познакомилась с руководителем русского византийского института, Успенским. Он охотно водил ее и Гар. Вас. по всем интересным местам. Она хорошо запомнила эти рассказы и когда летом мы приехали к ней, то в свою очередь много водила нас по Стамбулу и очень интересно рассказывала о древней Византии. Ее особенно интересовала Византия времен Иоанна Златоуста, т.е. четвертого и пятого века. В „ Русской Мысли " был напечатан ее рассказ „ Афинянка ", относящися к этой эпохе.

Когда мама и Гар. Вас. приехали в Константинополь, то у них не было никаких местных связей. Посол Чарыков ее поддержал как корреспондента „ Речи ", а Гар. Вас. довольно быстро завязал отношения с местными политиками благодаря знанию турецкого и армянского языков. Вокруг них скоро замельками турецкие и армянские политические деятели, в том числе видные представители нового турецкого правительства. Летом 1912 года я был с Гар. Вас. в турецком парламенте и меня поразило, как в кулуарах, его со всех сторон приветствовали и с ним очень многие разговаривали.

Весной 1912 года мама ездила в Вергежу на похороны дедушки. Она была глубоко потрясена смертью отца. Дедушка принадлежал к тому типу людей, о которых близкие думают, что они никогда не умрут.

Мама взяла на лето меня и Соню с собой в

Константинополь. Вместе с самым младшим драгоманом Российского Посольства Максимовым на Принкипо была снята дача. Максимов и Гар. Вас. с утра уезжали в Константинополь, а мама оставалась с нами и с нашими приятелями, которых мы привезли с собой из России на Принкипо. Вечером когда они возвращались, за поздним обедом велись разговоры о турецкой политике и международном положении. Иногда к нам на Принкипо приезжали турецкие политики разных категорий, включая и членов кабинета. Это было более пятидесяти лет тому назад, но мне почему то запомнилось рассуждение помощника турецкого министра народного просвещения (кажется народного просвещения, во всяком случае он был помощник министра) о Коране. Вероятно я запомнил это рассуждение потому что меня поразил отзыв магометанина о его священной книге.

Он говорил на тему о том, что Евангелие устанавливает отношение между человеком и Богом, Коран же главным образом нормирует разные мелочи повседневной жизни.

Когда наши специалисты турецкого языка уезжали в город, то мы оставались безъязычными. Мама знала по турецки только самые простые слова. В одно прекрасное свежее летнее утро, перед отъездом в Посольство, Максимов решил в саду перед домом попрактиковаться в стрельбе из револьвера. Он прикрепил цель к стене соседней дачи и выпустил несколько пуль.

Вскоре после отъезда в город Гар. Вас. и Максимова является слуга из соседней виллы и возбужденным тоном, что то старается объяснить маме. Она с грехом пополам догадывается, что Максимов прострелил стену дома. В течение всего дня она повторяет :

Какая неприятность, какая неприятность. Придется Максимову выпутываться. ”

„ Как же теперь быть ? ” — спрашивает она Максимова, когда они возвращаются из города.

„ Что вы волнуетесь, Ариадна Владимировна. Ничего особенного не произошло, — отвечает усмехнувшись са-

мый младший чин Российского Посольства. — Я все это сразу улажу. Пойду к ним с визитом и они за честь сочтут, что кто то из нашего Посольства был у них."

Мама строго посмотрела на Максимова и сказала внушительно: „Евгений Викторович, не говорите глупостей, наделали недопустимых вещей, а теперь еще фордыбачите."

Но Максимов оказался прав: владельцы соседней виллы оказались польщены, что он нанес им визит. А вилла принадлежала вице директору Оттоманского банка: местному греку или армянину.

„Не верили мне, Ариадна Владимировна, что я сразу все улажу, — добродушно смеясь сообщил Максимов. Я их хорошо знаю, не даром я в Турции вырос. Какое бы ни было международное положение, а у нас здесь личный престиж очень велик. Ему нет предела."

— Да я это все больше чувствую, — отвечала мама.

В Россию мы возвращались не вместе. Сперва поехал я, потом мама с Соней и последним должен был приехать Гар. Вас.

В Петербурге маму ждала большая неприятность — выяснилось, что Гарольду Васильевичу запрещен въезд в Россию.

Эта таинственная история остается для меня до сих пор непонятной. Я склонен думать, что какие то органы сыска, а может быть даже военной контразведки перепутали Гар. Вас. с кем нибудь другим. Я пришел к такому заключению по двум соображениям. Во —первых наш швейцар говорил мне, что его все время спрашивали, сколько офицеров и как часто бывают в нашей квартире. До войны у нас ни разу не было ни одного офицера. Если же было обращено внимание именно на офицеров, то можно предположить, что следили за кем то другим. И во вторых, если бы действительно было какое то подозрение по отношению к Гар. Вас. и ему уже был запрещен въезд в Россию, то вряд ли такой запрет мог быть так быстро, и я бы сказал, молчаливо, отменен.

Узнав об этом запрещении въезда в Россию Гар. Вас., мама решительно заявила:

Ну, я добьюсь отмены этого распоряжения. Гар. Вас. будет с нами в Петербурге.

Ее принял директор Департамента Полиции, Зуев (тоже, посколько я помню, одноклассник дяди Вити по Училищу Правоведения) и категорически заявил:

„ Великобританский подданный Вильямс в Россию не вернется. ”

Однако очень скоро Гар. Вас. был уже в Петербурге. Это постановление было почему то отменено. Почему? Вот я и думаю, что власти поняли, что спутали Гар. Вас. с кем нибудь другим.

Осенью 1912 года в Петербурге возникла большая ежедневная газета „ Русская Молва ”. Финансовую сторону устроил приятель мама Дмитрий Дмитриевич Протопопов. Он был член Первой Думы и выборжец, значит лишенный политических прав. Протопопов был человек живой и активный. Его, как и многих других не удовлетворяла доктринерски оппозиционная позиция занятая газетой „ Речь ”.

Он сам был человек богатый, но к газете привлек московских крупных промышленников. Издатели газеты сразу предложили маме пост редактора. В истории русской журналистики это был кажется первый случай когда редактором ежедневной столичной газеты становилась женщина. По своему направлению, или вернее по политической психологии газета занимала позицию правее кадетов. Кадетская партия до самой революции в основе своей была партией оппозиционной. Ее руководители считали, что все исходящее от правительства плохо и заслуживает порицания a priori. Руководители же новой газеты находили неправильной эту точку зрения огульного отрицания всего, что делает правительство.

— Россия наша и мы за все русское отвечаем все вместе и все вместе гордимся всем положительным, что у нас есть и горюем о наших недостатках, — рассуждали они.

В известном смысле „Русская Молва” стремилась проводить точку зрения, несколько лет перед тем провозглашенную Милюковым, который говорил, что либералы должны быть оппозицией Его Величества, как это бывает с оппозиционной партией в Англии, а не оппозицией против Его Величества. Однако, провозгласив этот принцип, Милюков в своих действия отошел от него и исказил английское значение оппозиции.

Издателей новой газеты не смущало, что мама была членом центрального комитета Кадетской партии, они знали ее настроения. Но когда газета появилась и сразу выявилась свою позиция, то некоторые лидеры Центрального Комитета подняли компанию против мамы. Ее руководящее участие в „ Русской Молве ” обсуждался несколько раз в Ц.К. и поднимался даже вопрос об ее удалении из него. Маме пришлось отстаивать свое право быть редактором независимой газеты. Она ссылалась на то, что признанный лидер партии, Милюков занимает редакторское положение в газете „ Речь ”, которая не является официальным органом партии. Потом эта кампания некоторых видных кадетов против мамы как то заглохла.

По предложению мамы заведующим литературного отдела новой газеты был приглашен Александр Блок. Его первая статья была совершенно не похожа на него и потому вызвала общее удивление. Блок не скрывал своих левых, или даже революционных, убеждений хотя я никогда не слыхал, чтобы он у нас в доме о них говорил. И вдруг, совершенно неожиданно, в своей первой статье появившейся в „ Русской Мовле ” он проявил консервативные симпатии. Он писал о том, что надо с большой осторожностью относиться ко всему старому и отнюдь не ломать все с плеча.

Экономический отдел газеты взял на себя Петр Струве. Вообще мама привлекла его к самому ближайшему участию в газете.

Среди очень немногих ее дореволющионных записей сохранилась и доехала до Вашингтона ее маленькая за-

писная книжечка с наклейкой на первой странице — „1912-1913 г. Русская Молва".

В ней краткие записи о редакционных собраниях, а также ее планы на будущее. Идет Балканская война и поэтому обсуждения вертятся вокруг славянского вопроса.

Член Государственной Думы (всех четырех созывов) Ник. Ник. Львов заявляет, что если Россия не сблизится со славянством, то Германия оттеснит ее в Азию.

На другом заседании он говорит, что „вера в славянство должна укрепить нашу веру в себя, в Россию, в демократию".

Петр Струве „согласен сейчас же выдвинуть вопрос о проливах. Он „не согласен с преобладающим значением Болгарии".

Проф. московского университета С.А. Котляревский, специалист по государственному и международному праву, говорит об оправдании всей нашей прежней политики (внешней). Котляревский добавляет : „Здесь есть вековая традиция, которой мы должны держаться. Экономический центр передвигается на юг. Объединение России с Ближним Востоком имеет жизненный смысл. География Болгарии важнее Сербии, поэтому надо поддержать Болгарию".

В этой маленькой записной книжке мелькают имена, не только правых кадетов, но и лиц стоявших направо от кадетов. Указывается на привлечение таких столпов Октябристов как Хомяков, Мейендорф и Шидловский. Октябристы были конституционной партией, но большей частью, безговорочно поддерживали правительство. Хомяков был председателем Государственной Думы, Мейендорф товарищ председателя.

Дальше читаем, или вернее разбираем мамину запись:

„Может работать Меллер-Закомельский (Государственный Совет), объективный и земец, выше других".

В этой записной книжке постоянно мелькают имена В.А. Маклакова, ректора Петербургского университета и члена Государственного Совета Д.Д. Гримма, С.Н. Бул-

гакова (еще не священника). Под фамилией Булгакова четкая запись : „Беспартийность в делах церкви. Национальный русский вопрос. Осторожность и осведомленность. Я хочу, чтобы православие было другим. Сектанство ”.

30-го ноября следующая запись :

Струве: „Играть с мыслью о роспуске (Думы) значит деморализировать и общество и правительство ”.

Рыкачев — о революции и партиях (вероятно предлагал статью на эту тему).

Рыкачев был молодой ученый экономист. Сразу после объявления войны он пошел добровольцем, но не выдержал тяжелой военной жизни и умер в окопах.

Дальше опять приводятся слова Рыкачева : „У власти всегда есть разумный исход и мы его ей подскажем ”.

На другой странице запись : „Рыкачев, Вопрос о войне, русская демократия тянется к миру ”.

Свои статьи в „Русской Молве ” Рыкачев посвятил вопросу о русской государственности. Одна из первых его статей была посвящена русской армии и ее национальному значению. „Русская армия наша, она принадлежит всем русским, независимо от их политических убеждений ” — таков смысл этой статьи. В либеральном лагере в то время такие мысли были смелым новаторством, так как по общему мнению русских либералов армия являлась только политическим орудием правительства. Молодой ученый сам сын генерала и директора Пулковской обсерватории, высказывал те мысли, которые охватили часть русской либеральной интеллегенции только, после объявления войны.

На этих редакционных собраниях „Русской Молвы ” постоянно обсуждаются вопросы об отношениях с правительством.

Проф. Гельсингфорского университета бар. С.А. Корф спрашивает : „Протянуть руку правительству ? А если правительство протянет руку чтобы обмануть ? ”

Далее запись :

„Маклаков (член Гос. Думы и будущий посол Вре-

менного Правительства в Париже) : Народное представительство, это только воля народного недовольства. Все что для порядка, для единства власти это монополия правительства. Этот предрассудок надо устранить. Правительство это враг (Маклаков хочет сказать, что оно рассматривается оппозицией как враг). Мы замалчиваем хорошее, черним и умываем руки. Что есть справедливого в противнике мы в нем осуждаем. Это тактическая ошибка кадетских запросов. Не надо верить на слово (правительству), как это сделал Гучков (лидер партии октябристов). Личные соглашения (с властью), а не программы. Требование минимума. Не лезть влево."

Эти записи о редакционных собраниях в маминой книжечке все время перемежаются с деловыми записями редактора о текущей работе. Мелькают имена лиц, которым следует заказать статьи. Перечисляются темы статей. Помечены имена и адреса лиц буквально во всем мире, от Пекина и Токио до Парижа и Берлина, которые могли бы посылать корреспонденции в газету. Мама не просто занимает редакторское место, а очень активно направляет газету. К сожалению ее помощник прив. доц С.А. Адрианов и технический персонал не очень ей помогают. Сейчас я не могу сказать почему С.А. Адрианов попал в помощники редактора „Русской Молвы". Он был с левым уклоном, и потом остался служить большевикам. Русский газетный технический персонал до революции в массе был левый. Все это конечно мешало политическим руководителям газеты.

Возвращаясь домой, за обедом, мама продолжала обсуждать газетные дела, часто жалуясь на технический персонал.

„Русская Молва" просуществовала меньше года. Новая газета всегда требует очень много денег, а издатели не смогли привлечь новых средств. Мама проходила курс лечения в Кисловодске, когда газета совершенно неожиданно закрылась.

Среди разнообразного проявления маминой бившей искристым ключом личности, совершенно особое место

занимает ее умение обращаться с людьми и привлекать их к себе. В начале ее жизни привлекала молодость красивой женщины. Позже к ней привлекал не только ее шарм и внешность, но ее всегда интересная беседа. Она могла и даже любила шутить, ее разговор никогда не был напыщенно претенциозным, но ей скучно было говорить о ничтожных вещах, обсуждать мелочи жизни других людей. Но может быть самое главное, что привлекало к ней людей, молодых и старых, женщин и мужчин, это интерес, который она проявляла к своим собеседникам. Она не любила говорить о себе, как это иногда бывает с оживленными собеседниками, а проявляла интерес к другим. Где бы она ни была, в какой бы обстановке ни находилась — будь то ее петербургская квартира или поезд увозящий белых от наступавших на Ростов красных, ее разговор всегда был интересным и оживленным.

Впоследствие, уже в эмиграции к ней тянулись со всех сторон за советами и за моральной поддержкой и так продолжалось до ее глубокой старости. Но в тот петербуржский период, когда ей было около сорока пяти лет, люди очень охотно общались с ней потому что в ее гостеприимном доме всегда было очень интересно и она не давала гостям скучать.

Мама была очень активная и живая хозяйка, наблюдавшая за каждым из гостей и сейчас же подсаживавшаяся к тем, кто, как ей казалось, чувствовал себе одиноко. Обычно гости собирались за самоваром. Если не было бибиньки или одной из маминых сестер, то она сама разливала чай. На столе стояло угощение. Во всех городах мира мама всегда знала, где доставать самые вкустные сладости. Она не курила и конфеты ей заменяли папиросы. Когда она садилась писать то рядом стояла коробка ее любимых конфет. Иногда это был хороший шеколад, иногда пастила или тянушки, а то и простые леденцы, в зависимости оттого что она находила в данном городе самое хорошее по ее вкусу. Ставилось также на стол несколько бутылок вина. Сама она почти не пила вина. Иногда несколько маленьких глотков. Но при этом

всегда говорила, что любит шампанское, так как оно прибавляет ей внутренней силы. Приблизительно после шестидесяти лет она никогда, ни при каких обстоятельствах вина в рот не брала и даже чекалась или пустым стаканом или водой.

В карты — в винт — мама играла только во время своего первого замужества, а потом брала карты в руки только чтобы поиграть со своими внучками, или разложить пасьянс. Перед тем как идти спать она обычно, особенно в старости раскладывала несколько пасьянсов, говоря, что они ее очень успокаивают. Она читала в кровати и потом быстро засыпала и всю жизнь очень хорошо спала.

Мама любила приодеться к гостям. В те предвоенные годы в Петербурге вероятно была мода на женские камзолы или платья типа открытого сюртука. И дома и на разных собраниях, я помню маму часто в таких платьях. У нее был такой бежевый камзол с расшитым воротником и лацканами.

У мамы было две группы знакомых. Во первых политические и общественные деятели — главным образом члены Государственной Думы и профессора. С техническими газетными работниками она не очень любила общаться, находя что у большинства из них интересы ограничиваются только гонораром. Ко второй группе принадлежали писатели и поэты. Насколько я помню художников у нас в доме не бывало.

Позже присоединилась еще третья группа знакомых Гар. Вас, главным образом ученых востоковедов.

Все видные члены Думы и политики либерального лагеря бывали у мамы. Также и большинство писателей и поэтов живших в Петербурге.

Как то уже в последние годы своей жизни в Вашингтоне, сидя на „ нейтральной ” скамейке в тенистом парке (со мной вместе) мама разговорилась с молодой русской женщиной, маленькая дочка которой играла рядом. Оказалось, что это была жена какого то советско-

го дипломата, москвичка, которая с гордостью повторяла, что она кончила десятилетку.

Мама спросила ее кого из современных писателей и поэтов проходят в советских школах. Молодая женщина назвала несколько имен.

„ Кроме Маяковского, они все бывали у меня " — заметила мама. Советская димломатша растерянно переспросила :

„ То есть как бывали ? "

„ Ну просто пили у меня чай " — пояснила мама с усмешкой ".

И действительно кого только из петербуржских писателей не перебывало у мамы. Некоторые из них были в дружеских отношениях с мамой и Гар. Вас. Блок и Ремизов чаще приходили отдельно к обеду. Одно время часто бывал Вячаслав Иванов со своей женой Зиновьевой — Ганнибал. Мама и Гар. Вас. тоже неоднократно бывала на его собрании поэтов, в его ставшей знаменитой в истории современной литературы Башне на Таврической улице.

У мамы бывали Куприн, Розанов, Сологуб, Алексей Толстой, когда он приезжал из Москвы, Городецкий, Верховский, Садовский — трудно сейчас всех вспомнить.

Иногда мама собирала только одних писателей и поэтов. У нее в доме Ремизов впервые прочел свою пьесу „ Бесовское Действо ". Читали стихи, разговаривали о литературе.

Иногда мама собирала писателей и поэтов вместе с политическими деятелями. К ним присоединялись знакомые Гар. Вас. ученые востоковеды из Университета и Академии Наук.

Кто только не проходил через мамин дом : Члены Государственной Думы Милюков, Шингарев Родичев, Маклаков, Герасимов (позже расстрелянный большевиками), Петр Струве, историк Корнилов, секретарь Академии Наук Ольденбург, ученый востоковед (кажется монголовед) Руднев. Иногда бывали одни политики, обычно чтобы встретиться с каким нибудь политическим

противником. Но я не помню чтобы у нас бывали левые — социалисты. Один раз только помню, что был позван представитель народных социалистов Мякотин на диспут с Милюковым. Диспут вышел довольно скучным, так как противники больше ограничивались разными оговорками.

В те времена Милюков считался левыми довольно правым. Они не могли ему простить, что однажды в статье он назвал красное знамя — „ красной тряпкой ".

Когда мама собирала вместе писателей и политиков, то они с интересом смотрели друг на друга и иногда между ними завязывались оживленные споры.

Это заставляло затихать всех гостей, так как они внимательно следили за спорящими. Помню один из таких споров.

Писатель Василий Васильевич Розанов, отпивавший из стакана чай и неподвижно сидевший за столом, спорил с членом Государственной Думы Родичевым, вскочившем из за стола. Огромный Родичев попробовал забегать по комнате, но это оказалось невозможно, так как не было места. Тогда он остановился над Розановым и, делая жест рукой, который был известен всей читающей России, возбужденно отстаивал свою точку зрения. Спор шел о консерватизме и либерализме. Розанов подсмеивался над либерализмом и либералами, что волновало Родичева.

После В. А. Маклакова, Родичев считался в Думе, а может быть и во всей России, самым лучшим оратором.

Совсем особые отношения сложились у мамы с артисткой В. Ф. Коммисаржевской. Вообще она не знала театрального мира, в котором у нее не было друзей. Коммисаржевская составляла исключение. Они не часто бывали друг у друга. Коммисаржевская всегда приезжала одна и не бывала у мамы с другими гостями. Мама ее считала очень тонкой и очаровательной женщиной. Она ценила ее как хорошего человека. Когда у Коммисаржевской возник конфликт с Мейерхольдом из за одной постанови и стороны согласились на третейский суд, то она попросила маму представлять ее на этом третейском разбирательстве. Мама потратила много времени,

чтобы вникнуть во все подробности дела. Насколько я помню третейский суд — всегда состоящий из представителей обеих сторон и председателя — признал, что Коммисаржевская была права.

У Коммисаржевской был свой театр. Финасовое положение его было трудное. Но все же она израсходовала много денег на постановку пьесы Суламиф. Когда все уже было готово, то театральная цензура запретила эту постановку. Коммисаржевская была в отчаянии.

Через маму и ее думских друзей она пригласила на генеральную репетицию многих депутатов Гос. Думы, принадлежащих к разным партиям. Мне казалось, что я сижу не в театре, а на каком то заседании Государственной Думы, происходящем в необычной обстановке. Само собой разумеется, что мнения депутатов не были обязательны для цензуры и если бы они нашли, что пьеса не содержит морально вредных элементов, то это еще не значило бы что цензура отменит свое запрещение.

Но к сожалению для Коммисаржевской большинство депутатов согласилось с мнением цензуры. Пьеса не была поставлена. Это было большим ударом для театра.

Я думаю, что летом того же года, Коммисаржевская со своей труппой уехала в турнэ и умерла от оспы в Ташкенте.

Ее прах встречали в Петербурге толпы молодежи. На Невском было остановлено все движение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОЙНА

Последние два года перед войной мама отдавала много времени совершенно новой для нее работе. В 1912 году умерла известная общественная деятельница в области женского образования, Анна Павловна Философова. Мама хорошо знала и ее и ее детей.

Комитет по увековечению памяти Философовой решил поручить маме написать ее биографию, ограничив все двухтомное издание четырехстами страницами. В первый том должна была войти биография Философовой, которую напишет мама, а во второй различные статьи и матерьялы. Переписка об этом началась, когда мама еще была в Константинополе. Но она приступила к этому труду только зимой 1912-1913 года. Исторические исследования для нее тогда были совершенно новой формой работы. В те времена она еще не думала о биографии Пушкина. А может быть в какой то мере семья Философовых подтолкнула ее написать работу о Пушкине. Кажется еще при жизни А. П. Философовой, она была в их имение Богдановском в Псковской губурнии, недалеко от пушкинского Михайловского. В гостиной Богдановского был маленький ломберный столик, внутри ящика которого Пушкин нацарапал свои инициалы. Мама с волнением их обнаружила.

Мама увлекалась семейными архивами Философовых, красочностью быта ближайших предков мужа Анны Пав-

ловны. Она впервые почувствовала увлекательную прелесть исторических исследований, особенно когда они связаны с интересной эпохой или с интересными людьми.

Мама сразу поняла, что писать надо живым и легким стилем. Это ей удалось. Когда она прочитала в комитете свои первае главы, то все члены комитета, включая и четырех детей Анны Павловны остались так довольны, что сразу же постановили, не ограничивать маму размерами биографии. Маме конечно это было очень приятно. Я помню с каким оживлением она рассказывала дома о впечатлении произведенном ее чтением на редакцонный комитет.

— Даже сенатор Кони меня похвалил, а он очень требовательный, сказала мама.

В результате только биография Философовой, написанная мамой, не считая второго тома, вышла размером в 476 страниц. Том был издан очень художественно и с прекрасными репродукциями старинных фотографий. Он появился уже во время войны. Когда мама закончила эту работу, то в ней забродили мысли о других исторических исследованиях.

Но вспыхнувшая война и последовавшие за ней события временно отвлекли ее от этого.

О Сараевском убийстве, вызвавшем первую Мировую Войну, мама и Гар. Вас. узнали в Лондоне, куда они ездили повидаться с Уэлльсом, а также выяснить, не может ли Гар. Вас. получить от какой нибудь газеты пост корреспондента в Петербурге. Ему ничего не удалось добиться в этом отношении и они вернулись в Вергежу и продолжали внимательно, но пассивно следить за развивающимися событиями.

Когда положение приняло уже совсем грозный поворот, то брат Гар. Вас. — Обри Вильямс — прямо с улицы пошел к редактору большой лондонской газеты „ Дэйли Кроникл " и напомнил ему ,что в Петербурге живет его брат и что лучшего корреспондента его газета не сможет найти. Гар. Вас. был назначен по телеграфу и с того момента оставался корреспондентом „ Дэйли Кроникл "

почти в течение четырех лет, вплоть до своего отъезда из России. Своими телеграммами о России он сделал себе имя в Англии.

Развитие событий чрезвычайно волновало маму и Гар. Вас. Я помню как она удивлялась, что Милюков долго еще надеялся, что конфликт можно будет локализировать.

„ Я прихожу к нему, а он сидит над картами и объясняет мне, каким образом конфликт можно локализировать, рассказывала мама.

Уже через сорок лет мама записала в своих „ Воспоминаниях " :

„ Уже после революции, я познакомилась в Париже с Сазоновым. Бывший министр иностранных дел тогда уже стал эмигрантом. Он расссказывал мне, какого труда ему стоило убедить Царя, что война неизбежна и как неохотно Николай Второй подписал указ о мобилизации. Лидер оппозиции и последний русский самодержец, оба стремились отвести войну от России, хотя казалось бы, что их понимание русских государственных нужд и возможностей были диаметрально противоположным ".

По настоянию мамы, Милюков созвал в тот же вечер (в день мобилизации) заседание Ц. К. кадетской партии.

Мама пишет в своих „ Воспоминаниях " :

„ Впервые за девять лет существования партии, ее члены были просто русскими людьми, преданными своей родине без всяких оговорок. Не было ни тени оппозиционного злорадства, отравлявшего сердца во время японской войны. Все казалось ясным — на нашу родину надвигается опасность. Мы обязаны всеми силами защищаться. Сразу выяснилась единодушная готовность поддержать правительство и с ним сотрудничать ".

Мама и Гар. Вас. были на площади Зимнего Дворца, когда на балконе появилась царская семья и народ опустился на колени. В томе третьем своих „ Воспоминаний " (появившихся в „ Возрождении ") мама писала :

„ Опасность, неожиданно вставшая перед Россией, круто изменила настроение этой мятежной интеллигенции.

У многих на глазах были слезы. Казалось, что Россия обновленная, единодушная, просветленная хлынула к стенам Зимего Дворца, вокруг которого выросла и окрепла Империя. Это было потрясающее зрелище. Те, кто будут писать историю страшных лет России, не смогут обойти молчанием эту ни кем не подготовленную вспышку, тот энтузиазм, которым, обычно холодные столичные жители, теперь окружали Дворец, Царя, всю его семью ".

Мама несколько дней под ряд возбужденно рассказывала об этот, а Гар. Вас. с присущим ему внешним спокойствием как то сказал :

„ Да, я не ожидал ничего подобного ".

Жизнь мамы и Гар. Вас. с войной изменилась. Все приспособлялось к напряженной работе иностранного корреспондента во время войны. В декабре мама занялась устройством Петроградского передового санитарного отряда.

В самых последних числах декабря этот отряд выехал в Варшаву для следования в район фронта. Вся наша семья ехала с этим отрядом. Мама, кажется, была заведующей хозяйством, но фактически помощницей уполномоченного кн. В.А. Оболенского, которого знала с детства. Соня сестрой милосердией, я заведующий транспортом — в войска меня не брали из за физического недостатка, а Гар. Вас. получил разрешение в качестве корреспондента газеты союзной страны сопровождать отряд.

Мама провела в прифронтовой полосе несколько месяцев зимы 1914-1915 года. Она долго оставалась с отрядом в Жерардове, под Варшавой и потом ездила с Гар. Вас. в Галицию. Она почувствовала дыхание огромной и, я сказал бы, скромной и в то же время величественной армии и видела как в ней живут и умирают русские люди. К сожалению она оставила слишком мало записей об этом. Но все же в третьем томе ее „ Воспоминаний " есть очень яркие места, относящиеся к этому времени.

Находясь в прифронтовой полосе, мама почувствовала государственную машину в действии, остро ощутила

значение авторитета власти и оценила эффективность русской военной организации.

В ее „Воспоминания” все время переплетаются без всякой сентиментальности описание жизни и смерти. Страшное описание железного здания Жирардовской Мануфактуры, наполненной ранеными только что привезенными с поля сражения, по своей силе и достоверности является может быть единственным, Мама провела в этом здании много часов.

„Мы знали только самый краешек войны, — пишет она, — Мы не переживали изо дня в день того, что солдаты переживают. Что такое война может знать только тот, кто с оружием в руках, идет убивать врага. Идет навстречу тому, кто в свою очередь обязан его убивать. Войну знает только тот чей долг идти навстречу смерти.”

Она почувствовала подъем сражения :

„Я не хочу сказать, что солдаты всегда рвутся в бой, — пишет она, — горят желанием доказать свою доблесть. Это затрепанные слова. Но какое то доблестное горение некоторые солдаты доносили до больничной койки... Теперь они лежат беспомощные, окровавленные притихшие. Прислушиваются к дыханию смерти. Она еще не оставила их в покое. Бродит где то близко. Ведь и в холупе нет, ни для них, ни для нас, безопасности. В любую минуту может свалиться на нас немецкий снаряд. Дыхание смерти еще носится кругом нас. В этой тесной с низким потолком комнате мы не должны были об этом думать. Но этого нельзя было не ощущать. И на скудно освещенных лицах раненых лежала печать только что пережитых страшных мгновений. Но это не был страх. Страхом не веяло от холупы. И чего бояться, Это война. Самое обыкновенное дело.”

Далее (глава шестая) мама пишет :

„Войну, как и революцию, как и многое другое на свете, осмыслить трудно. В ней столько противного человеческой природе, столько противоречивых чувств, добрых и злых. Она озверяет мирных людей, превращает их в убийц. Но она же и возвышает их до самозабвения, до

подвига, до героизма. Она будит, заложенную в глубине людских сердец способность уничтожать, губить, мучить себе подобных. И в то же время она усиливает жажду сплоченности. Настоящая армия — это великое содружество. Мы это сразу почувствовали, как только соприкоснулись с солдатами и офицерами ".

Еще дальше мама пишет :

„ Я увозила с собой с фронта не только героические впечатления, но и сознание недостатков, которые бросались в глаза всякому, кто попадал в район военных действий . . . Но армия оставалась живым могучим великаном. Вопреки всему, что вызывало беспокойство, мы чувствовали ее дыхание, ее своеобразный ритм, гордились тем, что мы в нее вкраплены. Интеллигенция, бросившаяся обслуживать русскую армию, которую за несколько месяцев перед тем полагалось считать военщиной, теперь не только нарядилась в полувоенную форму, но незаметно перенимала от офицеров их манеры, их стиль, их говор. "

Вернувшись в Петроград, и пробыв там некоторое время, мама поехала с Гар. Вас. в Галицию. Там у нее были те же впечатления об армии, об ее героизме, высоком духе, сплоченности. Во Львове они попали на царский смотр. Она следующим образом описывает его в главе восьмой третьего тома своих „ Воспоминаний " :

„ Из нашего окна все зрелище казалось невероятным, ненастоящим. Точно это игрушечные солдаты. "

" Когда, окруженный немногочисленной свитой, невысокий офицер с полковничьими погонами, в сопровождении очень высокого Вел. Кн. Николая Николаевича, легкой походкой шел вдоль солдатских рядов, впечатление игрушечности перешло в призрачность и сказочность. "

„ Сказка Андерсона, — шепнула я Вильямсу. "

„ Кивком головы он подтвердил мои слова "

" А Государь не торопясь все шел и шел вдоль рядов. При его приближении раздавались слова команды. Царь останавливался, заговаривал, то с офицерами, то с рядовыми. Два раза из рядов выступали сестры. Вблизи царя забелели их косынки. Он что то им сказал. Его голоса

мы не слышали, только видели, как он прикалывал им ордена. Вероятно Георгиевские медали ... ”

„ Во мне неожиданно промелкнула зависть. Хорошо бы быть на их месте. Ведь могло бы так случиться, что и я заслужила бы самый почетный русский орден, орден Св. Георгия. Но я его ничем не заслужила. Я это знала. И все таки как то взгрустнулось, что я только смотрю из окна, а не стою там, внизу, лицом к лицу с русским царем. ”

„ Царь шел дальше. С площади к нам поднималось дыхание армии, в этот миг таинственно связанной с невысоким полковником, овеянным ореолом многовековой самодержавной власти, строившей Россию. Теперь самодержец был тут, среди них, среди своих солдат, так близко, что они могли рассмотреть его тихую приветливую улыбку, поймать взгляд его красивых, грустных глаз. Под радостными преданными взглядами, царь не мог не почувствовать, как вся эта воинская масса повернулась к нему, устремилась к нему всей душой. ”

” Это было сходно с тем, что мы видели в день объявления войны на дворцовой площади. Только во Львове на площади стояла не пестрая толпа, а воины, спаянные вместе пережитым военным опытом, общностью испытаний и страданий. Их сердца познали биение боевого пульса. Они побывали на разных фронтах. Завтра опять пойдут навстречу смерти. А сегодня, подчищенные, подтянутые, праздничные, они стоят перед своим Государем. Говорят — до Бога высоко, до царя-далеко. А вот, он тут, тут, перед ними, смотрит на них, им улыбается. Теплая человеческая близость идет от него к ним, от них к нему, от сердца к сердцу. ”

Свои воспоминания о посещении Галиции мама кончает сказкой о русском солдате, которую Гар. Вас. Вильямс послал в „ Дэйли Кроникл ”.

Привожу ее в мамином переводе : „ Солдат был убит, смерть спустилась к нему с неба ласково. Он просто заснул под шелест сосен, а когда проснулся понял, что умер. Стал карабкаться по Карпатским горам, отыски-

вать, где тут живут праведники. Его остановили ангелы, которых он принял за офицеров.

— Ты дрался, ты людей убивал, — сказал ему крылатый офицер.

У солдата сердце упало. Он молчал.

„Нагрешил я и не впустят они меня к себе" — подумал он.

Он стал вспоминать, как под вражеским огнем лез на Карпатские крутизны. Вспоминал те дни и ночи в ледяных окопах, когда метель выла, засыпая воинов снегом. Было холодно, было голодно. Вспоминался ему и последний бой, когда они отогнали австрийцев от вершины горы. Тяжело ему стало. Неужели все это было ни к чему?

— Не выгоняйте меня, Ваше Благородие, я брал Карпатские горы, — попросил он.

Что то пробежало по лицу крылатого офицера. Он ничего не сказал. Только посмотрел в туманную мглу и в его светлых глазах что то блеснуло.

И вдруг прямо перед собой солдат увидел новый отряд с золотыми знаменами. Посреди них появился высокий красавец. Белокурые кудри падали ему на плечи. В его глазах была такая сила, такая власть, что глядя на него, сердце трепетало страхом и радостью.

Архангел оперся на рукоятку меча и сверху вниз взглянул на солдата.

— Ты брал Карпаты?

— Так точно, Ваше Превосходительство, — отвечал солдат.

— Ну ка расскажи мне про это, — сказал Архангел.

И солдат понял что он спасен."

Если не считать короткого посещения Вилейки, где расположился Петроградский отряд, то мама больше не бывала в прифронтовой полосе. Вилейку часто обстреливали германские самолеты. Мама описывает, как во время одного из таких обстрелов ее заставили выйти на улицу, где, якобы, было менее опасно. Там она увидела группу бежавших сестер. В первую минуту можно было подумать, что они бежали от немецких бомб. На самом же

деле они бежали в направлении взрывов, для того чтобы усилить в госпитале ночной персонал. Раненые всегда бывали спокойнее, когда в палате было много сестер.

Как только мама вернулась в Петроград ее сейчас же привлекли к работе в городских районных попечительствах о солдатских семьях. Правительство распределяло пайки солдатским семьям через городские учреждения, а местные общественные деятели расширили эту работу-устраивали курсы и мастерские для солдаток. А попечительство Рождественского района, в котором очень энергично работала мама открыло дешевую столовую, вход в которую был свободен для всех. Это дело было поручено маме. При помощи нашей бывшей бонны Л.А. Рейншюссель, она устроила прекрасную столовую, в которой сытные обеды отпускались для всех значительно дешевле чем в частных столовых. В этой столовой ежедневно бывало до пятисот посетителей, а иногда и до тысячи.

Маму также привлекли к сборам подарков для солдат на фронте. На всех углах города появились огромные плакаты, обычно начинавшиеся словами : „ ХОЛОДНО В ОКОПАХ ". Только немногим было известно, что авторство этих слов принадлежало маме.

С лета 1915 года и до своего выезда из России в марте 1918 г. мама жила в Петрограде, только изредка уезжая в Вергежу и на кавказские минеральные воды для лечения.

Она жила интересами армии и твердой верой в победу. Конечно Гар. Вас. своей непоколебимой верой в победу всегда поддерживал в ней этот дух. Она прожила в тылу до революции два года и все яснее чувствовала ту трещину в обществе и государстве, которая совершенно не ощущалась на фронте.

Существовала ли действительно фундаментальная и роковая трещина, делавшая неизбежной революцию ? Этого никогда и ни один историк не сможет сказать и доказать со стопроцентной правильностью. Всем своим существом мама конечно поддерживала думский про-

грессивный блок, настаивавший на необходимости образования правительства обличенного доверием страны.

Образование этого блока само по себе показывало недовольство широких политических кругов. В него входили члены не только оппозиционной кадетской партии, но также и октябристы, которые по своей психологии вовсе не были оппозиционерами, а также и члены некоторых более правых группировок. Прогрессивный блок составлял большинство в четвертой Государственной Думе, которая по своему партийному составу была правой и в первые годы целиком поддерживала правительство. Председателем Прогрессивного блока был октябрист Шидловский.

1-го ноября 1916 года, лидер кадетской партии П.Н. Милюков произнес в Государственной Думе речь, нашумевшую на весь мир.

Милюков делал намеки на то, что какие то темные силы (т.е. измена) тянут свои нити к трону. В конце речи он задал вопрос ставший историческим — „что это глупость или измена" ?

Как потом выяснилось, у Милюкова не было никаких данных делать такие намеки. Сам он сознался, что его речь была только пробным шаром.

Цензура не позволила напечатать эту речь полностью в газетах, но она была распространена в десятках, если не сотнях, тысячах экземпляров по всей России и на фронте среди войск.

Несомненно, что эта речь Милюкова нанесла очень сильный удар по авторитету власти.

Вот что мама писала в своих „Воспоминаниях" тридцать пять лет спустя, по поводу этой речи :

„Я была на этом заседании. Я хорошо помню, какое острое волнение она вызвала в слушателях. Я его разделяла, была такая же слепая, как и все кругом. Трудно передать настроение, охватившее не только депутатов, но и журналистов и публику."

Мама придавала большое значение запискам управляющего делами Совета Министров Яхонтова, в которых

он говорит о полной растерянности власти уже за несколько месяцев до революции.

До конца своей жизни мама повторяла, что эти записки ее убедили, что старое правительство потеряло всякую волю к власти.

— „Разве такое правительство могло управлять великой Империей, да еще во время тягчайшей войны" — неоднократно повторяла она мне.

Когда же я отвечал, что следующее (временное) правительство оказалось еще более слабовольным, то она с горечью отвечала :

„Кто же это может теперь отрицать, но кто же это тогда мог предвидеть ?"

Взвешивая и обдумывая, как это все могло случиться, она пишет в десятой главе третьего тома своих „Воспоминаний" :

„Прежде всего я прихожу к заключению, что провал или осыпь произошли не на фронте, а в тылу. В 1917 году армия была богаче снабжена, была сильнее чем в 1914 году. Но ни у тех, кто стоял у власти, ни у тех, кто только еще мечтал о власти, не хватило выдержки и государственной прозорливости. И солдаты и офицеры, до самой революции, стояли на указанных им позициях. Работники на оборону, фронтовые и тыловые, свой долг исполняли на совесть. Военные неудачи не погасили потребности сотрудничества с правительством, отдать свои силы на защиту отечества."

То же самое она говорит в одиннадцатой главе :

„Февральский прорыв 1917 года произошел не на фронте, он произошел в тылу. Армия свой жертвенный долг продолжала исполнять. Но ни у правительства, ни у общества не хватило выдержки и государственной прозорливости, чтобы отстоять от врагов великую державу российскую".

Мама приходит к выводу, что причинами этого обвала в тылу, приведшего к революции, были пораженчество, темные силы и ложные слухи об измене.

Она указывает, что война затягивалась и вследствие

этого пораженцы начали поднимать голову. Она говорит, что пораженческие настроения шли главным образом, если не всецело, из социалистических кругов. Но как это ни парадоксально, первого живого пораженца она встретила на завтраке у английского морского агента Капитана Гренфеля, в лице самого хозяина. Он высказывал такие пораженческие взгляды, что маме стало противно. Два других гостя, приятели хозяина, помощник юристконсульта Английского Посольства А.Я. Гальперн и прив. доц. В.Р. Идельсон ободряли капитана Британского флота в его пораженческих настроениях.

К темным силам мама конечно относит Распутина. Вряд ли можно сказать что она преувеличивает его влияние, когда даже начальник охраны Императора Николая Второго, ген. Спиридович, пишет в своей книге, что Распутин был для Императрицы богом.

Мама приводит со слов кн. Зинаиды Юсуповой (записано в Париже 16-го апреля 1933 г.) рассказ о разговоре княгини с Государыней, за завтраком в Царском Селе. Это происходило вскоре после думской речи Милюкова.

Государыне было известно отрицательное отношение княгини к Распутину.

Когда княгиня сказала :

„Ваше Величество мне было бы необходимо с Вами переговорить ", то лицо царицы покрылось пятнами и она отвечала по французски (весь разговор происходил по французски): „Я не вмешиваюсь в ваши частные дела, прошу и вас не вмешиваться в мои частные дела ".

Кн. Юсупова ответила :

„Дела русской Императрицы касаются всей России, они не могут быть частными ".

Далее мама пишет :

„Смелость и искренность кн. Юсуповой пробили лед. Царица смягчилась, плакала, продержала ее около себя два часа и, прощаясь, обещала, что Распутин в Крым не поедет, взяла с Юсуповой слово, что она приедет в Крым и будет ее часто видеть.

„В Крыму она Юсупову к себе ни разу не пригласила".

В пятнадцатой главе третьего тома „Воспоминаний", мама выражает удивление по поводу того, что Государь не желал слушать таких министров как Сазонов, Кривошеин, кн. Щербатов.

Теперь мы знаем, что их было семь. Ген. Спиридович рассказывает, что даже состоялось секретное совещание этих семи министров, считавших перемены необходимыми.

„Секретное совещание состоялось на квартире министра иностранных дел Сазонова (Ген. А.И. Спиридович „Великая Война и Февральская революция", т. 1-ый, стр. 189) на нем было составлено письмо к Государю, в котором говорилось, что принятие главного командования Государем грозит тяжелыми последствиями Государю, Династии и России. Письмо подписали гос. контролер Харитонов, министры земледелия Кривошеин, внутренних дел кн. Щербатов, иностранных дел Сазонов, финансов Барк, просвещения гр. Игнатьев, торговли Шаховской и оберпрокурор св. Синода Самарин. Военный и морской министры письма не подписали, но обещали доложить Государю о их солидарности с подписавшими". В виде анекдота Спиридович отмечает, что когда эти министры выходили с секретного совещания, то увидели перед подъездом пристава. На вопрос одного из министров, что он тут делает, пристав взял под козырек и ответил: „нахожусь в наряде, Ваше Высокопревосходительство по случаю заседания совета министров". Министры оппозиционеры рассмеялись и один из них заметил:

„Вот вам к секретное совещание".

Мама пишет:

„Все они, включая самого Государя, были подлинными патриотами. Они не могли понять в чем дело. Почему он не может, или не хочет, понять того, что ему докладывают его сановники, казалось бы опытные в делах государственных? Как может он доверять больше Штюрмеру (министр преседатель) или Распутину, чем им?"

В конце третьего тома своих „Воспоминаний", мама, подавляя внутреннее волнение (а она очень волновалась, когда писала о последних предреволюционных годах), с горечью пишет, что слухи об измене около Трона были ни на чем не основаны".

„Летом 1914 года, — продолжает она, — с кличем „война войне", приняла Россия немецкий вызов. К началу 1917 года раздался другой клич, все стали бредить министерством народного доверия, все ждали от него чуда и не дождались. Порожденное революцией Временное Правительство по составу своему было министерством народного доверия, но спасти русскую державу от революционного погрома оно оказалось неспособным".

Несколькими страницами дальше мама писала :

„Острое недовольство захватывало все более широкие круги. Волновались думцы, министры, крестьяне, профессора, великие князья, солдаты и офицеры на фронте. Заколебалась великая присяга, которую дал народ, принимая вызов Германии. Начались розыски, на кого возложить ответственность за ошибки, неудачи, недостатки, за невыдержанность,неосведомленность, растерянность и слабость правительства. И нашли виновную-женщину, скорбную мать неизлечимого больного сына, иностранку, которая плохо разбиралась в делах Империи, над которой царствовал ее муж. Ее осудили за слепоту, как за измену. А сами судьи ? Разве они понимали Россию, ее возможности, ее потребности и то, что на нее надвигается ? Разве они предвидели до чего революция доведет нашу родину ? Разве они отдавали себе отчет в общем положении России ? Разве они понимали, что необходимо во что бы то ни стало предотвратить губительный мятеж ?"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ

В дни февральской революции я был в Петрограде и сопровождал маму повсюду. Гар. Вас. не мог это делать, так как был слишком занят своей работой. Его телеграммы о происшедшем в России перевороте, как всегда вдумчивые, точные и подробно излагающие обстановку, появились в Лондоне одни из первых.

Как только мы узнали, что взбунтовались запасные батальоны гвардейских Волынского и Литовского полков, мы с мамой утром отправились к Государственной Думе. Еще до нашего ухода из квартиры позвонил ее зять (муж сестры) мировой судья Колесников и передал нам, что местный пристав сообщил ему по телефону о том, что казаки уже не подчиняются властям и не разгоняют толпы демонстрантов.

— Я переодеваюсь в штатское платье, — осведомил полицейский офицер мирового судью.

Я не помню, как мы добрались до Таврического Дворца, где помещалась Государственная Дума. Погода стояла ясная, метель началась только вечером.

Решетчатые ворота дворца были закрыты. По ту сторону ворот стоял сторож в форме. Кругом все было тихо. При нас к воротам подошла рота, а может быть полурота, л.г. Литовского полка — так хорошо запомнились желтые канты у солдат — знак отличия третьей гвардейской дивизии. Офицеров при роте не было, но сол-

даты держали строй. Я обратил внимание на бледные и сосредоточенные лица солдат. У некоторых выступали капли пота на лбу, хотя стоял мороз.

Рослые гвардейцы растерялись перед закрытыми воротами и не знали, что дальше делать. Так продолжалось несколько минут, пока откуда то не появился небольшого роста еврей в широкой шляпе. На его лице был страх и возбуждение.

— Товарищи, что же вы остановились, требуйте чтобы немедленно открыли ворота, — крикнул он высоким голосом.

И не дождавшись, пока гвардейцы начнут требовать, этот маленький штатский, обратившись к сторожу, стоявшему за решеткой, крикнул своим высоким голосом :

— Именем революционного народа мы требуем, чтобы ворота были открыты. Его требование было удовлетворено и испуганные взбунтовавшиеся солдаты начали входить в полукруглый палисадник Таврического Дворца, а потом и в самое здание Дворца.

Мы с мамой переглянулись, наблюдая, как были открыты ворота и прошли за солдатами в Думу.

— Вот так история, — сказала мама и добавила :

„Необходимо чтобы сейчас же кто то взял в свои руки этих солдат, иначе это может вылиться в солдатский бунт. Немедленное установление твердой власти совершенно необходимо."

Бродя с мамой по залам Таврического Дворца, я, по правде сказать, все время ждал появления боевого штабс капитана во главе со своими людьми, который разогнал бы этих вышедших из дисциплины солдат.

В начале я беспокоился за безопасность мамы и уговаривал ее уйти из Думы. Но конечно это были безрезультатные уговоры. Не таков был характер мамы, чтобы она могла согласиться сделать что нибудь для избежания опасности. Мама молчаливо ходила по знакомым ей залам Таврического Дворца, делая только иногда отрывистые замечания. Ей не нравилась эта солдатская толпа. А солдаты все прибывали и прибывали. Вот пришли

огромные преображенцы. Они тащили с собой мешки с сахаром, хлебом и еще какое то продовольствие.

Мама не сразу разыскала в этой толпе кого нибудь из знакомых депутатов. Наконец появился, кажется Герасимов, а может быть кто то другой из кадетов.

—Что же это такое ? — тревожно обратилась мам к нему.

— Ничего хорошего, Ариадна Владимировна, взбунтовавшися солдат очень трудно привести в подчинение даже в самом начале. А там — он показал рукой куда то внутрь Дворца — какие то господа уже поговаривают об организации Совета Солдатских Депутатов. Они против войны.

— Это еще что такое ? Как это против войны ? Мы все против войны. Но сперва необходимо добиться победы, — живо ответила мама.

Позже днем, когда Дворец все больше и больше заполнялся солдатами, к маме при мне подошли какие то два господина, которых я не знал, и предложили ей принять участие в совете солдатских депутатов, организуемом членом Думы социал демократом Чхеидзе.

— От этого грузина ничего хорошего не может исходить. Я признаю только Думу и никаких советов, — резко ответила мама.

Она мне пояснила, что это были два левых интеллегента Фальборк и Чернолусский.

— „ Два пустозвона, которые всегда боятся отстать от событий, " — добавила с усмешкой мама.

Уже начинало темнеть. На улице поднималась мятель, а солдаты не уходили из Таврического Дворца.

Мы подошли к группе преображенских великанов.

— Ребята, пора в казармы возвращаться, теперь Дума знает, что вы ее поддерживаете, — попробовала уговаривать солдат мама, —

— Шутите барынька — в казармы, да ни в жисть. Там нас за это не похвалят. Гляди и под суд можно попасть, время то военное. Теперь уже из Думы никуда не

уйдем, — отвечал огромный унтер офицер, наклонясь и разговаривая с ней.

— Их же надо накормить, иначе они сами начнут шарить чтобы достать продукты, — сказала мама решительно, добавив — пойдем.

Она вела меня по залам и переходам, которые видимо ей были хорошо знакомы и наконец наткнулась на депутатов.

Они повели ее в какую то комнату.

Я остался ждать за дверью.

Минут через десять мама вышла.

— Ну слава Богу, формируется Комитет Государственной Думы, — сказала мне мама. Он должен заменить пустое место, образовавшееся с исчезновением власти. Это необходимо. Знаешь мне поручено организовать питание этой солдатской толпы. Если мы этого не сделаем, то они попадут в руки другим.

В текение нескольких часов проведенных мною с мамой в Таврическом дворце, все определеннее чувствовалось, что помимо Комитета Государственной Думы создается какая то другая организация претендующая на власть.

Во время нашего пребывания в Думе появился Гар. Вас. и потом куда то исчез.

Получив поручение от Комитета Государственной Думы, мама со мной вместе сейчас же отправилась в город разыскивать продовольствие. Мы сели в какой то чужой автомобиль и чужой шофер, или чужие шоферы, возили нас по городу, по адресам указанным мамой. Густой снегопад придавал городу совершенно призрачный вид. Сквозь падающий снег были видны проезжавшие мимо автомобили с вооруженными штатскими на крыльях. На крылья нашего автомобиля тоже иногда садились или ложились вооруженные люди. Но стрельбы на улицах не было слышно. Наш шофер пояснял им, что мы едем по поручению Комитета Государственной Думы. В первые дни переворота эти слова действовали магически и открывали всюду двери.

Не помню где мы были, достала ли мама необходимые продукты и возвратились ли мы вечером в Таврический Дворец. Но домой мы приехали поздно. Гар. Вас. уже начал тревожиться и был рад, что мы наконец вернулись.

Первые дни, а может быть только часы, маме и Гар. Вас. казалось что наконец устранено главное препятствие для организации победы, свергнуто, или точнее исчезло без всякого сопротивления старое правительство. Но ликование было кратковременным, оно продолжалось только до опубликования приказа номер первый, который призывал солдат не слушаться своих офицеров. Он был подписан президиумом Совета Солдатских и Рабочих Депутатов.

В первый момент этот приказ вызвал в маме недоумение, скоро перешедшее в возмущение.

— Что они делают, безумцы. Они же подрывают основание армии, разрушают ее. Ведь без офицеров армия не существует, — говорила она с волнением.

Дни замелкали так быстро, что не было времени опомниться. Мама оказалась членом Центрального Комитета министерской партии — в первом составе Временного Правительство было очень много видных кадетов. Лидер партии, Милюков — занял пост министра иностранных дел.

Одно из первых критических замечаний по поводу личного состава Временного Правительства я услышал от мамы, когда она с горькой усмешкой рассказывала, что видела ,как ее приятель министр земледелия Шингарев стоял в очереди за бензином для министерского автомобиля :

— Как он не понимает, что это дело сторожа, а не министра. Он обязан управлять, а не стоять в очередях.

Прием в министерстве иностранных дел произвел на маму также очень плохое впечатление. Она почувствовала что новые министры, хорошо знающие все консти-

туции и теорию государственного права, совершенно не понимали, что такое власть, ее авторитет и престиж.

Милюковы устроили прием для друзей. Этот прием в министрестве, устроенный министром был скорее похож на какое студенческое собрание. Мама видела удивление на лицах министерских лакеев.

Но уже более серьезное недоумение по поводу поведения нового министра иностранных дел возникло у мамы, когда он распорядился послать Троцкому визу на вьезд в Россию.

— Мы на него напали за это в Ц.К., — а он ответил, что не может действовать методами старого правительства, — расказывала нам мама в тот же день за обедом.

— Я ему заметила, — продолжала мама, — Павел Николаевич, у всякой власти существуют классические методы властвования. Если их не применять, то можно потерять власть.

Мама сказала что Милюков вспыхнул и ответил ей :

— Лучше я потеряю власть, но таких методов применять не буду.

Он предуказал свою судьбу, в скором времени и он и военный министр Гугков вышли из состава Временного Правительства.

Первые недели, или даже месяцы революции мамина главная деятельность сводилась к работе в кадетской партии. Прежде всего к участию в заседаниях Центрального Комитета, теперь уже с министрами. Разговоры дома постоянно касались борьбы Совета Рабочих и Солдатских депутатов с Временным Правительством и обсуждения слабостей Временного Правительства.

— „ Что они делают, что они делают, — все чаще и чаще восклицала мама, — ведь они так могут довести до полного разгрома армии. Это прямо ужасно ". Мама энергично работала в издательской комиссии кадетской партии. Издавались благонамеренные брошюры, которые конечно не находили отклика в народе, так как обещания левых партии были куда более соблазнительны.

Она продолжала вести свое кадетское бюро печати

и рассылать статьи по провинциальным газетам. Это дело ей было давно поручено центральным комитетом.

К сожалению сохранилось очень мало ее политических записей от этого времени, а она их вела.

Вот одна из таких записей от 17-го июля 1917 г.

„Третьего дня прочла в газетах, что исполнительный комитет (Совета солдатских депутатов) собирается послать семьдесят ораторов в армию. Вспомнила, как в начале революции поехали в армию их толкователи политики, и мы знали, твердо знали, что эти посланцы несут с собой гибель, разложение и смуту. И не кричали, не сумели вступить в бой, не пустить их, или, хотя бы, разъяснить смысл, всю государственную опасность их пропаганды. Слабость, растерянность, или что иное, но всетаки мы этого не сделали. Неужели и теперь, когда армия разлагается на наших глазах мы этого не сделаем ” ?

„Пошла к Павлу Николаевичу (Милюкову). Он тоже был готов сейчас же вступить в бой. Ворчал, что партия не идет на решительную борьбу. Я предложила поехать к Крапоткину (кн. Крапоткин русский анархист, вернувшийся после революции в Россию и считавший, что необходимо довести войну до победного конца) и чтобы он устроил беседу ответственных представителей оборонцев. Надо было искать выхода. Я поехала к Крапоткину на его старосветскую дачу, в густом саду на Каменном Острове. Старик также горько и горячо как и мы берет все современные события. Но у него еще историческая перспектива. Он считает, что весь марксизм построен на обманных навыках. Еще Маркс на первом Съезде Интернационала подделывал мандаты. Его последователи проводят им намеченную тактику, но беда в том (по словам Крапоткина), что и социалисты революционеры в огромном большинстве пораженцы. Чернов был в Циммервальде, потом читал в Лондоне лекцию, где одобрял все их постановления. Также смотрит Натансон. Во всей партии только несколько настоящих патриотов, пять-шесть не более. Это Керенский, Брешко-Брешковская, может быть Авксеньтьев. Поэтому на господствующие социалистичес-

кие партии нельзя опираться в обороне ". (Таково было мнение Крапоткина, как передавала его мама А.Б.)

Мама на это заметила :

„ Тем более важно, чтобы социалисты патриоты сговорились ".

Далее мама продолжает свою запись :

„ Да, да, — соглашается Крапоткин, — но как и кто, захотят ли они с кадетами. Авксентьев почти наверное не захочет. Алексинский? (Григорий Александрович Алексинский бывший большевик, занявший во время войны решительно оборонческую позицию и доказывавший, что большевики берут деньги от немцев) сам скомпрометирован. Его из группы „ Призыв " заставили уйти. Плеханов (один из основателей русских социал демократов) оборонец это так. Ну а Милюков захочет ?

„ Я сказала, что захочет. Старик был кажется рад помочь. Я уже уходила когда пришел кн. Г.Е. Львов (первый председатель Временного Правительства). И я осталась, сказала ему несколько приветственных слов. Он сначала посмотрел на меня исподлобья, потом пошел навстречу. Приблизительно сказал следующее :

„ Надо опять наладить коалицию. Без кадет нельзя. Но ведь вы заняли такую непримиримую позицию. Вы не захотите даже разговаривать ".

На это мама ответила :

„ Почему не захотим. Керенского у нас решено поддерживать .На этот счет нет разногласий Лучше всего было бы создать комбинацию — Керенский — Милюков ".

На это кн. Львов ответил :

„ Об этом и думать нечего. Они друг друга терпеть не могут. Вообще ваш Ц.К., ваши здешние кадеты догматики. То ли дело московский комитет.

„ Ну хорошо, пускай Керенский поговорит с Маклаковым или Кокошкиным, если он понимает, что кадеты нужны " — ответила мама.

„ Конечно понимает. Знаете, что я сейчас поеду к Керенскому (занимавшему пост главы правительства) — предложил кн. Львов. "

„ Было видно, что он все это берет очень близко к сердцу, — продолжает свою запись мама, — Чувствует свою вину, что не сумел быть твердым и ругает нас кадетов, на чем свет стоит, за непримиримость, за то, что занимали в правительстве какую то враждебную позицию. Но также ругает и левых. Некрасова называет мерзавцем (Некрасов член Гос. Думы, кадет, но во время революции сдружившийся с левыми и потом оставшийся на службе у большевиков) ”.

Мама была знакома с некоторыми видными большевиками, точнее сказать с женой Ленина и Раковским, но не хотела с ними встречаться. Крупская и Ленин не проявили никакого желания увидить маму, чем она была довольна.

„ По старой дружбе, мне неприятно было бы наговорить Наде резкостей, а конечно этим неминуемо бы кончилось наше свидание ”, — говорила нам мама.

Но Раковский настоял, чтобы мама его приняла. Кристи Раковский был болгарин из Румынии. В начале столетия он приезжал в Россию со своей русской женой, придерживался умеренных взглядов и был принят в русских либеральных кругах. За его молодой женой ухаживали многие видные руководители русского либерального движения. Но вскоре, совершенно неожиданно, она умерла, почти на руках у мамы. Раковский был очень благодарен, что она возилась с его умирающей женой. Потом он уехал на Балканы и кажется стал руководителем одной из крайних болгарских политических группировок. Во время войны мы узнали, что он на службе у немцев.

Мама очень неохотно согласилась на желание Раковского приехать к ней. Я присутствовал при этом посещении Раковского. Мама все же предложила ему сесть и ждала, что он скажет. Раковский сразу заговорил о необходимости кончить войну путем сговора. Мама в очень резкой форме оборвала его и сказала, что ему у нее нечего делать. Раковский быстро ушел.

Летом 1917 года состоялись выборы в Петроградскую Городскую Думу по самому модному тогда избиратель-

ному закону — по пропорциональной системе представительства. Эта система предоставляла абсолютную власть признанным политическим партиям... Избиратель голосовал только за партийные списки и потом в зависимости от числа голосов, поданных за каждую партию, она получала определенное количество мест. При этом избранными признавались лица стоявшие во главе партийного списка. Другими словами если партия получала на выборая пять мест, то выбранными оказывались первые пять человек значившиеся в избирательном списке. Мама стояла одной из первых в кадетском списке поэтому она прошла. Я стоял одним из последних в этом списке поэтому конечно я не прошел в Думу. Всего кадетов прошло сорок два. Социалисты революционеры получили семьдесят пять мест, большевики шестьдесят семь мест и другие социалистические партии около пятнадцати мест. Кадеты оказались на самом крайне правом фланге. Думаю, что кадетский список возглавлял депутат Государственной Думы от города Петрограда Андрей Иванович Шингарев, занимавший министерские посты во Временном Правительстве. Ему некогда было бывать в Городской Думе и потому мама фактически стала лидером кадетской фракции, единственной несоциалистической группировки в Думе.

С избранием мамы в городскую думу летом 1917 года, ее главное внимание было обращено на работу в этом городском парламенте. Дума занималась не только вопросами городского хозяйства, в ней постоянно обсуждались и вопросы политические и отражалась борьба, которая велась между социалистическими партиями и кадетами. В период Временного Правительства т.е. между мартом и октябрем 1917 года в России существовала только одна не социалистическая партия — кадетская. И в этой борьбе в Городской Думе мама заняла руководящее положение.

Что бы ни происходило в городе, какое бы напряженное положение не было на улицах, мама считала своим гражданским долгом отправляться в Думу и оставаться

там до конца заседания. Почему то большинство заседаний происходили по вечерам. Гар. Вас. или я всегда провожали ее через вечерний город и ждали пока не кончится заседание. Иногда мы шли втроем, часто извозчика невозможно было найти. Трамваи ходили не регулярно. В начале мы попробовали, в особенно тревожные дни, уговаривать маму не ходить на заседания, но скоро поняли, что не стоило терять напрасно время на эти уговоры. Мама обычно ехала или шла молча, иногда только перекидываясь с нами отдельными фразами.

Довольно скоро представители „революционной демократии" — так тогда называли всех энтузиастов революции — стремившихся ее углубить, — увидели что с „госпожей Тырковой" надо держать себя очень осторожно, чтобы не попасть в неловкое или просто глупое положение.

Вот пример обращения мамы с социалистическими гласными: обсуждается вопрос о пополнении одной из технических комиссий Думы. Социалисты революционеры предлагают включить в состав этой комиссии Марию Спиридонову. После революции Мария Спиридонова возвратилась с каторги, где она пробыла около десяти лет. Во время революции 1905 года Спиридонова, будучи молоденькой гимназисткой, была арестована по обвинению в революционной деятельности. При аресте или при позднейшем допросе она была изнасилована жандармским офицером. Конечно это скандальное дело подняло шум по всей России. В Государственной Думе был сделан запрос и имя пострадавшей революционерки прославилось повсюду.

В ответ на предложение социалистов революционеров включить Марию Спиридонову в состав городской технической комиссии, встает мама и спокойным тоном просит сообщить каким техническим опытом располагает Спиридонова ?

Кто то из эс. - эров неосторожно отвечает :

„Помилуйте, ее изнасиловал жандармский офицер."

На это мама язвительным тоном замечает :

„ Я не знала, что в вашем представлении это обстоятельство является достаточным, чтобы находиться в городской технической комиссии.

В зале раздается смех, смеются члены думы, смеется публика. На заседаниях Думы всегда бывало много публики.

Социалисты революционеры сконфужены.

Мама изучила продовольственное дело и в этом вопросе с ней всегда все считались. Но вообще представители левых группировок скоро хорошо поняли, что „ госпожа Тыркова " сделает все, что она считает нужным и не остановится ни перед какими трудностями, или даже опасностью для себя.

В дни большевистского переворота кто то из левых прибежал в Городскую Думу и, волнуясь, сообщил, что солдаты Павловского запасного батальона не выпускают из своих казарм солдаток из женского батальона и там их насилуют. В день переворота, Женский батальон нес охрану Зимнего Дворца, где заседало Временное Правительство. Оно там и было арестовано и отправлено в Крепость.

Мама сразу же предложила послать делегацию Городской Думы для выяснения того, что происходит в Павловских казармах.

В ответ на это ее предложение со скамей социалистов революционеров раздались возгласы :

„ Если вам угодно „ госпожа Тыркова " так поезжайте сами выяснять, что там происходит, а среди нас нет охотников.

Мама согласилась, сейчас же поехала и выяснила, что солдаток никто не насиловал.

Легенда об их изнасиловании почти вошла в историю, но мама, слушая эту постоянно повторяемую легенду, только улыбалась.

Позже после большевистского переворота, Петроградская Городская Дума оставалась единственным выборным учреждением. В нем члены кадетской партии, включая и маму, смело обличали большевиков, пока наконец боль-

шевистские власти просто не заперли двери в зал заседаний.

В августе 1917 года Петроградская Городская Дума включила маму в состав своей делегации на Государственное Совещание, открывшееся в Москве 31-го августа. Оно состояло из представителей разных партийных и профессиональных организаций, а также воинских частей. На маму произвело большое впечатление триумфальное появление Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова и его выступление, а также других военных вождей. Наоборот поведение Керенского и представителей революционной демократии на Государственном Совещании произвело на маму удручающее впечатление. Все их выступления ограничивались воплями, именно воплями, о необходимости спасения революции.

Возвратившись в Петроград, мама все время повторяла, что вся надежда на военных вождей и на армию.

„ Если генералы ничего не смогут сделать ,то никому не удастся спасти положение, спасти Россию от полного революционного развала и выполнить наши обязательства по отношению к союзникам-постоянно повторяла она.

Мама была полна стремлением к борьбе с теми, кто по ее мнению губит Россию, т.е. с так называемой революционной демократией.

В конце августа с ней произошел свирепый припадок печени. Такие припадки с ней случались главным образом в первой половине жизни. Непорядки с печенью носили наследственный характер. Ее мать — бибинька — всю жизнь возилась с печенью и чуть не умерла от нее когда ей было около пятидесяти пяти лет. Но съездивши в Карльсбад, поправилась и дожила до девяносто трех лет.

У мамы были острые боли и она лежала в кровати в полном изнеможении. Но когда пришла весть о том, что Верховный Главнокомандующий ген. Корнилов ставит какие то требования правительству, то несмотря на свой припадок она очень заволновалась, собрала свои силы и, лежа в кровати, стала обсуждать события с Гар. Вас. и

со мной. По ее мнению это был последний шанс чтобы спасти положение. Она просила меня, считая, что не надо вмешивать в такое дело Гар. Вас., как англичанина, сейчас же повидать Милюкова и передать ему, что по ее мнению необходимо немедленно же связаться с ген. Корниловым. Я сразу же отправился в Кадетский клуб на Французской набережной, разыскал Милюкова и передал ему это. Он не возражал и обещал в тот же вечер поговорить об этом с другими руководителями партии.

На следующий день однако выяснилось, что корниловское движение не удалось. Войска, посланные Корниловым в Петроград растаяли по дороге.

А только одна весть о движении этих войск на столицу вызвала полную панику среди руководителей Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Они считали, что в столицу неминуемо войдут какие то кавалерийские части и особенно пугали друг друга появлением кавказских туземных частей.

После неудачи корниловского выступления, мама впала в несвойственное ей мрачное отчаяние. Как только ее силы немного восстановились она уехала на кавказские воды лечиться. Она возвратилась с вод перед самым большевистским переворотом и сразу отправилась в Городскую Думу.

В ее отсутствие, кажется кадетская партия делегировала ее в Совет Республики. Сразу после провала корниловского движения, Временное Правительство, якобы для того чтобы внести успокоение в умы, грубым образом нарушило единственное ограничение своей власти. 15-го сентября оно объявило Россию республикой, что имело право сделать только будущее Учредительное Собрание.

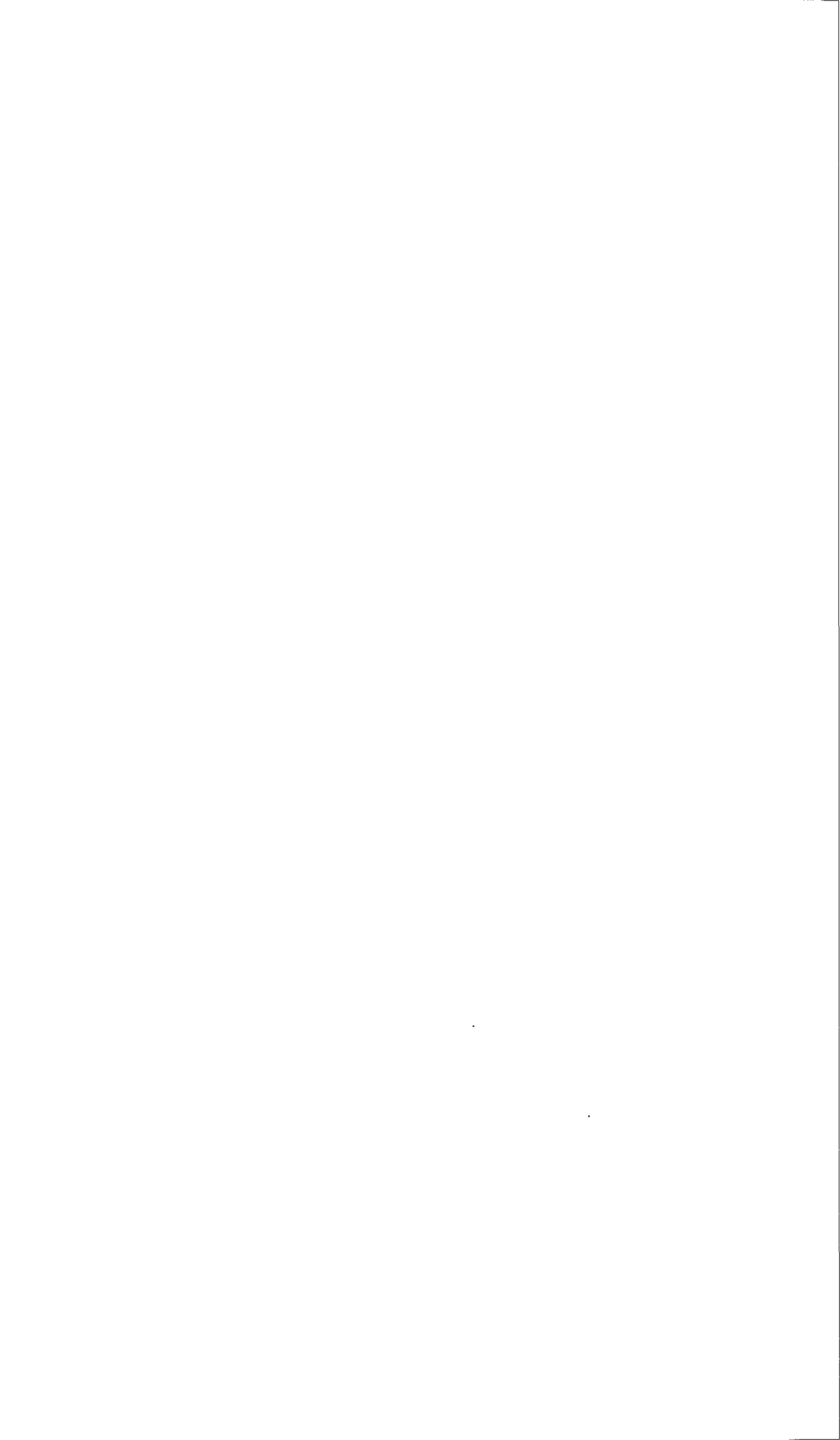
Совет Республики было совещательное учреждение созданное приблизительно по тому же принципу, как и Московское Государственное Совещание. Оно состояло из представителей партий, профессиональных организаций и делегатов от армейских частей. Государственно мыслящие люди, вроде ген. Алексеева, произносили в нем очень трезвые речи. С другой стороны революционная демокра-

тия продолжала сохранять свой стиль и только указывала на то, что необходимо защищать революцию.

Совет Республики исчез с захватом власти большевиками. Мама все это время была в Кисловодске и не присутствовала ни на одном заседании Совета Республики. Кто то ей сообщил, что несмотря на закрытие этого учреждения, его членам выплачивают причитающееся им жалование.

Мы считали для нее опасным лично явиться за этим жалованием. Мама дала мне доверенность и в Мариинском Дворце я получил без всяких затруднений, какую то сумму, расписавшись в алфавитном списке членов. Когда я расписывался то заметил, что перед ее именем стояло имя Троцкого. Но никто не расписался в получении для него денег.

Троцкому эти деньги были ненужны, так как в его распоряжении тогда находилось все достояние Государства Российского.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

Странная, чтобы не сказать страшная, жизнь началась у мамы, как и у большинства умеренных политических деятелей. Она становилась все более нереальной, впрочем была одна реальность- это постоянная угроза ареста. В первые дни после советского переворота, а может быть даже в первые недели, как будто мало что изменилось. Правда новая власть перевела большинство членов Временного Правительства из Зимнего Дворца в тюрьму Петропавловской Крепости. Но Городская Дума, в которой большевики были в меньшинстве, продолжала заседать. Выходили еще газеты и открыто громили большевистских захватчиков, Происходили публичные собраиия, на которых также очень резко криковались действия большевиков. Банки были закрыты только через шесть недель после переворота. Все внимание было сосредоточено на предстоящих выборах в Учредительное Собрание. Огромное большинство политических деятелей считало, что исход этих выборов нанесет роковой удар по советской власти, которая обязательно должна исчезнуть.

Выборы должны были происходить по положению выработанному еще Временным Правительством. Была установлена система пропорционального представительства. Поэтому у кандидатов стоявших во главе партийных списков было больше шансов быть выбранными, чем у тех, кто стоял в конце списка.

Центральный Комитет Кадетской Партии поставил маму на второе место по Новогородской губернии и кажется на шестое по Екатеринославской.

Кадетская партия командировала меня в Новогородскую губернию вести предвыборную кампанию. Еще до большевистского переворота я разъезжал по городам и весям нашей губернии и разъяснял ничего непонимающим крестьянам, преимущества кадетской программы, перед программами других партий.

Реакции моих слушателей повсюду была одинаковая :

— А как будете отбирать землю от помещиков ? — спрашивали они.

— Со справедливым выкупом.

— Значит деньги будете платить помещикам. А вот эс-эры будут даром отбирать. Так то нам будет сподручнее.

Этого настроения у крестьян невозможно было переломить. До выборов в Учредительное Собрание я уехал с поручением в Новочеркасск к генералам Каледину и Алексееву и провел там день выборов, возвратясь в Петроград в конце ноября.

В одной из сохранившихся маминых тетрадях под 28-м ноября 1917 года следующая запись :

„ Тогда (т.е. в день выборов 25-го ноября) не дописала, теперь по памяти постараюсь восстановить.

” Сегодня день выборов в Учредительное Собрание. Перед ними волнения, приготовления, ожидания, опасения. В нашей кадетской среде, часть готова была придавать слишком большое значение Учредительному Собранию. Воображали, что кадетов будет не меньше ста пятидесяти, что они смогут имет какое то численное значение, Строились также парламентские рассчеты о коалиции сил . . . ”. Сегодня на улицах полупразднично. На больших улицах закрыты магазины. На маленьких торгуют. По Таврической мимо нас прошли манифестащии районных дум, потом обуховцы. На углах митинги. Спорят без ожесточения. Кое кто боится идти ближе к Таврическому, а вдруг стрелять будут. Но вообще все довольны.

Давно не манифестировали... Я не могу ни писать, ни говорить об Учредительном Собрании. Я не верю в него. Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спутано, слишком темно. И силы темные лезут, собрались, душат ".

Свое отрицательное отношение к Учредительному Собранию, выборы в которое производились в совершенно ненормальной обстановке, мама выразила более определенно и развила свою точку зрения в записке, находящейся в ее бумагах и помеченной 10-м июня 1919 года, Лондон. Эта записка озаглавлена : „ Союзники и Учредительное Собрание 1917 года ".

Она писала :

„ Учредительное Собрание было мертворожденным. Воскресить его нельзя и не надо. Я была в России во время выборов. Мое имя было выставлено в числе кандидатов по спискам двух губерний. Я принимала близкое участие в избирательной кампании и голосовала 25-го ноября в Петрограде. Была непосредственной участницей и свидетельницей всего хода выборов. Я позволю себе решительно и категорически заявить, что выборы в Учредительное Собрание происходили при условиях прямо противоположных самой идее народного представительства. Большевики тогда только что захватили власть. Матросы и Красная Гвардия врывались в типографии, закрывали газеты, уничтожая выборные воззвания, разрушая шрифты и машины . . . Среди треска ружейной и пулеметной пальбы должен был русский народ наметить своих избранников. Неграмотным, непривыкшим к политическому мышлению мужчинам и женщинам приходилось среди вихря анархии и гражданской войны разобраться в сложных программах, о которых они в первый раз услышали за несколько месяцев до этого . . . "

Далее мама указывает, что не было никаких инстанций контроля выборов и подсчет производился произвольно.

„ . . . Нет никакой возможности теперь установить, — продолжает она, — подлинный список действительных

членов... Мой секретарь пытался выяснить избрана ли я по Новогородской губернии, где мое имя стояло вторым по списку кадетской партии. Так как по закону об Учредительном Собрани выборы были пропорциональные, то возможно, чти кадеты и получили два места, из восьми приходившихся на Новогородскую губернию. Но оказалось, что никто не знает, кто собственно выбран и где находится выборное делопроизводство. Скорее всего, что оно просто было уничтожено. Новогородская губерния не является исключением... Но так как несмотря на насилия и подлоги всетаки большинство оказалось у партии эсэров, так как за них голосовало крестьянство, то большевики не только разогнали Учредительное Собрание, но и уничтожили по округам выборные документы, а также готовые списки депутатов. Кто же возьмется теперь установить настоящий и полный состав Учредительного Собрания 1917 года?"

После выборов в Учредительное Собрание мама еще некоторое время пыталась действовать. Еще продолжала заседать Городская Дума, которая превратилась в Петрограде в центр оппозиции большевикам.

Я привез из Новочеркасска ободряющие сведения о создании Добровольческой Армии. Эти сведения были сообщены Гар. Вас. англичанам и французам. У нас в доме очень много говорили о том, что белые генералы добьются своего и свергнут большевиков. Во время расследования положения женского батальона, мама завязала отношения с отдельными солдатками. Они замелькали в нашей квартире. Мама помогала им отправляться на Дон, доставала для них штатское платье. Некоторые из них добрались до Новочеркасска, вступили в Добровольческую Армию, дрались против большевиков и умирали как бойцы. Другие хорошо исполняли разные поручения разъезжая в штатском по всей России. Мама также оказывала помощь юнкерам, а иногда и офицерам, стремящимся ехать на Дон. Мама помогали им доставать необходимые документы и штатское платье.

Наконец вместе с Изгоевым, Иваном Лукашем и

группой других журналистов, она начала издавать небольшую, но очень боевую анти-большевистскую газету. Представители советской власти конфисковывали номера, закрывали типографии, но газета появлялась под другим назвонием и в другой типографии. То это была „ Борьба ", то „ Свобода ", то еще какое то название. Мама с присущей ей горячностью отдалась этой работе. Однако вышло всего только несколько номеров. Довольно быстро большевики разгромили все, и кочующую редакцию и типографии. Домашние настаивали, на том, что маме лучше не ночевать дома. Она сопротивлялась, но все же в конце концов согласилась. Началась ночная кочевая жизнь, которая продолжалась до марта 1918 года, когда мам с Гар. Вас. и с Соней покинули Россию. Мама не всегда ночевала вне дома, а только в те дни, или в тот ряд дней, когда Гар. Вас. казалось, что угроза ее ареста растет, или когда друзья советовали не ночевать дома.

В середине декабря возник план поездки Гар. Вас. на Дон. При этом не было ясно останется ли он там, или съездит только посмотреть.

Мы всем семейством отправились в Москву. Нас сопровождала группа военной молодежи. У всех был замаскированно революционный вид. Офицеры превратились в солдат разболтанного вида, а гардемарин в матроса типа „ красы и гордости революции ". В Москве улицы были переполнены толпами праздношатающихся вооруженных солдат. Удивительно что при таком положении было сравнительно мало преступлений и можно было ходить по улицам. Все же мама и Гар. Вас. были довольны, что у них своя охрана, конечно вооруженная, спрятанными в карманах револьверами. Поселились мы все в маленькой квартирке старинной маминой приятельницы, которая уже уехала из Москвы. Кроватей для всех не хватало. Спали по походному на полу. Но все же не то на Рождество, не то под Новый Год. мама устроила великолепный ужин с гусем. Молодежь наслаждалась, стараясь забыть, что происходит кругом. Один из присут-

ствовавших погиб в бою в Добровольческой Армии через два с половиной месяца.

Я видел, как приятно было маме смотреть на молодые лица и она с удовольствием исполняла свои обязанности кухарки. Однако она занималась не только кухней, а все время встречалась с разными общественными деятелями.

27-го декабря (старого стила) 1917 года она сделала в Москве следующую запись в своей тетради :

„Уже неделю здесь. Дышется легче чем в Питере. Раны междуусобных боев точно уже затягиваются. Ходячая фраза москвичей — наши большевики гораздо мягче ваших. Не потому ли, что они здесь гораздо меньше захвачены немцами? Вчера была у Муравьева (известный московский адвокат). Это собрание бывших людей. Муж Кусковой — Прокопович — бродит с видом рассеянного юноши, сочиняющего стихи. А ведь он, если логически не признавать большевиков, есть законный глава законного правительства. У меня кипела горечь против Муравьева и Малянтовича (тоже адвокат). Ведь это их сантиментальность или трусость дала возможность большевикам развернуться (они были умеренные социалисты). Оба серые. У Малянтовича ничтожное пухлое лицо. Тон задавала Кускова и мы трое кадетов — я, Новогородцев и Котляревский (два очень известные московские профессора, юристы). Новогородцев и Котляревский обходительно, по московски, их охаживали (т.е. всех, кто левее кадетов). Поставили вопрос о мире с немцами. К счастью все присутствовавшие признали, что никакие, даже самые осторожные переговоры с немцами недопустимы. Но союзников экономически побаиваются. Медленны мы. Вот уж два месяца, как немцы с большевиками сговариваются. А мы только еще начинаем между собой соображать, как мы то сами к этому относимся. Ведь нельзя же ехать на одном полном отрицании. Живем в безвластье и бездумье. Перестали понимать, да и стараемся мало . . . Новогородцев умен, тонок, лукав, кокетлив, избалован. Сегодня в Ц.К. (кадетской партии), очень ловко изложил свою точку зрения на мир, причем половину фактов, а

частью и обобщений взял от меня, и ласково посматривал в мою сторону.

„ Вчера была у Гершензона. Чуть не поссорилась. Он нагнал на меня тоску нескладными, не жизненными рассуждениями, о том, что большевизм есть выпрямление народной души. Я рассердилась и заявила, что если это воля на зло, то я просто не желаю ей подчиняться. Спасибо Шестову пришел. Тот от жизни, ярче и даровитее ”.

В конце концов Гар. Вас. не поехал на юг. Мама с ним и с Соней возвратилась в Петроград, а я с тремя приятелями благополучно добрался до Новочеркасска.

Следующие два с половиной месяца т.е. до середины марта мама ведет совершенно непривычную для себя жизнь. Ее родной город — Петроград — становится страшным городом призраком и вместе с ним ее жизнь также становится все более призрачной. Советская власть закрывает Городскую Думу.

После выборов в Учредительное Собрание прекращаются все публичные собрания. Мамин жизненный темп тоже нарушен. При этом над ней все время висит угроза ареста. Она очень не любит ночевать не дома, но Гар. Вас. настойчиво настаивает на этом. Появляется тревога за меня. С юга конечно никаких вестей, известно только, что там где то белые ведут бои с красными. Хорошо еще, что из Вергежи доходят спокойные вести. Ее мать живет с двумя сыновьями и двумя дочерьми. Хозяйство разорено, все отобрали, впрочем, оставив двух или трех коров. Советская власть еще позволяет Гар. Вас. посылать телеграммы в Лондон, он еще занят своей привычной работой. Реакция Сони на окружающие события очень простая — она много спит и тем спасается от ненавистной для нее революции, развалившей армию, с которой она так сжилась и которую так любила.

Мама чувствует себя оскорбленной, беспомощной, почти раздавленной. Сохранилось несколько ее записей относящихся к этому времени. 5/18-го января 1918 г. в тот единственный день, когда заседало Учредительное Собрание она писала :

„ День Учредительного Собрания, тягостный, душный день. Не хочется никуда идти и не потому что стреляют, а потому что не понять, в кого, кто и почему стреляет.

„ Вчера все говорили, что будет борьба. Зачем? Ведь большевики разрешили открытие, значит эс-эрам некуда прорываться. Или они хотят их свергнуть? Но ведь для этого нужна военная подготовка и организация, сомневаюсь, чтобы она была у эс-эров. Они раскисли, теряют почву, в своих декларациях повторяют большевиков. Кому из них хотеть победы? Меня тошнит от политики. Я презираю социалистов и вижу бессилие, ошибки, неподвижность своих друзей. Россия должна выдвинуть какие то совсем новые силы, или погибнуть. Или нет уже ей спасения? Ведь глубоко, глубоко вошел яд безвластия, безгосударственности и самочинности. Чем его вытравить и можно ли? Хочу думать только о Пушкине. Если Россия возродится — он ей нужен. Если нет — пусть книга о нем будет могильным памятником, пусть она говорит о том какие возможности были в русской культуре, что похоронили „ товарищи ".

В те времена мама еще не говорила нам о своих планах писать книгу о Пушкине, но когда я был в декабре 1917 года вместе с ней в Москве, то она ходила в Румянцевский музей и читала пушкинские рукописи. Возвращаясь к нам, она рассказывала как ее успокаивает чтение этих рукописей.

В день созыва Учредительного Собрания, в Мариненской больнице ворвавшиеся матросы зверским образом убили лежавших там в качестве больных, видных политических деятелей проф. Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. Кокошкин был москвич. Мама знала его только по политическим собраниям и очень ценила его. Андрей Иванович Шингарев начал свою жизненную карьеру земским врачем в Воронежской губернии. Он был избран от кадетской партии в Государственную Думу, переехал в Петроград и в четвертую Думу он был избран уже от города Петрограда. В Думе он стал специалистом по го-

сударственным финансам и всегда произносил обстоятельные речи по бюджетным вопросам. Он и его жена подружились с мамой и Гар. Вас. и часто бывали у нас. Шингарев был спокойным вдумчивым человеком, никогда не высказывавшим никаких крайних взглядов. Публичные речи он произносил без всякой аффектации, но говорил очень убедительно. Во время революции он проявил полное бесстрашие, когда выступал на большевистских митингах. Помню, как мне было жутко сидеть с ним рядом на трибуне, в зале набитом яростно настренными против него матросами, причем выход из помещения был через эту матросскую толпу. Шингарев спокойно отвечал на все бессмысленные вопросы и реплики матросов.

„ Они ничего не посмеют с нами сделать ", — тихо сказал он мне.

Убийство Кокошкина и Шингарева на всех произвело исключительно тяжелое впечатление. Весть о нем прокатилась по всей России. Всюду служили панихиды. Я присутствовал на панихиде в Новочеркасском Соборе. Было много генералов, во главе с атаманом Калединым. Почему то поминали также Виктора Чернова, сведения об убийстве которого также были получены в Новочеркасске. Русские белые воины молились за упокой души одного из самых больших своих врагов.

Разгон Учредительного Собрания и убийство Кокошкина и Шингарева в значительной степени явились переломным моментом в деятельности политических партий и может быть особенно Кадетской партии. До этого все было сосредоточено на предстоящем открытии Учредительного Собрания. В той или другой степени в него верили все, одни больше другие меньше, но считали, что оно решительно изменит обстановку. В партийных комитетах обсуждали предстоящие выступления его членов, составляли заявления и декларации, уточняли партийные позиции как во внутренней, так и во внешней политике. Конечно в вопросах внешней политики главное было отношение к немцам — с ними или с союзниками ? У кадетов, вероятно за исключением Нольде и Аджемова,

все стояли за верность союзникам. Только уже позже, в апреле или в начале мая Милюков, попавший в Киев, изменил эту позицию и высказался за установление отношений с немцами.

С разгоном Учредительного Собрания деятельность Центрального Комитета Кадетской Партии фактически прекратилась, потеряв всякий смысл. Все понимали, что надо было уезжать — пробираться туда где нет большевиков или же уходить в подполье. Почти все видные кадеты так и сделали, только немногие постарались превратиться просто в обывателей, надеясь тихонько отсидеться в своих углах. Их надежды конечно не оправдались, позже они были или расстреляны, или же погибли в советских лагерях. Может быть единственный видный кадет, через несколько десятилетий умерший в Москве своей смертью, был старый друг мамы князь Дмитрий Иванович Шаховской. Кадетские лидеры пробирались на Юг, на Север и в Сибирь, некоторые из них погибли, но большинство выехало заграницу. В числе них было не мало членов Государственной Думы всех созывов. Уходили они в подполье с целью вести работу против большевиков.

Убийство Кокошкина и Шингарева, совершенное матросами, но можно предположить, что по поощрению советских властей, тоже явилось переломным моментом для широких кругов русского общества. Советская власть уже существовала более двух месяцев, сознание беззащитности все больше и больше укреплялось в русских людях. Со всех сторон поступали сведения о насилиях, актах беззакония, убийствах. Чека, основанная в декабре, раздувала свое страшное дело хотя еще и не приступили к массовому террору. Обыватель не только видел, но все острее и острее чувствовал на себе страшную советскую лапу. С продовольствием становилось все труднее и труднее. В Петрограде наступал голод.

В мамином доме голода еще не чувствовалось — приходили кое какие продукты из Вергежи, Английское

Посольство также раздавало продукты оставшимся в Петрограде англичанам.

Однако многим еще казалось, что все постепенно войдет в колею. И вдруг в больницу выраеться шайка преступников и убивает на кроватях больных. Даже те, кто упорно не хотел понимать, что с захватом власти большевиками произошло нечто необычайное и ужасное, теперь это поняли.

Мама была потрясена убийством Кокошкина и Шингарева, пожалуй больше, чем разгоном Учредительного Собрания. У нее все больше и больше крепла уверенность, что сидя в Петрограде ничего нельзя сделать Она снова едет в Москву в поисках каких то центров сопротивления советской власти. Но и в Москве она ничего не находит и в мрачном настроении возвращается в опустевший, затихший и полуголодный Петроград.

Сохранившиеся ее короткие записи сделанные в Москве и в Петрограде в январе и в феврале настолько мрачны, что совершенно не похожи на нее. Привожу из них выдержки :

„Москва 27-го января 1918 г. Опять здесь. Уже неделю. И опять немного распрямилась. Убийство Шингарева и Кокошнина ! Уже сколько раз эти слова прочитаны, слышаны и сказаны и каждый раз их точно выталкивает и себя душа. Мертвыми я увидела их только в гробу в Лавре ... Передо мной они открылись в последнем великолепном обряде. Их лица, особенно Кокошкина, были спокойны. Говорят во время бальзамирования их как бы скрасили. Длинная обедня. Пели хорошо, как умеют петь в Лавре. Чем дольше я стояла, чем дольше смотрела на знакомые черты, тем становилось на душе тише. Это не были мысли, не разум вел меня по острым, кровью залитым русским дорогам. Ни оправдания их гибели, ни трагического утешения, что жертвой спасется родина, никаких других, логикой подсказанных расчетов, не давал мне рассудок. И даже про них не думала я — так тяжко кругом, что блаженны

ушедшие. Не пряталась я ни за какие самоутешения. Но помимо меня, помимо моей воли волна спокойствия шла от них мертвых ко мне, живой. И хотелось чтобы дольше пел хор, чтобы дольше священник провозглашал слова молитвы. В этих двух гробах прикрытых одинаковыми большими глазетовыми покрывалами, с немногими белыми цветами, разбросанными около лиц, было какое то важное спокойствие. Холодом наполнила нас их смерть, то кого убили и как. А вот теперь от них шло на меня такое явное, такое физическое ощущение преодоления смерти. Не могу объяснить почему и как, но после этого отпевания, мне стало менее страшно жить. Только оставаться в Петрограде не могу, там живешь как в дурманном сне : Люди, разговоры, улицы, фонари, все кажется призрачным. И тоска сосет, как в бреду. В редакции „ Речи " они говорили „ Вы не знаете какое нам надо делать усилие над собой чтобы работать ". А в глазах тоска и тоска. Это уж не обычная поденная газетчина, а точно послушание. Противно бороться словами, когда уже все слова сказаны. А за словами весит над ними угроза ежеминутной расправы. Пришел номер южной газеты с документами о Ленине. „ Мы не можем этого напечатать, Матросы прийдут и размозжат головы и нам и наборщикам ". Голод и к журналистам забирается.

Философов сидел как всегда элегантный, как будто даже чванный и вдруг сказал : „ Мне больше всего хочется спать и есть. Всегда хочется ". И все откликнулись ". Да, да и я голоден, еще бы не голоден ". Утомительно, что всюду говорят об еде и конечно думают. Иначе нельзя. Но как это понижает сознание. Теперь мы все можем себе представить сколько места занимают в мозгу огромного большинства людей мысли об еде. И так было из поколения в поколение . . . Здесь (в Москве) как будто начинается уплотнение среди туманности. Несколько отдельных центров. Но крутятся около одного солнца — возрождения России. Справа и слева идет. А внизу кипит, загорается гневом православная душа. В недобрый для себя час пошли большевики на церковь...... ".

„ 5-го февраля.

„ Опять Петербург. Покрутились мы над Москвой и довольно.... Очень трудно в эти дни и жутко. Где нибудь стать в церкви и помолиться по настоящему изнутри..... ".

" 7-го февраля.

Немцы идут (немецкое командование объявило, что начнет продвижение вглубь России, если большевики не подпишут мирный договор). Вероятно возьмут Петербург. Многое возьмут.

" Ну что ж ? Оцепенение уже поползло. Хуже, многие нетерпеливо их ждут и в низах и среди образованных классов . . . Застыли мысли. Неужели и впереди рабство и рабство . . . ".

9-го февраля.

„ На улицах митинги, летучие, маленькие и сердитые, сплошная брань против большевиков ". (Большевики начали организовывать митинги, призывая к обороне страны, в случае если немцы начнут наступать).

„ Ну да пойдем мы драться, нашли дураков ", — это голос солдата. — На Выборгской стороне, где нельзя было слова сказать против них (большевиков), теперь тоже самое...... ".

„ Город как призрак. Туманно, смутно. Люди копашатся. А надо всем точно черные крылья...... ".

„ Неужели немцы должны освободить и устроить Россию ?

" Гадость и мерзость... Хорошо еще, что тупость похожая на сон наползла. Так вероятно чувствуют себя люди когда замерзают.

" 11-го февраля.

" Хватаешься за одно. Потом за другое. Все валится из рук.

" И стыдно и стыдно. Точно все мы предатели и рабы.

" Третьего дня вечером были около вокзала. Подъезжали возы с вещами. За ними шли матросы. Распродали все на судах. Теперь домой. И солдаты валили валом.

Красногвардейцы устроили в дверях заставу, не пускали безбилетных. Все равно все поезда полны солдатами.

" Шурка сегодня рассказывает : Брат убежал из Двинска. Он в автомобильной роте. Немцы бросали с аэроплана бумажки, что через полчаса прийдут. Ну все и побежали. ·

" Нет, какой там. Все бросили. Только брат все жалел, что белого хлеба не взял, у них там страсть сколько было.

" И смеется. Вот и все их отечество. Я не выдержала:

" — Свиньи вы ".

" Ну а Чхеидзе, Соколов и все они, первые деморализаторы армии, разве они не свиньи. Гораздо худшие.

„ Лезет черное, черное со всех сторон ".

Мама, Гар. Вас. и Соня уехали из Россию в Англию через Мурманск в первой половине марта 1918 года. Уезжали, как английские подданные. На то что у Сони не было английского подданства никто не обратил внимания. Она выезжала, как член семьи Гар. Вас.. Фактически у нее не было никакого паспорта.

Маме из России уезжать очень не хотелось. Не хотелось оставлять в Вергеже свою мать. Была тревога за меня, так как никаких вестей от меня со время отъезда из Москвы на юг не было.

Кроме того у мамы было чувство, что точно она убегает с поля битвы. Но с другой стороны она хорошо понимала, что в Петрограде уже ничего не может сделать, а там, в неизвестной ей Англии, казалось, что будет работа.

По тогдашним обстоятельстам уезжали они спокойно и даже комфортабельно. Все что было нужно с собой взяли. Но маминого внимания хватило только на то, что нужно было с собой взять для общественно-политической работы. Так например, она попросила редакцию „ Речи " приготовить ей комплект газеты за 1917 и 1918 годы. Судя по этому она уже тогда обдумывала книгу о русской революции. Но с другой стороны она оставила

очень интересный личный архив. О вещах она совершенно не думала и когда в конце года перед бегством заграницу я проезжал через нашу квартиру, то нашел в столах разные золотые вещи. Но я их тоже не взял, потому что уходил в Финляндию пешком, а не уезжал в спокойном вагоне.

В маминой тетради 11-го марта 1918 года короткая запись :

„ Где то верстах за 180 от Мурманска. Застряли в снегу. Солнце светит. Кругом жидкий лес. Вдали высокие холмы, почти как горы. Пока были люди и были разговоры, всюду одно — хоть бы англичане пришли. Так я слышала от Лодейного Поля до Полярного Круга. Опять ждем варягов ".

Мама, Гар. Вас. и Соня ехали из Мурманска в Англлию на странном пароходе. Бывший немецкий пароход шел под португальским флагом, капитан был англичанин, но, зафрахтован пароход был французами. Его команда состояла главным образом из китайцев.

Следующие записи от 30-го-марта и 1-го апреля сделанные мамой во время погрузки показывают в каком мрачном настроении она уезжала из России :

„ Мурманск 30-го марта 1918 г. Еще в вагоне.

" Черная площадь. Низкое темное небо. Император на коне. Туман. Тоска. Тра-та-та. Желтые чемоданы и мешки с провизией. Холод и темнота вагона. Длинный, длинный путь. Мелкают дни и ночи. Нет ни вчера ни сегодня. Пустыня (а если вся жизнь пустыня ?). Мрачный проводник. Куда, зачем ? Стучат, стучат колеса. Бьются олени в упряжке. Женщина в полушубке. Елки, елки, озера ".

„ Утро, залив, холмы. Не понять где земля, где вода, откуда приехали, куда едем. Унылая беспомощность вагона. Холодно. Непонятно. Мелькают офицеры. Чужая речь Кто то за кого то цепляется. Каюты как гробы. Ящики. Тюрьма. Как выдержать ? "

„ За черно — белой линией гор желтый закат, медлительный и неяркий. Шуршат льдины, поднятые прили-

вом, настойчиво и бездушно. Плывут. Между ними темные просветы воды. Холодно. Жутко. Притягивает. Там на севере темно лиловые облака, далекие, подстерегающие. Острая тоска, как иголка. Страх. Предчувствие? Малодушие? Страшно в холодной воде. Из окошка смотрит пара глаз молодых, светло — серых, мечтательных или сумасшедших? Странное лицо, спокойное как у приговоренного к смерти. Герой? пацифист? фантазер или преступник? (это был немец отказавшийся от воинской повинности). У него резкий профиль как у римлянина на монетах, тонкие губы, всегда готовые улыбаться. А глаза холодные, честолюбивые."

„В курительной тихо, вливаются английские офицеры. Широкие пальто, подпоясанные. Как не похожи на французов."

„Человек это хорошо, но когда люди кишат, это худо. Женщины, дети, офицеры, солдаты, матросы. Все сбиты с толку потому что большинство не на своем месте. Трюм. Неловко, точно они голодают и холодают чтобы нам было тепло и сытно."

„1-го апреля.

„Первый день. Туманно. Пустой пароход. Китайцы бесшумные и загадочные. Дети, обезьяны. Английские офицеры. Две дамы. Вертлявый, тонкий со стеком. Лестницы, коридоры, Пусто. Лакей конфузливо приносит лоток с кормом."

„Второй день. Погрузка. Француженки с трескотней. Замороженные итальянчики. Французкие офицеры требуют, суетятся. За кулисами, не то по радно, — по воздуху не то между каютой адмирала и спальным вагоном генерала решается судьба измученной, ошалелой толпы беженцев. Маленькая перемена в курсе и немцы могут утопить, или не утопить. Переехали в первый (класс). Долго ходили, шептались, молча конфузливо отворачиваясь. Потом нас устроили."

„Третий день и четвертый. Мы в первом, они внизу, в грязи, холоде, голоде. Новые лица в первом классе. Классовая злоба. Почему тот, почему этот. Сплетни,

Подглядывают, подслушивают, врут. Внизу как то обживаются, находят друзей. Ссорятся . . ."

„Пасха. Утром в столовой английская служба. Ходил человек в английской офицерской форме, только воротничек застегнут задом наперед. Оказался священник. Надел белую рясу с черно-красным шарфом Все пели. О Боге, о смерти. А рядом воины, их снова ждет смертная тоска войны. Как крылья невидимых духов реет опасность. Где ? Когда ? "

С таким настроением пустились в плавание. Переход был долгий, мучительный. Пришлось идти далеко на север, так как были получены сведения о появлении немецких подводных лодках. Плыли неделю. Мама почти все время лежала на палубе, часто в бессознательном состоянии. В Ньюкастель она приехала совсем разбитая, еле стояла на ногах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРИЕЗД В ЛОНДОН

Мама и Гар. Вас. совершенно не знали на что они ехали в Лондон. Они были выкинуты событиями из России, но считали, что это только временный отъезд, только один из этапов борьбы, которую необходимо продолжать. У них всех троих было твердое убеждение, что большевизм это мировое зло, угроза для всего мира, что об этой опасности необходимо все время говорить и предостерегать, что с ней прежде всего необходимо справиться в России. Они были убеждены, что необходимо уговорить союзников в оказании активной помощи тем силам, которые борятся против советского режима.

Но кто будет слушать их призывы ? Кто их знает ? Там, в России, их знали и было очень просто. А теперь в неизвестной стране ? Помимо всего мама и Соня плохо знали английский. Дома у нас всегда говорили по русски. Нам было бы странно заговорить с Гар. Вас. по английски.

С такими мыслями и чувствами, после недели свирепой морской болезни, мама сошла с парохода в Нью-кастле.

Но когда английский иммиграционный чиновник раскрыл паспорт Гар. Вас., то на его лице сразу появилась улыбка.

— Вы доктор Гарольд Вильямс ? — с несвойственной этой категории людей приветливостью, спросил он, —

„мы всегда читали ваши телеграммы. Теперь вы нам раскажете подробно всю правду о России”.

В „Дэйли Кроникл” телеграммы помещались за подписями их авторов и Гар. Вас. не подозревал, что его имя уже было хорошо известно в Англии. Во время войны „Дэйли Кроникл” считался влиятельной газетой, так как ее редактор Роберт Дональд был связан дружескими отношениями с премьер министром Ллойд Джоржем.

Гар. Вас. был исключительно скромный человек и всегда старался преуменьшать свое значение. До своего приезда в Англию он не отдавал себе отчета, или не хотел отдавать, в том, что его считают в Англии одним из самых больших знатоков России, каким несомненно он и был.

Война еще продолжалась. Англия, Франция и Америка старались до конца понять, что же происходит в России, что такое большевизм? И вдруг появился оттуда один из самых больших экспертов, да еще с женой, занимавшей видное положение в главной (других собственно и не было) несоциалистической партии. Правда в глазах одних англичан это ослабляло позицию Гар. Вас. Другие же наоборот считали, что жена, русская политическая деятельница, придает ему еще больший вес.

Не успели они ввалиться в гостинницу в Лондоне, не успела мама придти в себя от семидневной качки, как жизнь их закрутила.

Трудность даже была не в том, что мама не успела придти в себя после морской болезни, а в том, что перемена для них всех троих была слишком большим шоком и каждый из них по своему не мог до конца понять, где настоящая реальность, в чинной и, хотя и потрепанной войной Англии, или там, в России, где, как говорил Гар. Вас. открылось то, что людям не следует видеть. И не легко было им примениться к этой перемене. Мы все, в тот или иной период выравшиеся из под советской власти, испытали то же самое.

Гар. Вас. сразу же пришлось вести очень ответствен-

ные, разговоры и выступать публично, устно или письменно.

Одним из первых завтраков, на который они были приглашены за город был завтрак у редактора „Дэйли Кроникл" Роберта Дональда. А после этого завтрака хозяин провел их к чаю в дом первого министра Англии Ллойд Джоржа.

Мама часто потом рассказывала со смехом об этом чае у Ллойд Джоржа, а Гар. Вас. только улыбался своей мягкой улыбкой.

Первый министр настойчиво пытался убедить Гар. Вас. в том, что следует сговориться с Троцким, который по его мнению, в настоящее время является единственным государственным человеком в России.

Гар. Вас. по этому поводу заметил Ллойд Джоржу :

— Не знаю какой Троцкий государственный деятель, но он враг Англии.

— Откуда вы это знаете ? — быстро спросил Ллойд Джорж.

— От самого Троцкого. Он мне об этом сообщил, — спокойно ответил Гар. Вас.

Во время этого разговора мама и Соня молчаливо выражали свое неудовольствие тем, что Ллойд Джорж, говорил о Троцком. Он это заметил и увел Гар. Вас. для разговоров в другую комнату.

Посещение премьер министра было только одним из первых визитов мамы и Гар. Вас. к разным видным англичанам. Авторитет Гар. Вас. в русском вопросе был тогда настолько высок, что на одну из его статей непосредственно отозвался президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон. Он как то сказал „Я поддерживаю Россию, так же как поддерживаю Францию". В ответ на это 21-го мая 1918 года Гар. Вас. поместил в „Дэйли Кроникл" статью, в которой писал, что президент Вильсон должен поддержать идею интервенции и таким заявлением он ей оказывает помощь. На следующий день или через два дня в редакцию „Дэйли Кроникл" пришла телеграмма от Государственного Секретаря Со-

единенных Штатов, который от имени Президента спрашивал почему Гарольд Вильямс считает, что выражение „поддерживаю Россию” **(I stand by Russia)** означает одобрение интервенции ?

Гар. Вас. в тот период много писал в „Дэйли Кроникл” и в разных политических журналах, может быть больше всего в еженедельнике „ Нью Юроп ” (Новая Европа). Он настойчиво отстаивал свою точку зрения о необходимости военной помощи тем русским силам, которые борятся против советской власти.

Мама, же в начале только приглядывалась к новой обстановке и нигде не писала и не выступала. Уже позже, осенью 1918 года, она стала регулярно писать о России в американской газете „ Кристиан Сайанс Монитор ”.

Ей не легко было свыкнуться с положением женщины в Англии. Она так привыкла в России к полному равенству в этом отношении. Ее удивляло и сбивало, что мужчины в Англии предпочитают обсуждать политические да и вообще деловые вопросы в отсутствии женщин. Для нее это явилось полной неожиданностью. Ей это было особенно странно после ее руководящей роли в Петроградской Городской Думе, куда она была выбрана как мужчинами, так и женщинами.

Как только мама пришла в себя и начала осваиваться английской жизнью она засела за писание книги о первом годе русской революции. Она конечно была в счастливом положении потому что редактором ее английского текста был Гар. Вас. Весной 1919 года книга вышла в издательстве Макмиллана под названием „ От Свободы к Брест Литовску ” **(From Liberty to Brest Litovsk)**. Вероятно это была первая документальная книга о русской революции, вышедшая в Англии. Она является обвинительным актом революционной демократии, доведшей Россию до большевиков.

Не только как историк, но как непосредственный свидетель событий первого года революции, в своей книге мама рассказывает, как представители революционной демократии, своим бездействием, а иногда и прямым по-

пустительством и поощрением помогли большевикам захватить власть и заключить позорный брест-литовский мир.

Вторым эпиграфом к своей книге, она поставила следующую фразу из речи ген. Алексеева, произнесенной на съезде офицеров в Ставке в мае 1917 года : „Слово братство начертали вы на своих знаменах, но вы не вписали его в ваши сердца и мысли ". (Цитирую по английскому тексту.)

В предисловии к этой книге мама писала :

„В этой книге я пыталась разъяснить насколько я могла развитие основных идей социалистических партий в русской революции и отражение их на жизни масс. Революция очень сложная вещь, особенно в такой огромной стране как Россия с большим и разнообразным населением... Я пыталась быть объективной, поскольку может быть объективным человек, пищущий о страданиях, конвульсиях, а часто об унижениях своего народа. Эти унижения были так велики и так страшны, в такой уголовной форме проявилась в русских массах жестокость, скрытая в каждом человеке, что во время моей работы, я неоднократно останавливалась так как на меня нападало сомнение, должна ли я продолжать ее ".

„Но я снова бралась за перо потому что мне казалось, что страшный урок имеет значение не только для нас. Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий. Я знаю, что лучшие из них искренне хотели дать счастье трудящимся массам. Их побуждали к действиям догматические иллюзии Интернационала и они забывали, что человек является самым неизвестным, наиболее плохо изученным из всех существ на земле и что психология отдельных людей и еще больше масс развивается неисследованными путями и направляется силами, которые не поддаются ясному пониманию. И по этим соображениям, как бы ни была горька правда о Русской Революции, я чувствовала, что у нас должно хватить мужества сказать правду ".

„Я верю, что трагические уроки неизвестной, далеко

лежащей страны и безумие преступных социалистических экспериментов крайних группировок могут послужить суровым предупреждением для других народов. Они могут помочь тем, кто борется за лучшее будущее человечества и за более достойные условия жизни. Стоит только прочесть внимательно залитые кровью страницы о Русской Революции. Если они поймут наши ошибки, наши заблуждения и наши преступления и если, избегая их, они найдут другие пути, более верные и менее жестокие, тогда мы, русские, будем иметь хотя бы то утешение, что неимоверные страдания России оказались исторической жертвой принесенной во имя лучшего будущего всего человечества. Кто знает, может быть путь правды всегда проходит через страдания, которые очищают и облагораживают ".

Когда я наконец добрался до Лондона в январе 1919 года то застал привычную для меня картину — мама сидела днем за своим столом и, наклонив голову, писала своим четким и некрупным почерком, иногда заглядывая в лежащий рядом с ней комплект „ Речи ".

— Ты думаешь мне легко снова переживать все это кровавое безумие, — как то сказала она мне.

В Лондоне мама попала не только в совершенно незнакомую для нее английскую обстановку, но и среди русских она никого не знала. Однако с присущим ей умением устанавливать отношения с людьми, она быстро стала знакомиться, как с англичанами, так и с русскими и скоро ее меблированная квартира стала превращаться в русский центр, где обсуждались все животрепещущие вопросы.

Сохранилась ее тетрадке с записями, относящимися к этому времени. Мне представляется, что они настолько интересны и существенны в историческом отношении, что я привожу некоторые выдержки из них :

19-го мая 1918 г.

„ Мы как будто понемного сдвигаемся с мертвой точки. Когда приехали, высшие английские сферы были почти готовы признать большевиков. Аргументы Ллойд

Джоржа : Троцкий первый сильный человек в России. Он хочет организовать армию против Германии. Другого правительства нет. С кем же иметь дело ? "

„ Военное Министерство было против большевиков и за вмешательство. Министерство Иностранных Дел за них и против вмешательства... Теперь происходит какой то сдвиг. „ Морнинг Пост ", „ Дэйли Кроникл ", „ Обсервер ", все за вмешательство. В „ Нью Юроп " определенная наконец статья против большевиков. Повидимому в заседании Военного Кабинета, где на прошлой недели два часа говорили о России, что то решено и ген. Пуль, уехавший в Россию в пятницу получил определенные директивы. В пятницу (17-го мая) основался в министерстве пропаганды небольшой комитет для общих действий в русской политике.

Гар. Вас., Волпол, Нокс, Питерс (Хор), Липпер, Пэрс. Бьюкенена зовут председателем. Программа та же — вмешательство для борьбы с немцами и большевиками...... " (**Walpole** — писатель находившийся во время войны в России, **General Knox** — Военный агент в России, **Peters,** чиновник, знающий Россию, **Sir Samuel Hoare,** впоследствие **Lord Templewood,** бывший во время войны в России, член Палаты Общин, впоследствие министр, **Lippert** чиновник министерства иностранных дел, **Sir Bernard Pears** профессор, специалист по России, **Sir George Buhanan** бывщий британский посол в Петрограде).

„ Маклаков едет со Стаховичем сюда чтобы сговориться об общей тактике. Надо найти способ повлиять на Вильсона. Он против вмешательства, т.к. не видит, как это можно сделать, не опираясь на русское общественное мнение. Значит мы должны создать такие точки опоры. Может быть послать ему заявление ? Затем надо создать здесь при Набокове (Константин Набоков поверенный в делах Российского Посольства) маленький комитет (Шкловский, Нордман, я, может быть Гавронский). Установить связь с Россией, выработать общий план, вроде платформы, на случай если ее англичане потребуют. Последний пункт для меня очень спорный. Это ско-

рее дело тех, кто в России. Они видят какие возможности и необходимости выдвигает жизнь.

„ Я считаю потерянным тот день когда я ничего не сделаю для России. Хотя бы шаг, хотя бы слово, новое знакомство, лишнее повторение задач и мыслей. Там в плену моя мать, как же могу я не собирать силы, чтобы освободить ее. Как могу я не думать днем и ночью только об этом ".

4-го июня.

" ....Вечером у меня Шкловский, Нордман, Гавронский, Ону, Кедров, Шварц, Трофимов, Окулич и неожиданно адмирал Вердеревский. Наконец договорились, что будет составлено от нас мотивированное заявление Вильсону, где мы изложим наш взгляд на союзников и Россию. Я рада, что наконец раздастся хоть какой нибудь русский голос из Англии.

„ Вчера обедали муж и жена Линдлей (английский поверенный в делах в России во время войны) и Набоков. Несчастный Линдлей не смелый, неумный, повидимому не особено честолюбивый, которого гонят в Россию без плана. Никак не могу понять действительно ли англичане такие плохие организаторы, или это они в русских делах путаются. Сегодня Нокс пишет, что его кажется посылают в Америку, куда он не хочет ехать, а в Россию, которую он знает и где его знают, не хотят послать.

" Литвинов сказал Липперу, что Гар. Вас. самый большой враг России.

" — Вы хотите сказать большевиков ?

" — Это все равно. "

9-го июня :

" Сейчас только что ушел от нас Керенский. Я старалась не скрывать, а сдерживать все горькое волнение связанное с ним. Мы обязаны смотреть через все головы, чтобы видеть только одно лицо — лицо России.

„ Он приезжал с поручением от объединенной группы, где есть с.р., нар. соц., меньшевики и к.д. Они все за интервенцию. С.р. выносят уж резолюцию, что национальная задача выше классовой борьбы.

„ Приезд Керенского пока держится в тайне, но многие о нем уже знают и колония волнуется. Справа считают, что это одна путаница, с.р. радуются, Набоков прибежал ко мне со страхом, что Керенский хочет объявить себя Временным Правительством. Стахович спокойно говорит — глупости. И конечно прав. Но Стахович боится, что Керенский будет путать. И это конечно опасно.

” Сегодня у меня в доме люди с одиннадцати утра до одиннадцати вечера. С утра я едва успела переписать письмо для нашего воззвания Вильсону. В половине первого ушел Стахович. Через пять минут пришли Керенский, Гавронский, Фабрикант, сидели до половины четвертого. Слушала о России и опять боль, тоска, стыд и элоба . . .

„ Пришли Набоков, Нордман, опять Стахович. Позже Айсетт-новозеландка, приятельница юности Гар. Вас. И вот теперь одиннадцать. Я выжата как лимон, а статью не написала.

„ Сегодня Гар. Вас. говорил речь на банкете Русско — Британского клуба. Керенский сказал, что его телеграммы были единственным противовесом агентским телеграммам, которые передавали только статьи за большевиков и тем усиливали германофильство.

„ Адрес Вильсону есть всетаки дело. Но русскую организацию создавать эдесь не хочу. Пусть другие возятся ”.

27-го июня

” За этот месяц мало сделали. Я написала несколько статей. Были у Уеллсов (романист) 6-го и 7-го. Я побранилась с ним из за России. Он был против интервенции. Нельзя вмешиваться в чужые дела. Кто зовет ? А если снаряды опять перевезут на этот фронт. Россия в состоянии мира с Германией. Я сказала — конечно и без вас справимся, но какой ценой. А на утро известие об убийстве Мирбаха. Во всяком случае теперь интервенция решена ”.

2-го августа

„ В минувшую среду (24-го) был у нас Александр

Варени, французский депутат, социалист, оборонец. Он просил дать ему аргументы против большевиков и за интервенцию. Я позвала русских, Липпера, Сеттон Ватсона (писатель специалист по народам Восточной Европы) и мы два раза беседовали. Главная трудность конечно в том, что не признавая большевистского правительства, они не видят кого признать.

" Ну а если мы позовем членов Учредительного Собрания ", сказал Варенн. Мы высказались против. Оно выбрано среди террора. Дискредитировано. Территориально не представляет Россию. В нем много большевиков. Варенн кажется не был убежден. Он между прочим высказал опасение, что немцы поторопятся предложить мир пока в России нет правительства и что трудно будет справиться с пацифистами справа и слева. Полу — пацифистская резолюция на конгрессе социалистов в Париже показала, что это действительно трудно. Наши аргументы не помогли Варенну и их большинство превратилось в меньшинство. Говорят этому помогли деньги наших большевиков, положенные в Швейцарские банки на мировую революцию. Во время конгресса, левое крыло социалистов издавало в Париже шесть газет.

„ В Англии дела пацифистов хуже. Литвинов сказал Липперу, что он потерял всякую надежду да революцию здесь. Но всетаки забастовка на военных заводах, темная и не особено осмысленная, была конечно не без помощи большевиков.

„ Я видела Литвинова в клубе 17-го. Бритое лицо молодого еврейского адвоката, Сноуден (следующее английское имя не разборчиво), дамы декаденского вида, молодые люди, вроде наших горе поэтиков, вертелись там, любезно с ним болтали. В это утро было напечатано Чичеринское сообщение в Берлине, что они застрелили двести левых эс — эров. Это за одного немецкого графа столько своих вчерашних товарищей отдали. Никто из здешних левых снобов не потрудился спросить у Литвинова принимает ли он ответственность за эти расстрелы.

„ Сноуден (будущий английский министр в кабинете

Рабочей Партии) поздравил меня с тем, что Милюков в Берлине.

„Я очень резко сказала:

„Это не путь Милюкова, это путь Ленина, он уезжал в Россию с милостивого разрешения Вильгельма".

" Тогда Сноуден сказал: „Ну вот добились вашей интервенцией, Ваше правительство объявило войну Антанте".

„Что же тут нового, они всегда были в дружбе с немцами и во вражде с Антантой (т.е. большевики-А.Б.).

" Когда Гар. Вас. сказал мне " вот Литвинов " — я ушла из клуба. Стало противно.

„Вчера был у нас Керенский, рассказывал как он ругался с Клемансо, который заявил, что Россия нейтральная страна. Керенский считает, что во Франции тоже идет большевизм. Он этот раз произвел на меня более серьезное впечатление. А всетаки надо разобрать его историю с Корниловым. И потом ему было трудно скрыть от меня свое злорадство, что Милюков перешел к немцам.

„А я все еще не верю. Телеграмма Астрова (с юга России) к Маклакову говорит о том, что Милюков требует чтобы у нас были развязаны руки. Это не переход. Это страх, что союзники слишком дорого возьмут. Я хочу так понять.

„Во всяком случае московский центр еще держится и то слава Богу. Как хочется бросить все и ехать в Россию, увидеть всех своих, а главное Адю (меня)".

3-го августа

„Послала вчера Керенскому письмо где пишу, что нам лучше договориться о Корнилове. Написала, что считаю для России большой бедой, что Керенский в начале августа (1917 г) не договорился с Корниловым. Посмотрю ответит ли".

„Харпер (Harper) напечатал в „Кристиан Сайан Монитор" 6-го июля мое частное к нему письмо, где я в сущности обращаюсь к Вильсону. Я очень рада, что могла

прямо сказать свое мнение самому сильному в Антанте человеку*.

" 6-го августа „ Вчера был Холсти (впоследствии финский мин. иностр. дел), Набоков, Нордман. Долгие разговоры о Финляндии. Холсти признает что Германия несет рабство. Он хочет чтобы его родина избавилась от немцев, но к России не хочет. России боится. Главное чтобы Англия признала их независимость.

Архангельск освободился от большевиков ".

Осенью 1918 года Гар. Вас. был послан газетой в Швейцарию, узнать там, что делается в Германии и в странах оккупированных ею. Мама провожала его до Парижа. Они попали в Париж как раз в момент перемирия. Горько было смотреть маме на радость союзников. Она знала, что это еще не ее радость, что в России война продолжается. Она очень не любила разлучаться с Гар. Вас., но все же в Швейцарию не поехала, а возвратилась в Лондон для работы над книгой. Гар. Вас. вернулся в Лондон в конце ноября, а около 10-го декабря пришла от меня телеграмма из Финляндии, о том что я благополучно перешел границу.

23-го января 1919 года мама сделала следующую запись в своей тетради :

„ Вчера вечером из „ Дэйли Кроникл " прислали решение премьеров заставить русских, белых и красных,

---

*) Харпер в статье из Чикаго цитирует длинное письмо « одной видной политической деятельницы », не называя ее по имени. Автор этого письма резко осуждает тех, кто стоит за признание большевиков, как государственную власть в России. Он интересуется намерениями Президента Вильсона в этом отношении. Автор письма указывает, что тем, кто захотел бы отправиться в Россию для сговора с Троцким пришлось бы иметь дело только с преступниками, предателями и сумасшедшими. « Потому что на стороне большевиков находятся только люди таких квалификаций ». — добавляет он. Проф. Самуэл Харпер (Samuel Harper) — из старинной американской протестанской семьи. Специалист по России. Неоднократно приезжал в Россию и очень часто бывал у нас. Поскольку я помню, он составлял доклады президенту Вильсону о положении в России. Его библейское имя иногда приводило в смущение русскую полицию, принимавшую его за еврея. Но отец его, кажется ректор Чикагского Университета, дал всем своим детям библейские имена, так как был ученый гебраист.

собраться на Принкипо. Был Хор (Sir Samuel Hoare) с женой, смотрели на нас с недоумением Милюков молчал при них. Когда они ушли, он сказал : „ я всетаки не думал, что они такие идиоты ".

" Тоже самое говорят чиновники министерства иностранных дел. Они понимают, что это оскорбительно для России и не поможет союзникам. Тут есть несомненное желание отделаться от этой скучной всем опостылевшей России, но отделаться прилично, прикрывшись лицемерной маской дружбы и положением союзников.

" Очевидно мы можем расчитывать только на самих себя. Но что будут переживать в России те, кто обливаясь кровью, в муках пытаются создать действительно новую Россию и освободить ее прежде всего от большевиков. Здешние русские плохи. Я боюсь нашего парижского комитета., его слабости, неустойчивости, нерешительности.

" От союзников хочу только пушек, танков и денег. Моральной их опоры нам не нужно потому что морально мы выше их и это давно пора понять.

" Цимерн говорит, что более циничного документа (чем приглашение на Принкипо) давно не видела международная дипломатия ".

В январе или феврале 1919 года в Лондоне был создан Комитет Освобождения России, с которым мама прочно связала свою общественную деятельность в Лондоне приблизительно на следующие четыре или пять лет. По существу она была главной движущей силой этой организации. Началось с того, что друг нашей семьи и мамин политический единомышленник проф. М.И. Ростовцев убедил широкого русского дельца Н.Х. Денисова дать десять тысяч фунтов на организацию пропаганды русского дела. Позже Комитет Освобождения России стал получать деньги от правительства адм. Колчака, о финансовой поддержки от Вооруженных Сил Юга России шли разговоры. Комитет очень энергично защищал дело белой борьбы.

Но первая задача Комитета Освобождения России

была осведомление англичан о России вообще, о большевиках и о событиях происходивших в России.

Мама каждый день ходила в комитет, который помещался на Флит Стрит, т.е. в центре не только английских газет, но и корреспондентов всего мира. У Комитета был руководящий орган, в который входили мама, Гар. Вас., проф. Ростовцев, Петр Струве, П.Н. Милюков, Дионео — Шкловский, Денисова, жена Н.Х. Денисова, давшего деньги, а также несколько англичан интересовавшихся Россией. Начали с печатания бюллетеней, которые расслылались всем членам парламента и политическим деятелям. Затем начали печатать по английски брошюры по разным вопросам. Мама написала брошюру, озаглавленную „ Почему Россия голодает ? ", в которой она с большой ясностью показывала, что голод вызваи большевиками. Комитет также перепечатал отдельной брошюрой замечательную статью Гар. Вас. „ Дух Русской Революции ", появившуюся во влиятельном журнале „ Раунд Тэйбл ". Затем начали выпускать еженедельный журнал „ Нью Раша („ Новая Россия "). Сперва редактором этого журнала был весь Комитет, но позже его стал редактировать Милюков.

У Комитета была самая разнообразная деятельность. По соглашению с военными властями в Архангельске, Комитет Освобождения России начал печатать в Лондоне небольшую газету для войск северного фронта. Но эта затея довольно быстро окончилась ввиду технических трудностей. Уже весной 1919 года установилась связь с правительством адм. Колчака и телеграфное агенство из Сибири начало присылать в Комитет сведения для передачи в английскую печать. Вообще снабжение английской печати сведениями о России была одной из главных задач комитета. Может быть больше всего удалось Комитету поместить в английских специальных журналах ряд моих экономических статей, которые показывали, как большевики разрушают все к чему они прикасаются. У Комитета был штат журналистов и переводчиков, но мама хорошо понимала, что даже располагая

аппаратом, не легко пробиваться в английскую печать. Но как всегда жизненные трудности ее не останавливали, а наоборот придавали ей энергии и увеличивали ее упорство.

Как только она кончила свою книгу („ От Свободы к Брест Литовску ") то сосредоточила всю свою энергию на работе в Комитете. Само собой разуместся за эту работу она ничего не получала.

Весной 1919 года английская помощь Вооруженным Силам Юга России приняла более определенные формы. Генералу Деникину шло английское снабжение, у него появились английские танки. На Юг России была послана постоянная английская военная миссия во главе с ген. Холманом. Он располагал более широкими полномочиями, чем обычный военный представитель при союзнической армии. Ввиду всего этого две английские газеты „ Таймс " и „ Дэйли Кроникл " решили послать Гар. Вас. своим корреспондентом на Юг России.

Думаю, что Гар. Вас уехал в мае. Было решено, что мы все трое, т.е. мама, Соня и я поедем за ним следом. Мы все четверо были уверены что это будет наше окончательное возвращение в Россию. Никто не сомневался, что Белая Армия очистит Россию от большевиков. Мама очень торопилась ехать вслед за Гар. Вас. Но надо было устроить дела Комитета, кому то сдать работу, которой она продолжала придавать большое значение. Нашелся подходящий человек, прив-доц Вл. Ив. Исаев. Соню, как сестру милосердия, устроили плыть вокруг Европы на английском военном транспорте с госпитальным грузом. А мама со мной должна была пересечь всю Европу, добраться до Константинополя, и оттуда найти способ проехать в Россию. Прошло уже более полугода с момента окончания войны, но между европейскими странами все еще не было установлено нормального пассажирского сообщения. Пробираться из одной страны в другую приходилось с большим трудом. Кроме того везде существовали паспортные рогатки и междусоюзнический контроль, а нам надо было попасть в

Турцию, которая во время войны была на стороне Центральных Держав. У мамы был английский паспорт. Я был бесподданный. Но даже ей для себя пришлось хлопотать о визах. Для меня же получить французскую и итальянскую визы было очень трудно, несмотря на то что за меня хлопотали английские учреждения. На все эти формальности потребовалось более месяца.

В Лондоне мы все ликвидировали и все свои небольшие пожитки везли с собой. Среди них были подарки друзьям еще находившимся под большевиками. Мы же были уверены, что они будут освобождены.

Наконец в самом конце июля мама со мной выехала в Париж чтобы следовать дальше на восток. В Париже еще не было массовой русской эмиграции, но туда уже съехались видные дипломатические и политические представители как до-революционного, так и Временного Правительств. Кроме того в Париже как раз в этот момент находилась делегация посланная ген. Деникиным во главе с ген. Абрамом Михайловичем Драгомировым. Совещание русских послов возглавляемое б. министром иностранных дел Сазоновым пыталось делать высокую политику.

Ниже я привожу краткие заметки мамы о ее свиданиях с разными людьми в Париже, когда мы проезжали через него в Константинополь. К этому могу только добавить, что Савинков устроил в ее честь пышный обед в дорогом ресторане, на котором было несколько французских генералов и полковников. Мы с мамой решили, что Савинков хотел показать французским генералам, какие в лице мамы у него высокие английские связи. Возвращаясь с этого обеда мама искренне смеялась.

2-го августа мама записала в своей тетради :

„ Приехала в Париж 29-го июля. В посольстве затишье. Нет той суеты как в мае. Маклаков в Виши. Политическое совещание окончательно закрылось в день моего приезда. Какие итоги его работы, я не знаю, так как их дело или безделье никому не сообщалось. Безус-

ловная заслуга одна. Они заняли место, которое могли бы захватить еще менее государственные люди. Но это достоинство отрицательное. Конечно положение их было очень трудное, так как за ними не было ни тыла, ни государства. Но по мере того как росли армии Колчака и Деникина, они могли и должны были проявлять инициативу. Ее не оказалось. Я не знаю их внутренней жизни, но когда я была в мае, осталось впечатление внутренних разногласий, трений, мелочности, отсутствия центральной мысли и центральной воли. Хозяина не было, да и кто мог им быть ? Кн. Львов как глава Временного Правительства уже доказал свою беспомощность, непригодность. Когда я видела его в декабре в Лондоне, проездом из Сибири в Париж, он подкупил меня рассказами о пережитых испытаниях. Мне думалось, что человек, которого восемь раз выводили на расстрел через прикосновение к смерти должен был родиться для новой жизни. Я ошибалась. Он остался тем же, на вид простодушным, а в сущности лукавым и честолюбивым уездным политиканом. Стахович, талантливый, искренний и бесполезный русский барин, который вдруг на старости лет стал искать демократизма, не того подлинного русского демократизма, который сидит в каждом из нас, и в Стаховиче также, а другого, американского и нам совсем не нужного ".

4-го августа мама записала : „ Маклаков оказался человеком совершенно не стоящим своих достоинств. Умный, блестящий, образованный, но он не только беспомощно путался в своем собственном посольстве, отступая в ужасе перед необходимостью организовать просто канцелярскую сторону (тут Базили смотрел на него ласково и презрительно), но даже перед необходимостью обдумать и поставить определенные задачи и план. Ни мысли плодовитой ,ни даже ясной схемы. Одно жалкое прятанье за чужую спину, страх ответственности, желание отсидеться. Когда я была в мае, тут ясны были два лагеря — Бахметьев и Маклаков, с другой стороны Львов. И это не помогало работе ".

„ Сазонов еще. Честный, чистый, преданный России, но полный горечи, умеющий думать только по трафаретам 1914 г. Безответственные русские левые крикуны подняли против него травлю, наускивали большевизанов французов. Сазонов раздражался и не скрывал этого, тем более, что Маклаков и Ко. поджали хвосты, испугавшись левых. В Лондоне Сазонов не имел успеха, даже Хор устроивший ему прием и встречу, под конец видимо разочаровался ".

„ Живее всех оказался Чайковский. Многие из моих друзей и ему не верят. Но кто же, кому теперь верит ? Вчера за завтраком я сказала Сазонову и Драгомирову : " вы не верите Алексинскому и Савинкову, а те не верят вам. Это роковое. ". Так и с Чайковским. А я лично сейчас ему верю. Или он действительно очень лукав, или он как дядя Влас. покаялся и хочет спасти свою социалистическую душу верной службой Государству Российскому. Когда в январе(?) (поставила мама) ехал он из Архангельска в Париж, то на заседании в посольстве в Лондоне заявил : „ Как я могу подчиниться Колчаку, когда он совершил насильственный переворот ". Мы не спорили, ждали как возмутятся за него в Париже. Теперь он упорно отстаивает Колчака и Деникина. Еще в мае, когда его вызвали мировые диктаторы и он давал им объяснения, он защищал Колчака от обвинений в не-демократизме.

„ Три недели тому назад в Лондоне на завтраке в Лончен Клаб он сказал по поводу выступлений Керенского и компании : Они требуют от нас демократизма, но что же может быть демократичнее армии Деникина и Колчака. Мы должны всецело их поддерживать, потому что большевизм не может быть изменен изнутри, а только раздавлен внешней военной силой.

„ Это все ясно.

„ Перевидала много людей. Депутацию из Екатеринодара. Больше всего я надеюсь на Драгомирова. Астров растерян. Не очень деловым выглядит и Соколов. Все нескладные и главное провинциальные. В субботу завтракала в посольстве. Человек десять — двенадцать. Де-

легация екатеринодарская и несколько французов. Общего разговора никакого. У французов вид людей исполняющих скучную повинность. Для развлечения мы с Сазоновым почти поссорились. Я его отчитывала за скупую непокладливость с Финляндией, что стоило нам затяжного петроградского кошмара. А он рассердился. Стал меня корить за то, что Набоков все еще сидит в Лондоне : „ Я давно уволил бы его если бы не вы " (сказал Сазонов). Смех и грех ! Все эти дни наростала злоба против французов за все их мелкие придирки и вдруг сегодня оказалось, что Инглез в Министерстве Иностранных Дел, который мне устроил визу, это отец несчастных троих юношей расстрелянных в Петрограде в марте 1918 года. И он мне сказал : „ И всетаки я люблю Россию ". Я чуть не расплакалась. Этого нельзя забыть ".

Мама торопилась в Россию. Все ее мысли были там. Даже в Риме мы не задержались для его осмотра, только поверхностно взглянули на него, хотя ни мама, ни я в нем раньше не бывали. На юге Италии, в Торонто, пришлось под жгучим солнцем ждать два — три дня парохода в Константинополь. Там мы получили места на случайном пароходе, шедшем в Новороссийск через Крым. Мама с любопытством и волнением смотрела по сторонам. Она восемнадцать месяцев не была в России.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СНОВА В РОССИИ

Мы ехали в Ростов. Промелкнул Крым, Новороссийск, Кубанская область с живописными казаками на станциях. Всюду жизнь, движение, привычное оживление фронтового тыла. Мне было странно смотреть на ожившие места, которые двадцать месяцев перед тем я видел затихшими под красным владычеством. И казалось тогда, что они не могут ожить — и вдруг вновь казачки продающие жаренных кур на станциях, офицеры в погонах и незнакомые между собой люди спокойно и свободно разговаривающие друг с другом. Никто не боится, что сейчас выведут из вагона для расстрела за станционным зданием. Мама к счастью всего этого не видала. Вскоре после нашего приезда, мама записала :

„ Вернулась из заграницы после восемнадцати месяцев жизни в Англии. Опять дома, вернее в передней родного дома, но много друзей и как то чувствуешь, что на пути к себе. То что здесь нашла, гораздо лучше, чем думала. Отхлынула та прежняя волна демобилизации, анархии и всеобщего свинства. Жизнь легче чем я думала ".

Гар. Вас. в Ростове не оказалось. Он с английским генералом объезжал фронт. Соня еще плыла по морям. Мы сразу попали в большую казенную квартиру Ратькова-Рожнова, который занимал большое положение в Государственном контроле. По указанию члена Особого

Совещания (т.е. Совета Министров) при Деникине, М.М. Федорова, он очень мило предоставлял приют многим приехавшим. Квартира эта была превращена в настоящую проходную казарму, только на министерском уровне. В ней постоянно бывали члены Особого Совещания при ген. Деникине Федоров, Астров, Соколов и другие или их дети и племянники-офицеры презжавшие с фронта. В этой квартире мы сразу почувствовали дух царивший на территории Белой Армии, который с такой точностью описал Гар. Вас. в телеграмме от 3-го июня, напечатанной в английских гезетах !

„ Екатеринодар неподражаем (это относилось ко всей территории Белой Армии) — писал он. — Представьте себе половину Военного Министерства, половину Вестминстера (парламента) и Флит стриит (улица в Лондоне, где помещаются большие газеты), скучившиеся вместе, скажем в Таунтоне (город в южной части Англии). Все эти люди спят по три человека в комнате. Они одеты как попало и на них нерегулярная форма. Но они заняты освобождением Англии. По виду это некоторые растерянные жители Петрограда и Москвы, оказавшиеся на казачьей земле. В действительности же здесь центр Крестового Похода. Многие знакомые, которых я встретил, сильно изменились. Они разорены в финансовом отношении. Они не знают, где находятся члены их семейств. Но здесь царит поразительный дух, походный дух, дух крестового похода. Бывают неудачи, но они скорее физического, чем морального характера... ".

Мы эту телеграмму читали еще в Лоидоне, но по настоящему поняли ее смысл только ввалившись в гостеприимную квартиру Ратьковых-Рожновых в Ростове. Впрочем ее нельзя было назвать чужой, мы попали туда, где люди были объединены между собой одной мыслью, одним порывом.

В первые же дни на этой квартире мы встретили А.Н. Ратькова-Рожнова (двоюродного брата хозяина квартиры) с женой, дочерью А.П. Философовой. Они потеряли в Белой Армии двух сыновей и одного на боль-

шой войне. Затем появился член всех четырех Государственных Дум, Н.Н. Львов, также уже потерявший двух сыновей. Но дух этих осиротевших родителей оставался твердым, как скала.

Вскоре вернулся из поездки по фронту Гар. Вас. Он был полон рассказов о фронте и все время повторял, что там царит очень бодрое настроение. Он рассказывал нам, что повсюду обсуждается вопрос, успеет ли Белая Армия до Рождества дойти до Москвы. В том, что Москва будет занята в ближайшие месяцы, повидимому никто не сомневался.

Мы скоро переехали в большую квартиру реквизированную для английской военной миссии. Начальник этой миссии Ген. Хольман был все время в разъездах и появлялся в Ростове редко, так что фактически мама стала хозяйкой этой квартиры. В ее распоряжении находилось два английских солдата-денщика. Позже в этой английской квартире стали мелькать английские офицеры — инструкторы, обучавшие русские войска обращению с английским оружием.

Вся мамина горячая натура устремилась на помощь Белой Армии. Она всегда умела намечать то главное, за что в данный момент необходимо взяться. Она почувствовала, что по сравнению с другими у нее гораздо больше опыта в пропаганде среди иностранцев и взялась за это дело.

13-го сентября она записала в своем дневнике: „ Вожусь с устройством заграничной пропаганды. Ко мне лично большое благожелательство. Слушают, предлагают начать. А по существу не понимают значения этого дела, думают, что можно кое как прилепить его к старой постройке. 9-го сентября вечером устроили маленькое совещание в кабинете Соколова (член Особого Совещания заведовавший пропагандой). Был пол. Энгельгард, проф. Гримм (два помощника Соколова) и другие. Я им рассказала свой план. Должна быть особая часть иностранной пропаганды. В нее входят кредиты, связь с курьерами, посылка делегаций, руководство отделами загра-

ницей и конечно не только снабжения информацией но и указание политических тем и общего направления ".

В записи от того же числа, мама рассказывает о заседании Ц.К. Кадетской партии. Она сообщает, что Н.И. Астров сделал доклад о росте монархизма, что в нем вызывает тревогу. Астрову стали возрожать, что он преувеличивает.

„ Бедный Астров растерялся, — пишет мама, — и стал уверять, что вообще надо решить вопрос по существу, „ Представьте себе, что завтра, кто нибудь из нас будет министром председателем, или внутренних дел. А мы даже не решили монархисты ли мы или республиканцы ". Никто решать не согласился и будущий министр внутренних дел возьмет портфель, так и не зная, кто он. Повидимому назначение его (Астрова министром внутренних дел) предрешено. Хорошего в этом мало. Он сладкий, лукавый и нерешительный. Он числится левым. Это его обязывает и толкает. Ну а Россия, что от этого выиграет? Ничего. Не легко Деникину, если ему приходится держаться за таких маленьких людей. Что такое кадетская партия сейчас ? Нужна ли она ? Ошибок и грехов много на наших душах. А как их искуплять или поправлять ? А ведь россыпью тоже далеко не уйдешь ".

Перед ноябрским обвалом 19-го сентября, мама сделал еще одну запись.

„ До сих пор почти ничего не сделала, — писала она, — Только яснее поняла сколько кругом хаоса. Жизнь торопит, а у людей нет прежней силы. Новые люди приходят медленнее чем надо ".

В начале осени все были полны надежд. Шли на Москву. На станции Ростов стоял бронепоезд „ На Москву ". Осматривая его все рассуждали о том, когда он будет в Москве. Мама и Гар. Вас. тоже целиком были захвачены этим настроением. Мама все время виделась с разными людьми и среди ее собеседников часто бывали члены Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (т.е. министры). У всех была одинаковая твердая уверенность. Все допус-

кали возможность временных неуспехов, но в конечном успехе никто не сомневался.

В конце августа, или в начале сентября, Соня наконец добралась до России. Она разыскала своих подруг по Великой Войне Веру Моторнову (впоследствии Жибер) и Тамару Дроздову. Соня уехала сестрой в л.г. Павловский батальнон, а Тамара, уже целый год бывшая сестрой в Добровольческой Армии и в последнее время на фронте, осталась в Ростове так как вышла за меня замуж. В маминой семье появилась невестка, которую и она и Гар. Вас. приняли очень радушно. Открытая и прямая, Тамара отличалась исключительным благожелательством ко всем людям вообще, усиливая его конечно по отношению к членам той семьи, в которую она вошла.

Мы с Тамарой поселились в Ростове в той же просторной английской квартире.

Кроме политической деятельности, сводившейся к участию в разных заседаниях, мама начала налаживать и благотворительную работу сводившуюся главным образом к заботам о воинах и их семействах.

Еще в ноябре, когда Белые Армии уже начали широкое отступление, мама ездила на кадетский съезд в Харьков. В начале отступление армии не вызывало особой тревоги. Все помнили о головокружительных успехах Белой Армии. Не забывали, как встречали белых в Киеве, Курске, Харькове, как их забрасывали цветами, целовали сапоги командирамв, ехавшим верхом. Поэтому то сперва существовала общая уверенность, что отступление носит временный характер. Но в душу мамы начинала закрадываться тревога. Она чувствовала неумелую беспомощность гражданских властей, Руководителями разных гражданских ведомств часто бывали ее партийные друзья, личные, свойства которых ей были известны лучше, чем кому бы то ни было. Она преклонялась перед боевой доблестью войск, но удивлялась тому почему главное командование допускает распущенность в некоторых штабах. (например у ген. Май-Маевского), но она всегда воздерживалась от критики армии и коман-

дования, считая, что за нее несут ответственность руководящие генералы. Личных сношений с этими генералами в России у нее почти не было. Они установились только в эмиграции.

Отступление Белых Армии принимало все более угрожающие размеры. Были сданы сданы Киев и Харьков. Связь с Соней была прервана, что очень беспокоило маму. Однако командование до последних дней уверяло, что Ростову ничего не грозит. Катастрофа наступила настолько быстро, что накануне приказа об эвакуации мы сдали белье прачке и потом выхватывали его из прачешной в мокром виде. Все, кто был связан с белым движением, бросились на вокзал, который был залит морем народа. Мы конечно были в привилегированном положении, так как у английской военной миссии был свой вагон в одном из штабных поездов. Однако и этот штабной поезд простоял на станции Ростов двое суток. Возможно, что он двинулся, потому что я, получив от ген. Хольмана две бутылки виски, одну сразу дал машинисту, а другую обещал дать, если в течение получаса он переведет поезд по мосту через Дон. Машинист получил вторую бутылку виски.

Мама сидела в вагоне тихая, почти совсем не разговаривала, жалела только тех кому не удалось попасть в поезда.

Мы тащились до Новороссийска двое суток (вместо нормальных двенадцати часов).

Новороссийск был переполнен. Но мне посчастливилось достать комнату для мамы и Гар. Вас. в большой квартире одного моего знакомого судебного деятеля. Мы с Тамарой нашли маленькую комнатку на другом краю города. Целый день мы проводили у мамы, а потом вечером, не без страха, пробирались к себе по едва освещенным улицам. Ночью относительный порядок в городе поддерживался несколькими офицерскими патрулями, расхаживавшими по улицам. Город был переполнен до отказа. Спали повсюду, на столах, под столами, в частных домах, в конторах, на лесницах, везде где была

крыша. Время от времени в комнате у мамы оставался ночевать кто либо из друзей, чаще всего проф. П.И. Новогородцев. Таких гостей укладывали на пол. Недостатка в продовольствии в городе не ощущалось, в ресторанах что то подавали и базары были полны снедью. Но был недостаток в топливе, что особенно остро ощущалось когда над городом свирепствовал ветер, носящий название норд-ост. Он как разъяренный вепрь мчался с севера и покрывал льдом весь город. В гавани стояли обледенелые суда, на железнодорожной станции обледенелые поезда. Ветер валил с ног пешеходов, а многие из них были бездомные, у них был только угол для ночевки, весь же день они должны были шататься по городу. Как то я с женой шел по главной улице во время норд-оста и нам пришлось вскочить в первый ресторан чтобы спасти свои уши. Мама старалась отогревать своих друзей виски. Знакомые приходили и сидели в ее комнате просто чтобы быть в тепле. В городе начал свирепствовать сыпной ниф. Перед звакуцией он унес многих в могилу.

Я привожу ниже выписки из маминой записной книжки, чтобы дать представление не только о ее настроении, но и показать высокий дух русских людей во время этих последних страшных недель перед эвакуацией. Они думали не о себе, не о том, что на следующий день тиф может унести каждого из них, а сосредоточенно обдумывали причины постигшей их катастрофы и обсуждали пути и судьбы отечества. Вся их внутренняя знергия была направлена на поиски выхода из создавшегося положения. И мама вместе с другими руководящими деятелями белого движения постоянно принимала участие в этих совещаниях.

Мы встретили Рождество в Новороссийске, поскольку я помню в помещении кооперативного товарищества. Возможно, что мы ввалились в город только за несколько дней до Рождества и я еще не нашел комнаты маме. Она все больше и больше тревожилась за Соню. Жива ли она ? Не захвачена ли красными ? Удалось ли ее части отступить ? Но приходилось стиснувши зубы

ждать и мама не обнаруживала охватывавшую ее тревогу. Мы близкие только знали, что чем тревожнее у нее на душе, тем отчетливее ее движения и короче ее фразы.

Первая запись, сделана в Новороссийске, 4-го января. Мама писала :

„ Докатились до моря, как это произошло никто не понимает. Когда началось отступление, не верилось, что отдадим Харьков. Теперь спешно заняты подготовкой эвакуации Новороссийска, хотя по слухам Батайск (на Дону против Ростова) еще наш. Кроме слухов почти ничего у нас и нет. Все порвалось, перемешалось, спуталось. Те, кому верили, оказались слабы. То, что мы считали ядром нарождающейся русской государственности, оказалось, если не мыльным пузырем, то каким то комком глины, который распался от первого толчка.

„ Едва ли не хуже всего, что катастрофа еще больше обнаружила полное одичание, обнагление, распущенность. Вся ткань сгнила и как будет вылезать из этой тины народ, неизвестно. Все гражданское управление сводилось к длинным заседаниям. Они обдумывали все мелочи, но были не способны, что бы то ни было исполнять. Полное бесплодие и бездарность. Вчера на заседании комиссии по эвакуации Астров сообщил, как будто с удовольствием, что англичане привезли две тысячи тонн угля. Стыдно было слушать. Сидели месяцами в Донецком басейне и не сумели не только отстоять, но даже использовать его.

„ Вообще все эти последние недели горечь стыда душит. Противно и стыдно. Мы были слепы и глухи. Верили в Провидение. Мирились с тем, против чего надо было кричать. Таких людей, безволие и близорукость которых были для всех очевидны, мы осуждали в кружках, но этой же кружковщиной и поддерживали их. Как теперь выходить ? Где люди ? Где путь ? И ведь знаю, что красные слабы. Это не сила на силу, а слабость на слабость. И рабство перед иностранцами неизбежно. До сих пор я смотрела смело в глаза иностранцам. Внешние

условия были против нас, но я верила, что внутренне мы правы. Теперь мы осыпались изнутри. Сгнили.

„ Третьего дня мы были в миссии у Маккиндера (английский профессор присланный своим правительством заняться эвакуацией Новороссийска. В нарядном доме управляющего заводом (Новороссийским цементным заводом), среди хорошо одетых самоуверенных англичан на меня сразу пахнуло Англией богатой и сильной, Стало больно и сиротливо. Мне не жаль нашего поколения, но молодежь бездомная, которая в своей стране обречена на горечь скитания, которая не имеет родины и не видит перед собой авторитета — это слишком тяжело.

„ Маккиндер, внушительный, грубоватый, сознаюший и важность своего положения и удачливость своих планов, выглядел имянинником. Настоящий иноземец, решаюший судьбу низшей расы. Его план — это давно знакомый мне план расчленения России. Это называется **де факто** признание самоопределившихся окрайн. На самом деле это больше похоже на исполнение старого плана Бисмарка, разбить Россию на куски.

„ Маккиндер первый раз в России, перед приездом сюда работал месяца два, изучал, быть может даже кое в чем разобрался, но конечно издалека, дилетантски. А всетаки ему поручена, если не судьба России, то сегоднешнее мгновение. И так как мы слабы, так безличны и безвольны, что не чем и некому дать отпор, оборонить наследие предков, отстоять права будущих поколений.

„ На каждом шагу натыкаешься на это бессилие. Нет никакого сопротивления. Бросают. Уходят. Пугают друг друга. Последние дни носятся с эвакуацией.

„ Запись идет в грязной кафейней. На стульях сидят вереницей дамы. Между ними мелкают напуганные фигуры мужчин. Их англичане не везут. Везут только женщин, детей, стариков. Мужчины считают, что они кормильцы, не должны отрываться от семьи. Хотя какие же они заграницей кормильцы. Ищут предлогов, спрашивают, суетятся. Точно уже все кончено, точно уже нет

ни территории, ни сопротивления. Полная дряхлость и это самое противное.

„ Власть развалилась. Никто даже не знает, кто теперь начальство, где оно и как его зовут. Но еще на горизонте маячит тень Деникина. Еще слово „ Ставка ", что то значит ".

Все это касается настроений в тылу, а не на фронте. Там на фронте белые войска продолжали сражаться очень упорно, если не сказать ожесточенно с перевесом на стороне красных приблизительно десяти против одного.

9-го января мама записала :

„ Мне очень тяжело на пункте (вероятно эвакуационный пункт). Там англичане хозяева, а русские вроде слуг. Служба в миссии (английской) очень портит и офицеров и барышень. За немногими исключениями они точно чванятся своей экстерриториальностью.

„ Эти дни слухи об эвакуации, Почему то ждут ее на 14-ое. Когда пришли дредноуты, потом несколько сот солдат английской пехоты промаршировало по городу, начались волнения, скорее радостные.....

„ Среди постыдного переполоха и животного страха русские люди точно не отдают себе отчет какой кризис. Два года копились силы и сорвалось. Соберутся ли они снова ? Пользуясь нашей слабостью союзники опять выдвинули план близкий к расчленению России. Пройдет ли он ? А если пройдет ? ".

9-го февраля находим следующую запись в маминой тетради :

„ Никанор Васильевич Савич (член Государственной Думы и особого Совещания при Главнокомандующем) сказал на заседании Национального центра и государственного объединения : „ Наша главная вина была в том, что мы не умели воспользоваться властью. Мы были слишком деликатны и потому молчали. Это довело власть до самодурства ". В нем сидит упрямая, мысль, что красная и белая армии, как то сольются и этим разрешат все. На том же заседании Ник. Ник. Львов (член всех

четырех Дум), пламенный Дон Кихот, говорил о доблести юношей, которые и сейчас продолжают отдавать себя родине : „ Кто смеет упрекать нас в отсутствии упорства. Там на фронте Добровольцы опять оправились, а здесь, среди холода, голода и мора, разве мы не делаем огромного усилия, стараясь воссоздать жизнь. Даже газеты снова воскресли, среди невероятных трудностей. А ведь казалось, что мы докатились до самого края бездны.

„ Это было третье такое заседание на этих днях. Правы были Кривошеин (министр императорского правительства) и Гар. Вас., удивлявшиеся блеску речей на этих собраниях. Полтора месяца бродили верхи русской интеллегенции по грязным, холодным, бессмысленным улицам Новороссийска. Одинокие, разрозненные, ошеломленные, многие испуганные и все охваченные огнем тоски, они про себя переживали катастрофу. Порой собирались по два, по три и в нетопленных угрюмых безнадежно чужих комнатах, нервно перебрасывались опытом последней горечи. И только недавно поняли, что надо вслух, хотя бы среди избранных, обдумать, осмотреться. А когда сошлись и заговорили, то оказалось, что все унижения внезапного разгрома, не притушили их, а напротив углубили, придали новую ясиость их мыслям.

„ Началось с Ц.К. (кадетской партии). Мы заседали 4-го февраля. Слушали письмо Астрова к Милюкову, такое же расплывчатое, половинчатое, скользящее, как все, что делает и думает этот кадетский Гамлетик. Он звал Милюкова сюда (Милюков был в Лондоне) и ручался что Деникин будет ему рад. Сейчас же перешли на все темы сразу. Обсуждали резолюцию Павла Ивановича, Новогородцева, как отнестись к Верховному Кругу, к казачьему правительству, к тому, что вместо диктатора у нас ответственное министерство. София Владимировна Панина передала мнение П.П. Юренева, что мы присягнули Деникину и Добровольческой Армии и должны с нею умереть и идти на все посты. Степанов сказал, что он продолжает обожать Деникина. Но добавил, что он сам

от нас отошел и при новой политической комбинации в нас не нуждается. Если будут военные победы, Деникин сбросит с себя всю эту чепуху и будут перемены. Если нет, то Деникин погибнет.

„ Новогородцев как всегда забрал глубже всех: „ Пора подумать о народе. Война кончается. Казачье правительство есть правительство мира ,а не войны. Деникин уже не хозяин. Мы придем или к иностранной жандармерии, или к эволюции от чумазого к культуре.

„ Кстати чумазого он у меня стащил. Я сказала, что Тимошенко и казаки это чумазый и это хорошо, так как мы белоручки и чистоплюйки, а укрощать чумазую смуту может только чумазый.

„ В ответ на выраженные кем то сомнения можно ли еще воевать, Савич заявил, что хотя армия устала, но весной она опять двинется с юга на север. К этому времени надо суметь дать армии близкие лозунги ".

„ Как описать Новороссийск, — продолжает мама, Кадеты, тюрьма (которую было видно из окон комнаты мамы), греки, беженцы, вши. Разговор Паниной с Челищевым. Греки на солнце. Солдаты в саду. Борода Долгорукова. Новогородцев говорит : „ Прийду и ищу. Одну нашел ". Больницы. Евгений Трубецкой (умер от тифа). Дон Кихот Львов. Норд-Ост. Люди перестали мыться. Нет белья. Спят на столах. Болтаются подошвы.

„ А на улице все гробы. Иногда с музыкой, редко с помпой, Чаще бегом, рысью, на тех же дрогах люди. За Трубецким шло двадцать человек. На путях умирают. Столкнуло всех на край бездны. Истощенные, измученные, они даже не могут пировать среди мора.

„ Что то оскорбительное в слове беженцы.

" Контраст с английской миссией. Наши офицеры парии. В грязи в лохмотьях ".

По сравнению с 9-м января эта запись от 9-го февраля поражает тем что несмотря на месяц жизни среди сыпной эпидемии, у людей еще остались духовные запросы. Хотя генеральша Лукомская и говорила : „ мы все говорим о вшах ", но говорили и о другом ".

Последняя новороссийская запись от 12-го февраля.

„ Видела Лукомскую, — писала мама, — Как и все она говорит, что Деникин никого ничего не хочет слушать. Ее муж писал из Крыма подробные донесения. Предупреждал об опасности. Деникин просто не отвечал, а теперь не зовет его, не торопиться узнать в чем дело. Он тоже считает положение безнадежным, отчасти из за этой слепоты Деникина. В Крыму, по словам Лукомской, все не исключая Врангеля, потеряли голову. Не мудрено. Что может быть хуже положения офицеров не верящих больше в силу и ум вождя. Да еще в гражданскую войну.

„ Простились мы с Лукомской сердечно, почти дружески. Она умная и сильная. В такие бурные полосы людей яснее видишь, острее ощущаешь и ближе к ним подходишь.

” Утром пили у меня кофе Н.Н. Львов и пятнадцатилетний солдатик, Мясоедов — Иванов. Оба, и состарившийся среди политических битв и гражданского пафоса Львов и мальчик, контуженный, искалеченный, с пулей под черепом (красный солдат выстрелил в него лежачего, раненого), были равно бездомны и оба равно радовались горячему кофе. Сколько таких ”.

„ Я говорила сегодня в Ц.К., что война кончена. Надо спасти силу живую. Мой план опоздал. Мне казалось, что надо ввести Крым и Черноморье в Южную Федерацию и тут отсидеться ”.

Мама все больше и больше тревожилась за Соню. Ходили смутные слухи, что гвардейский отряд отступает на Одессу. Но ничего определенного не было известно. В конце концов она попросила Веру Моторнову (впоследствие Жибер) отправиться в Одессу на розыски Сони. В Одессе Вера нашла Соню больную сыпным тифом. При эвакуации Одессы в январе 1920 года офицерам л.г. Павловского полка удалось вывести Соню и одного из своих больных офицеров на Константинополь. Страшные часы пришлось пережить Вере и двум здоровым павловским офицерам в день эвакуации. Красные стреляли из пуле-

мета по молу, где собралась группа отъезжающих. Пули щелкали по камням мола, где стояли носилки Сони и ее соратника. К счастью, когда наступила темнота, белым удалось отогнать красных и дать возможность подойти к молу катерам с английского парохода, стоявшего на рейде. Они доставили больных и сопровождавших их лиц на английский транспорт.

Перед самым отъездом из Новороссийска мама получила известие из Константинополя от нашего старинного знакомого, чиновника Мин. ин. Дел. Е.В. Максимова о том, что он совершенно случайно обнаружил больную Соню на проходившем через Константинополь английском транспорте. Мама воспрянула духом.

В середине февраля мама с Гар. Вас. и с моей женой уехали в Константинополь. Я задержался в Новороссийске на неделю или на две для того чтобы сопровождать П.Б. Струве. Уже второй раз я покидал Россию вместе с ним. В первый раз в декабре 1918 года, я его провел через границу из Петрограда в Финляндию.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНДОН

Мама окончательно покинула Россию когда ей шел пятьдесят первый год. Следующие сорок лет своей жизни она провела вне России, в Европе и в Америке. Она всегда очень сдержанно говорила, что хочет домой, но всегда дом, т.е. Россия, был в ее мыслях. Довольно часто в ее письмах повторяется приблизительно такая фраза : „ все куда то едем, но не туда, куда хочется ". Больше сорока лет спустя, в Вашингтоне, лежа в кровати в своей комнате уже в полусознательном состоянии, она не один раз повторяла : „ как бы я хотела сейчас быть у себя в Вергеже, как бы я хотела увидеть Волхов ".

Россию, территорию, государство, она заменила в эмиграции русской средой и русской церковью. Куда бы ее не забрасывала судьба, она сразу окружала себя русскими людьми. К ней всегда поступали письма от русских со всех концов мира. Соотечественники ее всегда находили и искали ее моральную или физическую поддержку. Она всегда устанавливала самые дружеские отношения с местным русским православным духовенством.

Она остро переживала разлуку со своей любимой матерью, моей бабушкой-бибинькой. И в конце концов совершенно чудесным образом она устроила переезд бибиньки в Лондон.

Первые восемь лет эмиграции мамина личная и семейная жизнь была очень счастливой. Редко можно было

встретить русских людей в изгнании с такой счастливой жизнью. Но в этом семейном счастье, она никогда не забывала несчастных сотечественников в изгнании и в Советской России сущих.

Она постоянно о них заботилась и эти заботы обычно приводили к конкретным результатам. Она всегда напряженно думала о борьбе с коммунизмом и при малейшей возможности превращала свои думы в действия.

Конечно она боролась против коммунизма главным образом своим пером и словом, но иногда эта борьба принимала и другие формы.

Мрачно было покидать Новороссийск после такой непредвиденной катастрофы. Вместо подступов к Москве оказались в бурном зимнем Черном море. Но у мамы все свои были целы, а главное промелькнула через Константинополь Соня. Мама и Гар. Вас. не задерживаясь в Константинополе поехала вслед за госпитальным судном увезшим Соню. В Салониках ее не нашли — всех больных уже увезли в Сербию. Они отправились в Сербию и при помощи высшего сербского командования — появление англичанина тогда еще было в диковинку в Сербии — они нашли Соню.

Мама возвратилась со всей кампанией в Константинополь и мы все прожили на Принкипо несколько недель. Все мамины мысли были обращены в направлении Крыма, этого последнего оплота белых. Оттуда доходили скудные сведения. Но все же мы сразу узнали о смене командования и объявлении ген. Врангеля главнокомандующим. Меня вызвали в Крым и П.Б. Струве, назначенный ген. Врангелем министром иностранных Дел, отправил меня кругом всей Европы с поручением в Финляндию. Гар. Вас. в Крым не вернулся, так как газеты отзывали его в Лондон. Естественно, что они возвращались в Западную Европу. Я с женой тоже поехали с ними.

Соня же вместе с Верой поехала в Сербию. Там она вышла замуж за офицера Павловского полка К.В. Бочарского и оттуда они втроем отправились в Крым к Врангелю.

Разбитые и усталые, можно сказать ошеломленные, мама и Гар. Вас., до возвращения в Лондон, остановились во Франции. 3-го июня они доехали до Ройа. А я с женой прямо проехали в Лондон.

Мама писала нам в Лондон, что первые дни Гар. Вас. не мог даже читать, а только сидел в кресле, смотря в одну точку. Но минеральные ванны быстро произвели на них благотворное влияние. У мамы восстанавливается острый интерес к жизни. Она внимательно следит за большими и малыми событиями, но пишет мне что они с Гар. Вас. решили, что не могут нести ответственность за космические события, и что ей захотелось писать.

6-го июня 1920 г., она писала мне :

„ . . . Планов на будущее пока не строим. Но что ты говоришь о движении на Восток, всегда потенциально ощущаем. Вчера когда шли среди виноградников, по краю дороги, откуда видна просторная дорога, увидели поезд. Гар. Вас. говорит : „ вот наш поезд идет ". Я шутя спросила : „ А где же наш край " ? Он задумался, потом показал рукой на восток : „ там где солнце восходит ".

Мама беспокоится о Соне, как она всегда заботилась о всех членах своей разраставшейся семьи. Она тревожится о них когда они находятся в трудном положении. 17-го июня она писала мне :

„ . . . А Врангель всетаки наступает. Господи, хоть бы удалось. Но ведь этак наверное и наши туда ринутся (т.е. Соня. Вера Моторнова) ".

Через два дня она опять пишет о том же :

„ . . . Я боюсь, что они бросятся в Крым. А кто его знает насколько крепко сидит Врангель. Мелитополь он взял. Это хорошо. Но если разбитые поляки попросят мира — а они его уже просят, тогда Буденый может очутиться в Крыму ".

Они подружились с местным профессором историком и ездили вместе с ним осматривать соседний стариный городишко — Риом.

По поводу этой поездки мама писала мне :

„ Когда мы были в Риоме, я с завистью смотрела, как

через века и революции, в этом маленьком городке, затерянном среди полей и садов Оверня, в архивах городской думы сохранилось письмо с призывом подписанным самой Жанной Дарк. Ведь мы с тобой ни разу не удостоились пойти посмотреть на собственноручные письма Пожарского или патриарха Гермогена. Я даже не знаю, где они хранятся ? ”

23-го июня мама писала мне :

„ Вчера опять был Сазонов (бывший министр иностранных дел), долго сидел и болтал на нашем балконе. Он очень интересный собеседник, много расказывал о царе и царице. Профессор из Клермонта слушал с изумлением и почтением. Наверное вчера же записал в свои написанные бисерным почерком тетради о войне, которые аккуратно красуются в его кабинете. Уходя, он засыпал Сазонова горячими комплементами. Тот был поражен и доволен. Я тоже, так как считаю, что французы должны знать и помнить, что Сазонов сделал для союзников. Да и нам не грех бы ценить своих государственных людей, быть может поверх режима и партий ”.

В короткой открытке Тамаре мама пишет :

„ Смотрю на ледник (Шамони) и думаю о России. Как я счастлива за вас, что получили вести от своих. А вдруг зимой будем дома ? ” (29-VI-20).

Вопрос о том что же будет дальше и что делать все время привлекает внимание мамы.

Уже из Шамони, куда они переехали из Ройа мама писала мне :

„ То что ты пишешь об общем плане, тоже верно. Когда два года тому назад мы с Гар. Вас. повели свою кампанию перед нами были две ясные задачи — помешать признанию советской власти и добиться деятельной интервенции. Теперь многое переменилось и осложнилось. Надо передумать, если не задачи, то план. Надо опять ясно и точно формулировать ближайшие цели. Это многие сознают и пробуют . . . ” (1-VII-20).

Через несколько дней мама писала мне :

„ Поздравляю тебя, сегодня 22-го июня (день рожде-

ния ее матери). Вчера побывала в церкви и купила роз. Я ошиблась в сроках. Ну ничего, сегодня опять буду думать о бибиньке и только крепче отпраздную в душе ее рождение и свою гордость, что я ее дочь. Вы с Софой умейте ценить, что и в вас есть ее кровь и старайтесь вобрать в себя побольше ее души" (5-VII-20).

Позже в этом же году, мама писала из Лондона мне в Финляндию :

„Вообще нельзя ничего сделать, если не заставлять людей. А во мне борятся два начала — дедушкина воля к приказу и бибинькино гуманное стремление убедить. В сочетании их самый верный путь."

Уже из тихого французского курорта мама вела переписку со всеми странами. В одном из писем она сообщает, что утром получила письма из Константинополя, Белграда, Гельсингфорса, Парижа и Лондона. Ее переписка всегда касалась или организации помощи или же это был обмен литературными и политическими мнениями с друзьями. Кажется нет видных русских эмигрантов умеренного лагеря, с которыми она не состояла бы в переписки.

Возвратившись в Лондон в июле мама делает следующую запись :

„Приехали вчера из Парижа, где пробыли два дня, чтобы повидать Струве. Когда в начале мая, возвращаясь с Балкан и были там, никто не признавал Врангеля. Мечтали создать, что то вроде правительства в Париже. Теперь кн. Львов хвастается успехами Врангеля. Нольде говорит, что это наша последняя ставка."

„Вопреки нашим опасениям Струве хорошо справился с задачей. От французского правительства он добился большего чем можно было ожидать. Миллеран, перед тем как выступить в Палате, вызвал его к себе и вставил в свою речь часть его мыслей .

В Лондоне в течение двух зим 1920-1921 и 1921-1922 мама и Гар. Вас. жили в меблированных домах. У них не было чувства оседлости. Все казалось, что еще куда то поедут.

Приехав в Лондон, мама старалась оживить Комитет

Освобождения России, в котором Милюкову было поручено вести журнал „Нью Раша”. Все внимание мамы и Гар. Вас. было направлено на борьбу в Крыму. В середине августа я уехал в Финляндию, моей задачей было установление связей.

19-го сентября она писала мне в Гельсингфорс :

„Вчера были у меня Милюков, Исаев (который вел Комитет), Шкловский и А.В. Карташев. Долго говорили об Юге. Я вытащила Милюкова за усы. Он охотно и обстоятельно высказался. Основное возражение (против Врангеля) — нельзя делать левую политику правыми руками. Все та же тонкая диалектическая, вернее схоластическая, игра старинными понятиями, правые, левые. Когда жизнь все перемешала, он ревниво блюдет потерявшую смысл терминологию. А психологически здесь личная ревность и недоброжелательство. Поразило меня, как спокойно он оперирует слухами, точно это факты. А в заключение сказал, что конечно мы всячески должны поддерживать Врангеля. Хороша поддержка. Карташев очень мягко и осторожно возражал, защищая права жизни, которые крепче теорий. Он очень милый и одухотворенный человек. Мы его перетащили к себе, чему мы рады. Он собирается в Крым, я его тороплю. Там нужны не только мыло и рубахи, но и духовность.”

Я возвратился в Лондон из Финляндии до крымской катастрофы.

В начале ноября, а может быть в конце октября мама и Гар. Вас. поехали в Париж повидать П.Б. Струве. Он продолжал занимать пост министра иностанных дел у Врангеля и приехал в Париж в октябре по важным делам.

1-го ноября мама писала мне из Парижа, в Лондон что Струве и Ю.Ф. Семенов (заведовавший информацией на Европу) настаивают на моем приезде в Париж. Она добавляла, что в Крыму все смутно и что все „висит на Перекопе”. Но вместе с тем она писала, что Гучков, Струве Маклаков, все верят, что Врангель отсидится в Крыму.

Я поехал в Париж. Через несколько дней пришла роковая весть об эвакуации Крыма Мы сидели в квартире

А.В. Гольштейн — П.Б. Струве, его жена, Семенов, мама, Гар. Вас. и я. Все примолкли, почти не разговаривали, так было тяжело.

В день эвакуации Крыма мама писала Тамаре в Лондон :

„ Больно мне и жутко, но надо верить и ждать. Может быть Бог пожалеет их (Соню, ее мужа полк. К.В. Бочарского и Веру) и нас. Теперь мы все должны держать себя в руках и стараться стать не слабее, а сильнее. Ведь им нужна наша помощь, поддержка. Даже если останутся в Крыму — я боюсь, что в эвакуацию они не успели попасть — надо будет их доставать, вероятно искать путей. Целую вас крепко, будем вместе переживать эти трудные времена. Все равно бороться надо, (против большевиков), новыми способами, но надо " (15-XI-20).

22-го ноября мама сообщила Тамаре : „ мы послали также от себя следующую телеграмму Врангелю " — Мы гордимся тем, что вы и армия отошли с честью ".

В отправке анологичной телеграммы из Лондона от Комитета Освобождения России, который все время поддерживал Врангеля, встретилось неожиданное затруднение. По возвращении нас из Парижа состоялось заседание Комитета, на котором кроме нас троих присутствовали Милюков, проф. В.И. Исаев и еще несколько человек. Мама предложила от имени комитета послать ген. Врангелю телеграмму, с выражением удовлетворения по поводу благополучной эвакуации из Крыма и спасения Армии.

Кроме Милюкова, все присутствовавшие сразу поддержали это предложение. Милюков же заявил, что он такой телеграммы никогда не подпишет. Мама очень резко ему сказала : „ Павел Николаевич, но ведь это же телеграмма Армии, которая проливала кровь за Россию и на счет которой мы издаем здесь журнал ".

Милюков, стараясь не волноваться, ответил :

„ Такая телеграмма является политическим актом, а после крымского краха необходимо пересмотеть все прежние политические установки ".

Гар. Вас. посмотрел на Милюкова и своим глуховатым голосом сказал : „ Павел Николаевич, мне как англичанину стыдно за вас ”. После этого Милюков встал и ушел из комнаты.

Мама и Гар. Вас. больше никогда не виделись с ним.

Довольно скоро после крымской эвакуации было получено известие, что Соня с мужем и Верой благополучно выехали из Крыма.

Вскоре после Рождества Соня с мужем были уже в Лондоне. Вера приехала позже. Мы все поселились вместе в большом меблированном холодном доме около станции Виктория. Тяжелая это была зима для мамы и Гар. Вас. как в матерьяльном так и моральном отношении. Все мы держались только благодаря непоколебимой бодрости мамы и ее сознанию необходимости продолжать борьбу. Жили мы случайными литературными заработками. Гар. Вас. оказался безработным журналистом, да еще человеком, политические предсказания которого не осуществились. В течение зимы он написал несколько блестящих статей, поместив их в английских еженедельниках и ежемесячниках. Мама же почти ничего не писала, тогда еще не возникла эмигранская пресса. Но она продолжала работать в Комитете Освобождения России. Ежемесячный журнал, „ Нью Роша ”, выходивший под редакцией Милюкова, кончился. Только в августе 1921 года Комитету удалось наладить печатание нового журнала „ Рошиан Лайф ”, редактирование которого было поручено маме. В январе я опасно заболел и мне была сделана серьезная операция. В апреле у меня родилась дочка, Наташа. Несмотря на все эти семейные тревоги, связанные с хлопотами, мама много сидела за письменным столом, она писала роман. Общественная работа также брала у нее много времени. Литературная и общественная работа — это был ее привычный образ жизни, начавшийся по возвращению в Россию из Парижа в 1905 году и продолжавшийся в течение пятидесяти пяти лет.

Можно было бы отпраздновать много юбилеев, но мама с усмешкой относилась к таким юбилеям.

Во всем мире появился русский беженский народ. Для раздетых, часто, если не голодных, то недоедающих русских людей, требовалась срочная помощь, Мама основала в Лондоне Общество Помощи Русским беженцам, председателем которого она оставалась около двадцати лет. Для русских изгнанников в Константинополе, Болгарии, Румынии Лондон звучал очень важно и оказывается в нем есть центр, где о них заботятся. В наш дом начали приходить письма со всех концов мира, как от организаций, так и от частных лиц, с просьбами о помощи. Писали матери, прося поддержать их детей, писали боевые офицеры, писали инвалиды. Офицеры обычно просили газет или книг, иногда помощи в переезде из одной страны в другую. Мама всю жизнь, до самого преклонного возраста, сразу отвечала на письма. Не отвеченных писем у нее почти не бывало, кроме тех, которые вызывали подозрение. У нее даже было такое выражение : „ сегодня я истекаю письмами ”.

Кроме этой срочной благотворительной деятельности, у нее все время было сознание необходимости организации политических сил, подбора подходящих людей. О необходимости такого подбора она будет говорить в в письмах ко мне в течение всей своей жизни.

1-го февраля 1921 года мама писала мне в госпиталь :

„ Я получила из Парижа письмо подписанное Бурцевым, Карташевым, Алексинским, Семеновым, Яблоновским и другими. Они хотят собрать в Париже эмигранский съезд и поддержать Армию и вобще бунтовать против Милюкова ”.

В этом же письме она сообщает, что Родичев (член всех четырех Дум) хочет прочитать лекции в Лондоне и подработать деньги. Родичев просит маму помочь ему в организации этих лекций. Она постоянно получала такие просьбы и всегда делала, что могла для успеха таких лекций. Ген. Деникин, Бунин, о. Сергий Булгаков, Карташев и многие другие обращались к ней с этим. Все эти

люди, посещавшие Лондон проходили через мамин гостеприимный дом, некоторые останавливались у нее.

Несмотря на эту благотворительную и общественную работу, мама продолжает писать роман, надеясь на нем заработать деньги. Гар. Вас. приспособил этот роман для английского читателя. Поэтому на романе были поставлены имена их обоих, но вся выдумка была мамина и она одна написала основной русский текст. Роман вышел по английски под названием „ **Hosts of Darkness** " (Полчища Тьмы). По русски он был озаглавлен „ Василиса Премудрая ", но по русски он никогда не был издан.

2-го февраля мама писала мне в госпиталь :

„ Сижу, поправляю первую главу своей книги („ От Свободы к Брест Литовску ", возникло предположение о возможности издать ее по русски) и жалею, что нельзя чаще сидеть спокойно за работой, а приходится все время метаться и суетиться. В сущности говоря я уже имею право на кабинетность. Когда мы поселимся в деревне, я только два раза в неделю буду ездить в Лондон. Правда ? Когда взялась перечитывать книгу, то захотелось ее всю переделать. Но это сейчас мне не по силам. Нужны матерьялы, газеты, справки. А у меня в мозгу торчит роман, как заноза . . . Сейчас получила чек на десять фунтов для беженцев. Собираем понемногу. Авось еще подвернется что нибудь крупнее . . . "

8-го февраля мама писала мне :

„ Мы завтракали у Сетан-Ватсон (писатель специалист по вопросам Восточной Европы) с сербским посланником. Потом надо подготовить маленький доклад для заседания с англичанами о беженцах. Надо его составить, перевести и подписать. Все это возня, требует времени. А без англичан не двинешь сборов . . . "

Маме конечно мешали сосредоточиться на литературной работе не только общественные дела, но также и семейные и матерьяльные заботы.

В письме от 15-го мая ко мне в госпиталь, где я уже был во второй раз, она жалуется на то, что ее все время

что то отрывает. Пишет она из дачного предместья Лондона, где был снят дом на лето.

„Тут хорошо, — сообщает она, — и это такое счастье, что мы все вместе. В такие туманные, тяжелые эпохи, это дает опору и смысл. Я все еще ленюсь. Вожусь с домашними делами, занимаюсь мелочами. А пора уже приниматься за следующее (думаю, что она намекает о работе над биографией Пушкина) с горечью думаю, как безрассудно расточала я силы и дни на общественную суету, вместо того чтобы писать. Теперь многое понимаешь яснее, очертания жизни встают отчетливее, но процесс работы дается уже не так легко, как раньше."

Во второй половине мая мама уехала в Париж на совещание по вопросу об организации русского Национального Комитета.

В ее отсутствии произошло событие, которое совершенно изменило жизнь ее и Гар. Вас. Мой вотчим был без регулярной работы со времени возвращение с юга России. Это его очень тяготило, но он меньше всего умел искать работу. Однако в Лондоне он ее искал. Ему даже предлагали составлять тексты для объявлений ,но мама решительно его от этого отговорила. Тогда он сел в кресло и углубился в любимые книги, играл с нами в теннис в нашем саду, возился с моей полуторамесячной дочкой, иногда, но не часто, писал статьи в разные места. Обычно его статьи принимались, но иногда и возвращались.

У нас бывали гости, русские и англичане. Гар. Вас. в саду вел с ними тихие беседы. Можно было подумать, что он уже совсем отошел от жизни, вышел в отставку, но без пенсии. Доходов у него никаких не было. Мы втроем зарабатывали понемножку и на это жили большим домом. Иногда бывало очень трудно.

Но вот в одно летнее утро, разбирая почту, Гар. Вас. нашел приглашение от редактора „Таймса" Викам Стида, зайти к нему в редакцию. „Что еще ему надо от меня", сказал мне Гар. Вас. довольно безразличным тоном — мама была в Париже. Без особого энтузиазма он по-

ехал в „ Таймс " и, возвратясь, сообщил нам с некоторым удивлением, что Стид предложил ему попробовать писать передовые статьи. Никакого обещания определенного жалования не было. Напечатают статью — заплатят, а не напечатают — не заплатят. Он конечно сейчас же написал об этом маме, но отнесся к этому предложению довольно сдержанно и даже с усмешкой. Однако его статьи сразу обратили на себя внимание тогдашнего хозяина газеты лорда Нортклифа, редактора и руководящих сотрудников.

Гар. Вас. ожил и как то просветлел. Мама, возвратясь из Парижа, сразу заметила это и чуть ли не в первый день сказала мне : „ Я знаю, что для Гар. Вас. только надо найти правильное место и он сумеет выявить заложенные в нем силы и все накопленное чрезвычайное знание ".

Вопреки всем традициям и правилам „ Таймса " Гар. Вас. через три с половиной месяца уже был в штате газеты с регулярным высоким жалованием.

15-го сентября он писал мама в Наухейм :

„ Вчера Фриман (его непосредственный начальник) сказал, что он потрясен моей эрудицией. Я совершенно сконфужен. В этом есть что то ненормальное, когда человек чувствует себя сильным во всех отношениях ". Он сообщил, что писал одну за другой передовые о Венгрии, Малой Азии и Китае.

Жизнь мамы не сразу переменилась, Все ее внутреннее напряжение было направлено на русское дело, на стремление разъяснить европейцам сущность коммунизма, а также на помощь беженцам.

Ей хотелось оживить работу Комитета Освобождения России, деятельность которого заглухала. Только летом 1921 года ей удалось получить деньги на издание нового журнала „ Русская Жизнь " („ Russian Life "). Эти средства были получены из русских фондов, которыми располагал Совет Послов в Париже. В августе мама наконец смогла отправится в Наухейм на воды, которые так хорошо всегда отражались на ее здоровье. Ниже я привожу выдержки из трех ее писем из Наухейма по-

казывающих какое большое значение она придавала затеянному ею журналу.

„ Надо идти походом на Маклакова, писала она мне чтобы получить деньги на журнал. Я ему пишу прямо отсюда. Кроме того хочу, чтобы Саблин написал. Если он в городе, снеси ему прилагаемое письмо. И сговорись, как устроить чтобы переслать матерьялы с его уговаривающим письмом. Матерьялы вот какие : 1) английские экономические издания, где помещаны твои статьи, не все, но чтобы был солидный пакет. 2) оба листка о беженцах и о Совдепии, ко второму как приложение ругательную статью из „Дэйли Херальда", 3) „Рашиан Лайф" и если будут заметки газетные приложить их. Все это упаковать в один пакет и направить на имя Маклакова... Я обдумываю следующий номер и хочу чтобы ты подумал и написал мне свои соображения. Не попробовать ли печатать короткие рассказы ? Только их надо поискать. Подумайте вы вся молодежь и поищите у Куприна, у Толстого, у Зайцева. Какой экономический материал у тебя подбирается ? Нет ли подходящего в трудах торгово-промышленного съезда ? Очень важно было бы дать статью о положении рабочих. Особенно если бы можно было сравнить их жизнь теперь и раньше. Затем железные дороги. Ну конечно все о голоде и продовольствии..... ".

„ Конечно составляйте скорее номер, — пишет она. — Статью Полякова о помощи одобряю. Только конечно должна ее прочесть. Я писала ему, просила написать о концессиях. Это очень важно в связи с поездкой Уркварта. Насчет статьи об Армии, поговорю сегодня с Гучковым, может быть он кого нибудь укажет. Я уже давно написала Лукашу, но от него нет ответа. Кстати, послана ли „ Рошиаи Лайф " Врангелю и вообще на восток. Новогородцеву я уже писала. Напишу еще. Не знаю адреса Португалова. Напишу наудачу, а ты со своей стороны напиши ему. Для Блока никого не вижу. Кажется попробую сама. Ведь русские напишут для русских, а это надо для англичан. Когда возвращается Е.М.

Звягинцева ? о беженцах должна написать она. Ты дай разнообразные экономические заметки, а если есть материалы, то политическую советскую хронику. Но вообще надо конечно номер готовить. Ты спрашиваешь могу ли я думать ? Гораздо лучше могу чем когда готовили мы с тобой кувырком первый номер. Ведь я уже совершенно обновилась, хотя и взяла только первую половину ванн, наиболее слабых. Еще заставляю себя думать по лечебному, т.е. не волнуясь мыслями. Голова совершенно свежа. Но только боюсь чтобы в мое отсутствие не заползли в номер, вернее в его составление, К.Д. Набоков и Шкловский. Я понимаю, что Комитет обеспечен до января.... Пожалуйста не забудьте что 8-го сентября Наташины (моя четырехмесячная дочка) имянины ".

К составлению номера мама возвращается и в одном из следующих писем.

„ Конечно надо составлять номер, — пишет она, — вопросы можно теперь же наметить. Относительно убийств в Питере (вероятно Гумилева и других), надо еще подумать, как составить. В „ Руле " были сведения. Надо дать фактические данные. Тут же напечатать из „ Руля ", номер 235, воззвание арестованных иностранцев. Это дай перевести. А нашу оценку отдельно. Тут придется и о голодном комитете написать. Это я верно пришлю из Ниццы. Надо перевести послание Патриарха. Потом кажется в номере 238-ом „ Руля " очень полезное письмо, как достают от комиссаров лекарства. Тоже перевести. От Полякова надо добиться статьи о концессиях. Сегодня у меня был Смирнов (министр Временного Правительства), говорит, что в органе Штинесса („ Дейче Альгемейне Цейтунг) " очень отрицательно пишут о концессиях. Нужна статья о Польше и большевиках. Но чья ? Не напишет ли Набоков ? Надо написать о положении остатков Армии. Пусть Звягинцева это сделает. Это кроме того, что ей надо страницах на трех — четырех дать характеристику положения беженцев, детей, трудовых колоний и.т.д..... я боюсь, что Набоков не получает информации из Константинополя. Не списать

ли для „ Руля " отчет о Галлиполи ? Сделай это. Пусть Ольга Петровна (машинистка в Комитете) перепишет и пошлет.... ".

На письме приписка : „ Я купила Наташе серебряную ложечку. Ведь скоро будет кашу есть ".

Не только этой припиской ограничиваются письма о семейных делах. Они переполнены семейными делами и заботами о двух поколениях. Мама тревожится о здоровьи каждого из нас, дает советы, что делать, чтобы не уставать. Просит заботиться о Гарольд Васильевиче. Указывает, что надо купить. Во всех ее письмах домашним всегда две части — домашние заботы и общие рассуждения и указания. Из Илинга мы переехали в город опять в мелированный дом. Но благодаря работе Гар. Вас-в „ Таймсе " жизнь становилась все шире и не только в матерьяльном отношении. Начали появлятся новые знакомые. Мама все острее ощущала связь со всем миром и через мировые события смотрела на Россию. Она постоянно думала о своей матери и близких России. Все усерднее и усерднее она ходила в церковь.

„ Как всегда первая молитва о маме ", — отмечает она в своих записках.

В первые дни 1922 года у мамы появилась вторая внучка — у моей сестры родилась дочка Ариадна. Дом оживляется детским криком. Мама и Гар. Вас. сияли. Маленькие существа поддерживали в них жизненную энергии. Мама упорно работала над „ Russian Life ". Ее переписка с центрами русской эмиграции принимала все более широкие размеры. Но писательством она занималась мало. Только урывками работает над Пушкиным. Все больше и больше уходит времени на общение с людьми, англичанами, русскими и представителями других народав.

Весной 1922 года Гар. Вас. был назначен иностранным редактором „ Таймса ", но все же мы переехали на лето в Илинг и прожили там больше двух месяцев.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ И РАБОТА В ЛОНДОНЕ

С занятием Гарольд Васильевичем поста иностранного редактора „Таймса", темп его и маминой жизни изменился, изменилась вся их жизнь. В августе 1922 года я с семьей уехал приблизительно но полтора года в Берлин и знал об их жизни только по письмам. За это время я получил от мамы больше трехсот писем.

Весной 1924 года мы возратились в Лондон к маме в дом и увидели эту перемену.

Впервые за свою жизнь в Англии мама и Гар. Вас. взяли на долгорочную аренду большой немеблированный дом на Тайт стрит в Челси, одном из центральных кварталов Лондона.

Мама потратила много энегрии чтобы его устроить и сделать приятным для всей семьи, в которой уже насчитывалось три поколения. Весь конец своей жизни Гар. Вас. прожил в этом доме и очень его любил. Они обычно раз в год уезжали отдыхать в Европу и очень любили возвращаться „ к себе на Тайт стрит ".

Мама приспособила всю жизнь к работе Гар. Вас. Он уходил в пятом часу, возвращался к обеду, между семью и восьмью, и после обеда мама всегда провожала его в „ Таймс ".

Ей как журналистке, привыкшей к политической газетной работе, интересно было наблюдать, как происходит эта работа в самой влиятельной газете не только в

Англии, но может во всем мире. Не даром во время одного из своих странствований, где то в Савойе, католический епископ, в дом которого они случайно забрели, сказал Гар. Вас. — „ Таймс " — это великая держава ".

В начале мама старалась понять и определить, кто же делает политику в „ Таймсе ", чьи задания он исполняет. Но ей так до конца и не удалось этого понять. Она все больше и больше чувствовала, что Гар. Вас. совершенно свободен в определении курса иностранной политики „ Таймса ". Она внимательно присматривалась к событиям и к отношению к ним „ Таймса ". Мама всегда обсуждала все события с Гар. Вас. Иногда она бывала с ним несогласна. Но не настаивала на своем мнении.

„ Но так слепо ошибались мы, русские либералы, в политике, что нет у меня веры и в свое чутье " — записывает она в своем отрывочном дневнике в апреле 1923 года, о своих расхождениях с Гар. Вас. по Рурскому вопросу.

Французы оккупировали Рур. „ Таймс ", т.е. Гар. Вас., считал, что французы все излишне обостряют. Мама со своей стороны находила, что „ Таймсу " следует сказать Германии, что она должна нести последствия своего военного поражения.

„ Я это несколько раз говорила " (Гар. Вас.) пишет она, а потом следует фраза об отсутствии веры в свое чутье.

19-го апреля 1923 года в ее дневнике следующая запись :

„ В политике важна не столько логика, сколько психология. А психология и отдельного человека и толпы подходит вплотную к оккультным силам. Оттого Милюков, этот наиболее сильный, последовательный и волевой русский либерал, совершенно бездарный политик. Он презирал психологию и до сих пор не подозревает реальности вне видимого ". Мне думается что под оккультными силами в то время мама понимала „ силы потусторонние ". Позже она точнее осознала значение понятия „ оккультный ".

В эти годы все чаще в ее записках появляется упомянание о церкви.

Она пишет в дневнике :

„ Молилась в церкви. Просила, чтобы опять явились нам скрижали. Смутно в мире, добро и зло сплетаются, качаются. Как же жить, чего ждать ? И как всегда главная молитва о России. Ходили в церковь английскую вместе. Гнетет Гар. Вас. сознание ответственности за все, что он пишет. От „ Таймса " отзвук летит по всему миру. И если ошибиться, то ошибка может принять грозные размеры ". (12.VIII.23).

Позже опять такая же запись :

„ Господи, как трудно понять, как трудно увидеть пути ".

В одном отношении мама всегда оставалась спокойна. Она не сомневалась, что чутье Гар. Вас. в русском вопросе никогда его не обманет. в нем было твердое и абсолютно полное отрицание коммунизма и советчины. Он считал, что всякое сближение с большевиками при всех обстоятельствах, всегда вредно для тех, кто стремится к такому сближению. И он всегда с предельной ясностью выражал это свое мнение во всех своих статьях.

1924-й год был годом больших волнений для мамы. Впервые в Англии Рабочая Партия появилась у власти. Руководители Рабочей Партии тогда еще не обожглись на большевиках и между ними был полный аллианс, со стороны английских левых политиков самый чистосердечный, со стороны советчиков — стоит ли об этом говорить.

Мама испугалась того, что Рабочая Партия стала правительственной. Она решила, что если они добрались до власти, то их нельзя будет свергнуть обычными парламентскими способами.

К нам в Берлин полетели письма, чтобы мы на всякий случай запаслись английской визой. Маме логично казалось, что Рамзей Макдональд будет ставить палки в колеса русским эмигрантам, а у Гар. Вас. с переменой

министерства больше не было высоких связей. Однако, по просьбе Гар. Вас. нам сейчас же были выданы визы.

Приход Макдональда и Рабочей Партии к власти повел к сближению английского и советского правительств. Гар. Вас., сжавши губы, сердился.

Это волнение мамы и Гар. Вас. достигло кульминационного пункта 7-го аггуста 1924 года, когда Англия подписала соглашение с большевиками, которое им предоставляло признание **de jure**.

Привожу ниже запись мамы датированную этим числом :

„ Рамзей Макдональд подписал сегодня соглашение с большевиками. Третьего дня позвонил к Гар. Вас. его помощник и заявил, что переговоры прерваны рано утром ”.

„ В Министеристве Иностранных Дел днем Гар. Вас. застал полную растерянность. Грегори (постоянный секретарь министерства) сказал ему, что они сидели всю ночь до половины восьмого. По его мнению Иоффе, Томский (третьего забыла) вели игру на разрыв, а Раковский не был в это посвящен. „ Хуже всего, что они разорвали несмотря на то, что мы им все дали ”, с горечью сказал покорный чиновник. Один из молодых секретарей с отчаянием, показывая кипу бумаг и заметок, сказал : „ Ничего больше не понимаю. Весь день вносили поправки, меняли, в восемь часов я пошел обедать, взял ванну, надел смокинг, вернулся... и только в восемь часов утра вышел из Министерства. А заметки превратить во что нибудь связное уже не могу. „ Сначала думали, что все кончено. Пришел приказ от Понсонби (помощник министра иностранных дел) не считать переговоры прерванными. Стало ясно, что идет усиленная работа, напоминающая давление большевиков на Петроградский Совет в 1917 году. Когда вчера перед завтраком Гар. Вас. пришел согласно уговору в Мин. Ин. Дел. повидать Грегори, тот уже был на заседании, где готовилась капитуляция ”.

„ Палата вскипела, но что же из этого ? Больше-

вики, как умные и настойчивые дипломаты обработали Англию со всех сторон. Они уронили ее престиж во всем мире. Ее мировое влияние состояло из авторитета неуловимого и словам неподдающегося. Раковский пришел и сказал — вздор, мы сильнее. И показался сильнее. Говорят они шантажируют Макдональда компрометирующими его документами. Во время войны он неосто-сторожно подписал, что то пацифистское против короля и т.д. Я не верю. Не в этом дело. Просто они идейные товарищи. „Дэйли Геральд" так и писал: „Сначала договор с советами, потом сокрушим капитализм повсеместно". Сокрушат ли? Германия отбилась. Италия также. Франция отчасти. Но каша надолго. И как выдержит неизбежные социальные бури Англия? Думается, что через десять лет от Империи мало что останется. А как сложится жизнь на этом острове? Пшеницу сеять не привыкли, а фабричные колеса пожалуй станут".

„Трудно жить. Логика, простой язык фактов, не имеют влияния. Нравственные оценки и осуждения также. Героев Брест Литовска сажают на почетное место. Король жмет руку убийцам своего брата (двоюродного брата А.Б.). Может быть в такое время донкихотство воспитывать следующие поколения в идеалах правды, чести, справедливости, любви?

„Как тяжело сегодня Гар. Вас. Ведь за Англию стыдно. Смотрю назад в длинный свиток наших ошибок, безумия, мучений.

" Мы в России были мечататели, прямолинейные идеалисты, не реальные политики, не твердые, не умные. Но мы не скупали краденного, и ради наживы, ради торговли ради дохода (да еще и мнимого) мы не льстили убийцам, не обнимали палачей.

„Англия еще заплатит за это тяжелой ценой.

Если есть Бог на небе".

1-го октября мама сделала следующую запись:

„Все круче закручиваются качели. „Качает черт качели мохнатою рукой, качает и смеется..." Троцкий в марте 1918 года сказал Гар. Вас.: „Самое большое мое

желание увидить революцию в Англии ". Дождется ли он этого, кто его знает, но что и здесь слышен непривычный подземный гул, этого не отрицают и оптимисты ".

„ Вчера обедали у греческого посланника с Венизелосом и его женой. Она веселая, приветливая. Он помалчивал и жался. Недоволен „ Таймсом ". При Стиде (предыдущем редакторе) его больше поддерживали. Он маленький, сдержанный, похож на русского интеллегента, вроде Милюкова ".

Следующая запись в мамином дневнике (вернее случайных коратких записях) сделана уже 20-го ноября, т.е. после полной победы консерваторов над Рабочей Партией на парламентских выборах. Мама писана : „ За несколько дней до выборов было опубликовано письмо Зиновьева о всемирной революции. По общему мнению появление этого письма сыграло решающую роль при голосовании. В нем по существу ничего нового не говорилось, а только в более сконцентрированном виде рассказывалось о большевистских планах всемирной революции. После выборов появилось сообщение, что это письмо было подделкой. Уже это сообщение указывало на полную неосведомленность англичан, о тех целях которые большевики ставили себе и которых не скрывали ".

Во время последних дней предвыборной борьбы мамы в Англии не было. Он ездила в Эстонию на советскую границу, чтобы встретить свою мать (об этом ниже).

„ Пока ездила за ней здесь шел бой против левых, — писала мама. — Гар. Вас., как правильно сказал Бочарский (муж моей сестры) — был одним из начальников штаба. Следовало бы мне день за днем отмечать если не всю его работу, то хоть русскую ее часть. Выборы шли на русском вопросе и Рабочая Партия оказалась разбита, а главное разбиты либералы. Мы все трое, Гар. Вас., Адя (мое сокращенное имя в семье) и я получили давно неиспытанное умственное и нравственное удовлетворение. Вся страна слушала оценки коммунизма, которые мы дали еще семь тому назад. Казалось наши

слова падают в пространство. И вот теперь отклик докатился, — четыреста одиннадцать консерваторов как щит против красной чумы. Любовь к порядку, здравый смысл и моральная брезгливость английского народа сказались ".

„ На прошлой неделе у нас были гости. Хор (сэр Самуэл Хор, министр авиации, в консервативном правительстве) сиял. Грегори уверял, что в его душе никогда не было большевиствских бесов. Виллерт (чиновник министерства иностранных дел), который считался у Макдональда правой рукой по большевикам, еще в сентябре со снисходительной усмешкой говорил Гар. Вас. — „смотрите Вильямс вы не на ту лошадку ставите ". Он был уверен, что договор с большевиками будет скреплен. Теперь он и его жена страшно с нами ласковы, рассыпаются. А Грегори у нас сказал Саблину, что кабинет теперь выгонит Раковского ".

„ Вчера Хор спросил Гар. Вас. как им быть с большевиками ? Оказывается действительно многие члены кабинета не прочь их выгнать. Гар. Вас. сказал, что рано. Надо дать им резкий ответ на ноту Раковского о письме Зиновьева. Прямо сказать, что он лжет, отрекаясь от письма, так как оно настоящее. Повторить, что пропаганды не потерят (англичане). И затем никакой полемики. Пусть большевики пишут и говорят, что хотят. Но когда подойдет время — выгнать их ".

Хор поблагодарил за этот „ прекрасный совет ".

В одном из последних заседаний рабочего кабинета, Макдональд заявил, что у него есть данные предполагать, что письмо Зиновьева подделала я, при помощи кого то из Скотланд-Ярда и подсунула Министерству Иностранных Дел. Вот дурак ! Я и письма то не читала. Точно нет речей и писем Зиновьева за эти семь лет, где все то же говорится. "

К этому рассказу 23-го сентября 1934 года сделана следующая приписка :

„ Не помню от кого я это слышала, может быть от Полякова. Мог и выдумать ".

Мама также остро переживала всеобщую забастовку в Англии, организованную в мае 1926 года Трэд Юнионами. Среди забастовщиков были рабочие „Таймса", но не наборщики. Газета выходила на одном маленьком листке и совершенно не была похожа на монументальный „Таймс". Гар. Вас. продолжал нормально работать в редакции. Мама думала, что события будут развиваться и углубляться. Она тревожилась за общее положение, чувствуя невидимую руку большевиков. Все это ей было очень неприятно.

Она писала мне в Париж :

„Еще раз Христос Воскресе и спасибо всем за открытки и за письма и за первый автограф Таточки и за цветы. Хочу отправить (это письмо), хотя в почтовую забастовку я не верю. Но сегодня отправила Софе деньги, как только увидела афиши. Всеобщая забастовка! Надоело все это. Опять классовая борьба, дай Бог чтобы не война" (1-V-26).

Мама посылала почти ежедневно статьи о забастовке в Париж в газету „Возрождение". И несмотря на это у нее хватало сил и энергии добавлять эти статьи описанием развития событий мне в письмах.

Она считала провал этой забастовки победой общего дела. Очень картинно она описала, как лондонцы беспокоились, что прекратится подвоз продовольствия и как сразу настроение переменилось, когда под охраной солдат по Оксфорд Стрит загромыхали тяжелые военные грузовики с продовольствием.

Мама также принимала близко к сердцу Локарнское Соглашение, этот первый сговор союзников с немцами после первой мировой войны. Переговоры о заключении этого соглашения происходили в городе Локарно, в Швейцарии. Гар. Вас. своими статьями подготовлял и эти переговоры и заключение соглашения. Он постоянно указывал, что Германия нужна Европе.

Локарнский договор состоял из целого ряда соглашений взаимной гарантии, заключенных между этими странами. Главное соглашение касалось западных границ

Германии, устоновленных Версальским мирным договором.

Гар. Вас. присутствовал при торжественном подписании договора в британском министерстве иностранных дел.

Свой рассказ об этом международном торжестве он начал с описания того как зимнее солнце освещало воробья, сидевшего на карнизе здания. На следующий день репортер одной из лондонских вечерних газет, увидев в „ Таймсе ” эту фразу о воробье заметил :

„ Вероятно „ Таймс ” послал туда кого нибудь из своих самых ответственных сотрудников. Нам газетным поденщикам Флит Стрит не позволяется начинать с воробья, когда мы должны писать о таких орлах ”.

Мама и Гар. Вас. надеялись, что благодаря Локарнскому Соглашению удастся создать общий фронт против большевиков. Однако через некоторое время они увидели, что их надежды не оправдались.

Мама всегда принимала очень близко к сердцу все действия Английского правительства, направленые против советской власти, долго надеясь, что в конце концов Англия порвет дипломатические отношения с советским режимом. Ее очень волновал обыск произведенный английскими властями в советском торговом представительстве Аркос в Лондоне. В „ Возрождение ” летели статьи по этому поводу, а мне длинные письма.

Светская и общественная жизнь мамы и Гар. Вас. в Лондоне развивалась по двум направлениям. Положение Гар. Вас. обязывало его к светским отношениям в дипломатических кругах, как английских, так и иностранных. В те времена у мамы в доме постоянно бывали послы и посланники великих и малых держав. В свою очередь они постоянно приглашали к себе маму и Гар. Вас. Когда перечитываешь ее письма того времени, то удивляет один перечень взаимных приглашений. Бывали недели, что они выезжали, или к ним приезжали почти ежедневно. Просто непонятно, как у них обоих, при их напряженной работе, на это хватало времени, а может быть главное внимания.

Установились также дружеские отношения с англи-

чанами всех положений и состояний. У них часто бывал сэр Самуэл Хор (впоследствие лорд Темпельвуд) в продолжений многих лет занимавший различные министерские посты. Они завязали дружбу с видным чиновником министерства иностранных дел Ванситартом. Бывали у них и другие ответственные представители министерства иностранных дел. Очень многие английские государственные служащие интересовавшиеся русским вопросом также посещали их. Помню появление в гостинной большого чиновника из Индии, специалиста по борьбе с голодом. Он был послан английским правительством в Советскую Россию для выяснения причин голода 1921 г.

Бывали и писатели, Морис Бэринг, Свинертон. С Уэлльсом Гар. Вас. раньше дружил, но потом разошелся так как он в какой то мере оправдывал большевиков. Но у них бывали не только влиятельные люди. Они завязали дружбу со многими средними англичанами. У них бывали — хирург, молодая учительница, сестра милосердия, учитель английского языка, англиканские священники.

Мама была хорошей хозяйкой. Она умела принять и хорошо накормить гостей. Ей пришлось много повозиться с подысканием хороших кухарок и в конце концов она стала выписывать их из заграницы — из Франции и Швейцарии. Но она могла и сама приготовить вкусный завтрак или обед. Однажды в самый разгар приемов заболела швейцарка кухарка. Как всегда горничная в трафаретном белом чепчике подавала обед из кухни наверх в столовую (для этого существовал особый лифт). Но гостям трудно было догадаться, что кушанья были приготовлены самой хозяйкой.

Мама умела заводить и поддерживать интересные разговоры и знала чем можно заинтересовать каждого гостя. В ее столовой и гостиной разговоры никогда не ограничивались ничтожными восклицаниями или пустой болтовней.

В ее лондонском доме на Тайт стрит, а впоследствие и в других домах бывало не мало англичан всяких положений и людей различных национальностей, начиная

с американского миллионера Крэна и кончая турецкой писательницей Халидэ и издателем большой гельсингфорской газеты Эрко. Все это были не случайные посетители ее дома, а хорошие знакомые или даже друзья. Несколько раз тайком, оглядываясь, появлялись люди „ оттуда ”. Но длинные разговоры с ними велись при наглухо закрытых дверях.

Ее дом посещало также много русских. Каких только русских не перебывало у мамы в Лондоне. Многие приезжали за каким нибудь делом, за помощью. Кому только она ни оказывала помощи, начиная с И.А. Бунина и кончая шестнадцатилетним мальчишкой Колькой и международной воровкой. Кольку привели к нам в английский Сочельник два бравых инспектора полиции, очень похожие на тех, которых можно видеть на обложках детективных романов. С большим почтением, обращаясь к Гар. Вас. они пояснили, что предлагают ему, как выдающемуся эксперту по русским делам, взять мальчика, которому угрожает высылка. Кольку взяли, он прожил у нас несколько недель, был уличен во многих кражах и сдан обратно инспекторам полиции. Международную воровку мама посетила в тюрьме вместе с нашим дипломатическим представителем Е.В. Саблиным и оказала ей какую то, допустимую английским законом, помощь.

При помощи мамы для И.А. Бунина был устроен многочисленный прием в обществе английских писателей. На этот прием, в старомодном, плохо вычищенном сюртуке, вылез даже сам Джером Джером. Интересно было наблюдать с каким почтением относились английские молодые литераторы в смокингах к этому корифею английской литературы девятнадцатого века.

В ее гостиной появлялись русские митрополиты и епископы, генералы, профессора и писатели, а также рядовые скромные русские люди. Мама всегда с подчеркнутым вниманием относилась к белым русским офицерам. Все находили гостеприимный и радушный прием в мамином доме на Тайт стрит, а потом и в других домах.

Всегда во время своего посещения Лондона у нее

бывал митрополит Евлогий, которого она очень почитала. Позже она с горечью переживала решение митрополита Евлогия безоговорочно подчиниться Московскому Патриарху, объясняя это болезненной невменяемостью Владыки. В ее доме произошла первая встреча митрополита Евлогия с митрополитом Анастасием. У нее постоянно бывали профессора Парижской Сергиевской духовной академии. С о. Сергием Булгаковым и А.В. Карташевым она была в большой дружбе. Она неоднократно устраивала им доклады и знакомила их с англиканским духовенством. Помню однажды прием в честь наших богословов, когда вся гостиная была полна английским священниками во главе с епископом. Трудность была в том, что наши ученые богословы не могли говорить по английски. Но мама и Гар. Вас. преодолели даже эту трудность.

В помещении Российского Посольства мама устроила Карташеву доклад о Галлиполи. Карташев прочел этот доклад вдохновенно, подняв настроение всех присутствующих.

У нее постоянно бывали генералы Баратов, Головин, Геруа. Она всегда виделась с ген. Деникиным, когда он приезжал в Англию. Ген. Врангель в Англии не бывал и с ним она только переписывалась и после его смерти всегда жалела, что не познакомилась с ним.

С ген. Баратовым у нее вышел следующий анекдот. Мамина знакомая, жена лорда Данидин предложила свести ее и Баратова на заседание Палаты Лордов. Николай Николаевич Баратов всегда ходил в черкеске с кинжалом на поясе. Мало кому было известно, что лезвия у этого кинжала не было, но рукоятка была красивой кавказской работы.

У входа в Палату Лордов полицейский остановил английскую лэди, маму и Баратова и вежливо объяснил лэди, которую он знал, что в Парламент запрещено входить с оружием.

На это лэди Данидин быстро ответила :

— Но у генерала нет одной ноги.

— Ах сэр без ноги, ну тогда пожалуйте, — сказал, наклоняясь, огромный лондонский бобби.

На следующий день газеты отметили, что чуть ли не в первый раз в английской истории в первом ряду ложи для публики в Палате Лордов накануне сидел какой то русский генерал с большим кинжалом и что может быть это был сам генерал Деникин.

Мама и Гар. Вас. долго смеялись вспоминая этот случай. Им особенно нравился ответ английской лэди : „Но ведь генерал без ноги ".

Мама никогда не отделяла русских от англичан. Наоборот, она любила и их смешивать. Особенно популярен в ее доме был квартет Кедровых, производивший большое впечатление на англичан. Иногда она устравала какое нибудь серьезное собеседование. Помню блестящий доклад товарища председателя Государственной Думы бар. А.Ф. Мейендорфа. Он говорил о Судебных Установлениях Им. Александра Второго. Были собраны какие то английские юристы, для которых все, что говорил Мейендорф было настоящим откровением. Может быть многие из них не поверили бы докладчику, что в России до революции была прекрасная судебная система. Но они находились в доме такого большого знатока России, как Др. Гарольд Вильямс, и потому должны были верить словам докладчика.

Порой же просто приходили гости. Мама иногда находила, что одни люди не подходят к другим и старалась их не звать вместе. Но она не любила скрывать одних от других и особенно людей занимающих высокое положение от простых смертных.

Вспоминается вечер с многочисленными гостями, на который приехал с какого то заседания министр Его Королевского Величества, сэр Самуэл Хор с женой и тут же была лондонская русская молодежь и случайные русские приехавшие из Парижа.

У мамы был особенный дар оживлять разговоры, тактично отводить разговоры о погоде и никому не позволять скучать. Всегда где бы она ни находилась, ка-

кова бы ни была окружающая обстановка, она исполняла свои обязанности хозяйки активно, внося в них большую живость и возбуждая интерес гостей. Так было в Петербурге, когда у нее собирались русские писатели и политики, так было в Лондоне, где оказалось гораздо больше трудностей из за языковых препятствий. Но мама умело ломала как языковый так и всякий другой лед.

Это свое свойство она сохранила до конца своих дней и когда знакомые пришли поздравлять ее по случаю девяностолетия, то она сидя в своей вашингтонской столовой так же оживленно разговаривала со своими гостями, как она это делала в Петербурге в сорок лет.

Когда гости всяких калибров расходились то сколько раз я слыхал в Петербурге, в Лондоне, под немецкой оккупацией в Гренобле, в Версале, в Нью Йорке и в Вашингтоне, что они благодарили ее за очень интересный вечер. Я думаю, что люди, которые бывали у нее в гостях охотно это подтвердят.

К маме и Гар. Вас. приходили и другие гости с целью серьезно обсудить какой либо вопрос. Кого только не перебывало у мамы на всех континетах и в разные отрезки времени. Скажу только о русских. Я уже называл писателей и политиков. Дополню их список указанием, что большими друзьями мамы и Гар. Вас. были проф. М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, с которым она позже разошлась из за ее оценки ведения газеты „Возрождение". В эмиграции у нее бывали царские министры Сазонов и Риттих. Она виделась и поддерживала отношения с Кривошениным. Гучков стал бывать у нее только в эмиграции. Познакомилась она с ним во время войны на фронте. Но в России он у нее никогда не бывал. Она всегда говорила : „в этом человеке есть что то темное" и относилась к нему с осторожной сдержанностью.

У мамы конечно был мужской ум. Она сразу схватывала сущность обсуждаемого вопроса, как в частных беседах, так и на больших собраниях. С возрастом эта ее способность развилась и обострилась. В Нью Йорке, когда ей было уже за восемьдесят, она также точно формули-

ровала на политических заседаниях и собраниях мысли ораторов, как это делала в пятьдесят лет.

Из Лондона ей приходилось довольно часто ездить в Париж на разные совещания. С кем только ей ни приходилось совещаться, от Маклакова и Рубинштейна, который занимал видное положение в организации по защите беженцев, до церковных деятелей и генерала Кутепова.

В этот период своей жизни мама тратила очень много внимания и усилий на светские отношения, приемы у себя и посещения разных лиц. Все это она считала необходимым для Гар. Вас. Один день это был прием у австрийского посланника, через два дня прием в японском посольсве, завтрак у Хоров или у Карсавиной-Брус. В письмах мамы постоянно повторяются приблизительно такие фразы :

„ Ух тяжело, на этой неделе у нас два раза гости и мы выезжаем три раза ".

И несмотря на это у нее хватало времени, а главное необыкновенной внутренней сосредоточенности для литературной работы. Она очень часто писала статьи в русские эмигрантские издания и прежде всего в „ Возрождение ". Кроме того она ежедневно или почти ежедневно находила время заниматься большим литературным трудом. Она писала жизнь Пушкина.

И наконец сверх всего этого она отдавала очень много внимания своей семье. У мамы был беспредельный запас динамизма умственного и физического. И это несмотря на то, что она чувствовала себя физически слабой и постоянно ездила на воды, главным образом в Наухейм в Германию, восстанавливать свои силы.

В начале семья моей сестры Сони и я с семьей жили в Лондоне в мамином доме. Жили одной семьей. У мамы были три внучки, мои две девочки и моя племянница. Позже мы все, следующие поколения, переехали в Париж.

Несмотря на свою очень напряженную жизнь мама пристально следила за нашей жизнью и всегда готова была помочь когда требовалась помочь. У меня сохранилось от нее несколько тысяч писем, в которых наравие

с общими вопросами она обсуждает все мелочи нашей эмигрантской жизни.

2-го сентября 1922 года мама писала мне в Берлин :

„ Я ведь привыкла быть семейным антрепренером и если что не так сразу чувствую, что антрепренер прозевал ".

В эти годы огромным семейным событием для нее, да и для нас всех, был приезд в Лондон из Советской России ее восьмидесятисемилетней матери, которую все мы звали бибинька. Мама очень тосковала по бибиньке и тревожилась за нее, в письмах и в своих записках она не раз упоминает, что ее первая молитва всегда за бибиньку.

Изгнанная советскими властями из Вергежи, бибинька жила на соседнем небольшом хуторе. Мама ее снабжала посылками. Материально она была обставлена сравнительно удовлетворительно. Но конечно вся советская обстановка ее угнетала. В конце концов мама решила выписать ее к себе. Советские власти отпустили бибиньку без особых затруднений.

Мама поехала за ней через всю Европу в Нарву на советскую границу. До эстонской границы ее довезли, а мама встретила ее по эту сторону границы. Так что фактически бибинька оставалась одна каких нибудь сорок минут.

Как драгоценный хрусталь везла ее мама через всю Европу. После примитивной советской жизни бибиньке было все странно и необычно кругом. Своими острыми глазами художницы она внимательно все рассматривала. Первый раз в жизни она попала на море и несмотря на качку с интересом рассматривала его. Наконец она доехала до огромного чуждого Лондона. Но вот раскрылись двери и она увидела перед собой любимые взволнованные лица и незнакомых маленьких правнучек, с любопытством рассматривавших ее.

Больше всего конечно волновалась мама. Она нам все время повторяла : „ Для меня точно настала пасхальная неделя ".

В маминой доме бибинька была обставлена комфортом и уютом. Гар. Вас. ее очень любил и был горд ее появлением в его доме. Между ними было что то общее. Они оба светились каким то тихим светом и оба были исключительно благожелательны к людям. Мама в своих письмах неоднократно говорит: „а бибинька светится как всегда".

Бибинька любила спускаться вниз и сидеть за нарядными завтраками или обедами. Она даже завела себе друзей среди англичан, уже не говоря о русских. Она хорошо говорила по немецки и по французски, но английского совершенно не знала. Попробовала его учить, но из этого ничего не вышло. Но ей было довольно и двух иностранных языков чтобы объясняться с гостями. Она создавала ту атмосферу приветливой доброжелательности ко всем, которая всегда чувствовалась вокруг нее. Бибинька спокойно и почти без болезней прожила у мамы семь лет, пережила своего зятя и одну из правнучек и тихо скончалась на руках у мамы.

После того как бибинька появилась в Лондоне в мамином доме, мама всегда повторяла:

„За что это Господь дал мне такую радость, что мамуля со мной".

Одной из форм маминой общественной деятельности было участие в церковных делах, на что она тратила много времени. С каждым годом она все усерднее посещала церковь.

Такая напряженная, разнообразная и полная в душевном и интеллектуальном отношении жизнь мамы была возможна в значительной степени вследствие безмятежных отношений между нею и ее мужем Гарольдом Васильевичем Вильямсом. Они всегда и во всем были вместе. Никогда, буквально никогда, между ними не происходило никаких даже самых незначительных семейных раздоров. Они были очень нужны друг другу. Гар. Вас. преклонялся перед мамой, а она гордилась им и очень высоко его ставила. Надо сказать, что этого замечательного человека нельзя было не ставить очень высоко. Они жили полной

жизнью только когда были вместе. Расставаться они не любили даже на самый короткий срок. Мама всегда стремилась вернуться из Вергежи в Петербург, когда Гар. Вас. оставался в городе. Для них казалось бы совершенно немыслимым поехать на отдых друг без друга. Когда они бывали вынуждены расставаться, то принимали это как печальную необходимость. Они всегда скучали друг без друга и конечно, в случае разлуки, обменивались не только частыми письмами, но и телеграммами. Гар. Вас. всегда писал по русски, на английский он переходил, только когда писал стихи.

Взаимная крепкая привязанность была основным фоном их жизни. Гар. Вас. очень ценил мамины заботы о нем. Он знал, что мама обо всем позаботится и все устроит. Сколько раз он мне говорил : „ Какая она у нас замечательная, мама ". Это я слышал от него и в Петербурге-Петрограде, когда мама неожиданно уходила в какую нибудь общественную работу, а Гар. Вас. тихо сидел в своем кабинете и углублялся в какую нибудь толстую научную филологическую или этнографическую книгу. Такие же замечания я слышал от него в Лондоне, когда он уже был иностранным редактором „ Таймса " и когда мама быстро заканчивала блестящую статью, или по его просьбе устраивала неожиданный прием.

После таких приемов Гар. Вас. часто шутливо-церемонно кланялся маме и благодарил ее за то, что все было хорошо устроено.

Семейная группа в Лондоне.

Передний ряд: внучка Наташа Борман, мать С. К. Тыркова, А. В. Тыркова-Вильямс, внучка Дина Бочарская, дочь С. Бочарская. Задний ряд: невестка Т.В. Борман, сын А. А. Борман,

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РАБОТА НАД ПУШКИНЫМ. СМЕРТЬ МУЖА.

Мама написала биографию Пушкина и выпустила свой труд двумя томами. Она писала в Лондоне, а напечатала оба тома в Париже. Первый том, охватывающий жизнь поэта до его возвращения в 1824 году с юга на север появился в 1929 году. Второй том вышел тоже в Париже в 1948 году. В двух томах более восьмисот страниц. Это не только биография Пушкина, эту работу было бы более точно назвать : „ Пушкин и его эпоха ”.

Мама начала работать над Пушкиным в 1918 г., но писала она с большими перерывами, долгое время только подбирая материалы.

Она никогда не писала стихов, за исключением нескольких шуточных виршей. Но стихи она чувствовала и любила их с самого младенческого возраста. Они ее волновали, возбуждали ее воображение и заставляли еще глубже оценивать прелесть русского языка.

В ранней молодости ее любимыми поэтами были Пушкин, Лермонтов и Некрасов. Позже Некрасов попал в другую категорию. Но она всю жизнь продолжала считать его большим поэтом. Мама любила предреволюционную поэзию двадцатого века и многое в ней ценила, но не все. У нее были дружеские отношения почти со всеми первоклассными поэтами начала века. Многие из их стихов она также знала наизусть, как и стихи корифеев русской поэзии.

В молодые годы, и не только в юности, так как я это помню, она могла бесконечно декламировать стихи русских и французских поэтов. Иногда к ней привязывалась какая нибудь строфа и она долго ее повторяла, так как эта страфа звучала в ее голове.

Помню, во время напряженной журналистической работы в Государственный Думе, она в течение нескольких недель повторяла тютчевское :

Как эта ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь на землю пролила.

Когда мы были маленькими детьми, вероятно еще до обучения нас грамоте, мама любила усаживать нас около себя на диван и читала нам стихи и поэмы — пушкинские сказки и позже „ Полтаву " и „ Медного Всадника ", лермонтовского „ Мцири ", некрасовских „ Русских Женщин ". Все это было нам читано и перечитано.

Она очень высоко ставила Лермонтова и я долго не мог понять кого она предпочитает, Пушкина или Лермонтова.

Не понимая в чем дело, мы чувствовали ее эстетическое наслаждение, когда она декламировала :

И стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

Позже я не раз слыхал от нее.

„ А ведь у Белинского действительно был настоящий вкус, иначе он не обратил бы внимание на две пушкинские строчки :

Пади, пади, раздался крик,
Морозной пылью серебрится его бобровый воротник.

Когда мы подросли, сколько раз она нам с волнением в голосе декламировала :

Люблю тебя Петра творение,
Люблю твой строгий стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.

С годами, все больше и больше вчитываясь в произведения этих двух поэтом, она почувствовала, что гениальному гусарскому офицеру далеко до олимпийского исполина. Кроме того она все острее ощущала как глубоко ушли пушкинские корни в русскую народную стихию.

Работать вплотную над биографией Пушкина мама начала только когда они осели в Лондоне, когда был снят большой и просторный дом.

Совершенно возможно также, что чудесное появление бибиньки укрепило в ней то внутреннее спокойствие, без которого нельзы было начинать этот труд.

Мама долго собирала материалы, сидела в Британском Музее. Покупала книги. Кроме того ей очень помогла известная лондонская библиотека **London Library**. По ее указанию эта библиотека выписывала русские книги.

Как я уже говорил, с назначением Гар. Вас. на пост иностранного редактора „ Таймса ”, жизнь мама пошла очень напряженным темпом. Светская жизнь и общественные дела, писание статей для русской эмигрантской печати, семейные заботы о нас всех. И все же мама находила время и у нее хватало внимания работать над биографией Пушкина, главным литературным трудом ее жизни.

18-го июня 1925 года она писала мне :

„ Я выпью чай и примусь за Пушкина. Когда молишься за меня не забывай просить у Бога — „ Дай ей кончить Пушкина ”. У меня спокойная неделя без гостей, только толпа царскосельских лицеистов кругом ”.

Через две недели она пишет мне :

„ Я довольна, что у вас (в „ Возрождении ”) работаю. Пушкину это не конкуренция. Он идет. А вот завтра Саблин мне пришлет рукопись анти-лейбористского сборника. Надо перечесть. Это пробка ” (30-VI-25).

Британская Лейбористкая партия была тогда в самых дружественных отношениях с советчиками. В этом сборнике доказывалась неправильность политики Лейбористской партии по отношению к советам.

7-го июля она писала мне :

„ У меня сегодня битком набитый день ”.

Это значит что ей мешали работать над Пушкиным. Жалобы на то что ей мешают работать постоянно повторяются в письмах.

„ Я с усилием, с корявыми словами и мыслями возвращаюсь к Пушкину, — пишет она мне 4-го декабря того же года, — Меня сбыл мой последний налет на Париж. ”

Она ездила в Париж по какому то срочному общественному делу.

10-го декабря она пишет мне :

„ Идем завтракать с генералом Пулем. Надеюсь, что это последний завтрак пока не выпущу Пушкина из Лицея ”.

Генерал Пуль одно время командовал английскими войсками на архангельском фронте.

Колесо жизни, или вернее несколько колес жизни, многое очень интересное, ее так отрывало, что у нее до конца не было уверенности, что она кончит первый том.

В октябре 1925, она напоминает мне, что Толстой три года работал над Петром и в конце концов ничего не вышло.

И эта борьба за Пушкина со вниманием и со временем продолжалась у мамы более трех лет, до выхода первого тома.

10-го мая 1926 года мама сообщает мне, что она и Гар. Вас. завтракали с итальянским послом.

„ Эти выезды, — пишет мама, — отрывают меня от рабочего расписания. Я их сейчас не люблю . . . Надо притянуть свои мозги к Пушкину, хотя через час опять уходить на заседание Красного Креста, где, авось, вытяну для русских детей в Варне несколько десятков фунтов. ”

Отрывают ее от работы всякие, порой далекие события.

9-го ноября 1926 г. она пишет мне:

„Я наконец вчера, только вчера, вернулась к Пушкину. А сегодня Китай занял все мое внимание и время. Но ведь и Китай дело немаловажное. Надо и его переварить."

За три дня до этого она писала:

„Надо мне написать для „Таймса" некрологи Деникина и Врангеля (дай им Бог долголетия). Это можно скоро написать, а потом и за Пушкина."

Но оказалось, что не так скоро ей удалось написать эти два некролога. Материал о Деникине был под рукой, а о Врангеле пришлось собирать, списываться с Европой.

Она писала Соне:

„Я в музей хожу с упоением, похожим на запой. Это не надолго. У меня, как у пьяного дьячка, все уже прочитано, только не написано, а написать, до смерти хочется" (18-XI-26).

Маму постоянно волнует вопрос о том сумеет ли она передать читателям то очарование Пушкиным, которое ее захватило.

27-го января 1927 года она писала мне:

„Пишу тебе на кипе своих бумажек. Иногда прихожу в отчаяние. Взвалила на себя самые тяжелые тяжести. А справлюсь ли? Одно дело читать, выбирать, даже думать. Совсем другое дело из всего этого построить книгу, ясную и которую захочется прочитать. Ну делать нечего, побреду дальше."

И опять 10-го февраля:

„Но все эти мысли (о церковном расколе), письма, резолюции, телефоны, плохо вяжутся с трудной частью моего писания."

И через четыре дня то же самое:

„Я отбилась эти дни от Пушкина. Надо опять браться за свои листки. Но богословы внесли в мою жизнь суетливость."

Из Парижа приезжали друзья, русские богословы.

В одном из писем того же времени она говорит :

„ Вокруг меня листки, листы, Зеленая Лампа, Чаадаев и т.п. ”

А в следующем письме : „ У меня сегодня с двух до шести разговоры о церкви. Вечером лекция. Голова пухнет ”.

В письме ко мне в Париж из Наухейма, где мама проводила курс лечения, она писала :

„ Для меня биография Пушкина и школа и откровение, и отдых, и неиссякаемый запас русского духа. Я подумала о ней в январе 1918 года, в минуты беспросветной тоски, отчаяния. Много лет с тех пор прошло, мало я еще успела сделать. Но если справлюсь, то верю, что это будет настоящее „ белое дело ”. Источник веры в Россию. Я крепко это воспринимаю, но сумею ли передать ? Оттого так ревниво и отгораживаюсь от другой работы. Мелочи жизни без того неотступно теребят, такие, какие я обязана преодолевать, чтобы отдать свои мысли другому делу... ” (19-IV-27).

Дальше в этом же письме она пишет :

„... Я очень довольна, что и в Буживале (я) и в Лондоне (Гар. Вас.) меня ободряют.. Гар. Вас. мне даже телеграфировал « **resting with Pushkin** », щегольски составленная телеграмма. Правда ? ”.

23-го июня 1927 года мама писала мне :

„ Ты спрашиваешь о Пушкине. Я писала. Потом остановилась. Рылась, опять пишу. Сейчас сложила листки, чтобы поговорить с тобой. Все равно не успею до обеда собрать мысли, а главное их сократить. Это о Марии Раевской. Так много об этом пустяков написано. Надо их все забыть и остаться только с Пушкиным и с ней ”.

Осенью 1927 года маме как будто удается урывать больше времени на Пушкина.

Она пишет мне :

„ Я барахтаюсь среди заговорщиков и кинжальщи-

ков. Не так легко написать о них ясно и кратко, ровно столько сколько нужно для Пушкина" (15-IX-27).

13-го октября она пишет :

„Я брожу по Бессарабии, только не с цыганами, а с их певцом. Смутно мечтаю о сроках. Так хотела бы в октябре сдать в переписку, а в ноябре в печать ".

Она ошиблась в сроках ровно на один год.

29-го ноября она писала мне :

„ После завтрака с гостями, даже умными, я ошалеваю и возвращаюсь в Кишенев нетвердыми шагами. К счастью это время пишу каждый день ".

Мама не любила рассказывать о том, что она пишет. Бывают писатели, которым просто необходимо рассказать замысел своей повести или рассказа.

Мама же была крайне скупа на такие рассказы о своих писаниях. Она всегда говорила, что это ей мешает. Поэтому мы начали знакомиться с ее рукописью, только когда она была прислана мне в Париж для переписки.

5-го апреля 1928 года мама писала мне :

„ Меня очень радует, что вы с Соней читаете с удовольствием моего Пушкина. Я ведь тоже пишу его с удовольствием и мукой ".

Через десять дней она писала мне :

„ Мне было очень и очень приятно читать твои похвалы Лицейской главы. Я непременно сокращу, но когда все напишу. Над беснующимся Пушкиным я много повозилась. Очень трудно было строить. Надеюсь, что следующие главы пойдут по этому образцу. А то при всем моем упрямстве очень тяжело столько раз переделывать " (16-IV-28).

Несмотря на то, что она жалуется на тяжесть переделок и переправок она все время переделывала рукопись и вносила в нее поправки, стараясь постоянно улучшать.

В одном из писем ко мне она писала : „ Даже силач Толстой " Войну и Мир „ переписал семь раз, а некоторые главы и больше ".

Черновики всех ее рукописей, а не только ее ра-

боты над биографией Пушкина, пестрят поправками, иногда они настолько перечеркнуты и в них внесено столько поправок, что их бывает трудно разобрать.

На одном из ее черновиков хранящихся в ее архиве ее рукой написано „ ленивым писателям в назидание ".

1-го мая 1928 года мама писала мне :

„ Я устала писать и поэтому гоню Одессу, сколько только могу. Сейчас одиннадцатый час, а я сижу обложенная листочками. Правда мне днем помешали. В ближайшее время допишу. Конечно надо будет еще выправить перед тем, как отправить в переписку. Но первый процесс собирать в кучу для меня труднее всего. Получила письмо от матери Врангеля, в ответ на мое письмо о нем. Хочу ей написать, чтобы она приступила к сбору материалов о нем ".

17-го мая мама писала мне в Париж :

„ Насчет Гар. Вас. и меня не тревожьтесь. Мы ждем результатов знализа для него. И окончания Одессы для меня. Пока моя мозговая лаборатория работает усердно. Дай Бог не сглазить. И я знаю, что самое для меня разорительное, если бы эту работу пришлось бы почему нибудь остановить ".

Все лето 1928 года, мама очень упорно работала над рукописью. Уже много переписанных глав ей было прислано из Парижа. Ее переписчицей была ее старинная приятельница Мария Михайловна Кармина — Читау, в молодости актриса петербургского Александрийского театра. Впрочем не только в молодости в Петербурге она была актрисой. Я еще ее видел в Париже во французской пьесе.

Мама начинает видеть конец первого тома. Для нее это большое облегчение. Но одновременно с этим в ней растет беспокойство постепенно переходящее в тревогу за здоровье Гарольд Васильевича. В течение трех предыдущих лет в письмах ко мне она постоянно упомянает о его недомоганиях. Иногда беспокойство за него возрастает, иногда оно затихает. Но беспокойство чувствуется всегда. Летом 1928 года рентгеновские снимки

показанные лучшим специалистам не обнаружили у него ни язвы, ни опухоли в желудке. Конечно это успокаивает маму, но только на короткое время. Она видит, что Гар. Вас. не становится лучше. Лондонские и парижские медицинские светила не понимают, что с ним. Точно кто то закрывает их глаза. У него какие то боли в области живота. Мама внимательно и с исключительной заботой делает для него все предписываемое врачами. Она даже стремиться проявить иницативу и подсказать врачам возможный диагноз. Гар. Вас. продолжал как всегда работать в „ Таймсе ". Но все мы видели, что он чем то болен. В августе 1928 года была снята дача под Лондоном и мы все туда съехались. Гар. Вас., был оживленным и настойчиво учился управлять автомобилем. На дачу часто приезжали гости из Лондона и Гар. Вас, любил эти приезды. Маме порой казалось что ему лучше и что его силы восстанавливаются. Никому не приходило в голову, что его дни сочтены.

Осенью они решили ехать на отдых в Египет. Врачи и друзья очень одобряли эту поездку. „ Таймс " также поддерживал этот план, надеясь, что поездка принесет пользу его ценнейшему сотруднику.

Мама усиленно работала над рукописью, не прекращая даже своей работы на даче. Еще летом было решено, что она сама издаст первый том „ Жизни Пушкина ". Уже начинали поступать корректуры из типографии.

4-го сентября 1928 года она писала мне в Париж :

„ Стол завален. Мысли тоже. Все в книге. Четвертую часть посылаю в пятницу, надеюсь, что последнюю в середине будущей недели. Гар. Вас. хвалит. Значит он и корректор уже на моей стороне. Но так как я в своем лондонском уединении почему то накопила политических врагов, то жду, что книгу поднимут на дыбу ".

5-го ноября мама писала мне в Париж :

„ Посылаю тебе пятую часть. Это конец первого тома.... Устала. Дочитала себя до конца и вдруг нашел ошеломляющий страх, да разве так можно кончить. Гар.

Вас, уверяет, что должно. Он вообщем доволен. А у меня мозги исчерпаны до последнего предела. Ничего дописывать не в состоянии, кроме, конечно, предисловия..... Билеты на пароход уже есть. Мы должны выехать 22-го вечером из Парижа. Гар. Вас. эти дни был кислый ".

К письму приписка от 6-го ноября :

„ Нет, не посылаю, хочу еще просмотреть. Я рада, что тебе нравится ".

Уже ранее было сговорено, что Гар. Вас. сам приспособит мамину рукопись для издания по английски. Мама очень хотела, чтобы книга вышла до Рождества.

6-го ноября она писала мне :

„ Не хочу больше держать рукописи, а то она мне меньше и меньше нравится. А переписывать всю книгу заново, даже у меня нет энергии . . . Пожалуйста прочти прилагаемое письмо к Вальтеру (мой друг юности, специалист по художественным изданиям, которого мама просила поручить кому нибудь нарисовать обложку), а потом отдай ему. От обложки зависит заглавие, или это будет „ Жизнь Пушкина ", или „ Александр Пушкин ". Как заглавие первое лучше, но меня соблазняет поставить его автограф. Так сказать стяг водворить над кораблем . . . ".

И дальше в этом же письме она сообщает, что у Гар. Вас. было, что то вроде обморока. Вызвали доктора. Он сказал, что это переутомление.

На письме приписка от 7-го ноября :

„ Г.В. сегодня гораздо крепче. Головокружений не было. Авось не повторятся ".

5-го ноября Гар. Вас. написал последнюю передовую передовую в „ Таймсе ". Возможно, что в этот день он был последний раз в редакции.

Дня через три у него произошло сильное кровотечение. Его срочно перевезли в частную клинику и доктора высказались за немедленную операцию.

Друг нашего дома др. Фитцвильямс разрезал ему живот и убедился, что никакого прободения не было.

— Я его оперировал зря, — сказал маме хирург. Мама переехала в клинику и поселилась в соседней

комнате с больным. Меня вызвали из Парижа числа 14-го. Я застал Гар. Вас. почти в бессознательном состоянии. А мама сидела в соседней комнате, окруженная рукописью и корректурами. Она поразительно держалась и не позволяла себе впадать в отчаяние. Она все время подходила к больному, но у нее было достаточно силы воли, чтобы не показывать своей тревоги.

Гар. Вас, несколько раз делали переливание крови. Одно время казалось, что он как будто окреп. Мама просила меня сейчас же поехать в церковь и отслужить благодарственный молебень перед иконой преп. Серафима Саровского. Мне кажется, что я ее возил на этот молебень.

17-го ноября вечером Гар. Вас. вдруг стало хуже. Врачи нашли, что его положение, безнадежно. Они считали своей обязанностью подготовить маму к роковому концу.

Она посмотрела на Фитцвильямса и сказала с горькой улыбкой.

— „ Милый Фитц не надо, я сама все понимаю. ”

На следующий день в семь часов утра Гар. Вас. скончался.

Еще было темно, когда я привез маму домой. В полуобморочном состоянии она упала в столовой на ковер. Над ней стояла ее девяностолетняя мать бибинька. На ее лице отражалось глубокое горе.

Казалось, что мамино горе не знает предела. Мы все были совершенно ошеломлены кончиной Гар. Вас. Бибинька тихо сидела в своей комнате и только повторяла : „ Бедная, бедная Дина ”. Мама бесцельно бродила из этажа в этаж, не зная за что взяться. С утра дом начал наполняться друзьями. Мама это было кажется приятно. Мы все что то делали вокруг нее. Меня куда то возила лэди Оксфорд (вдова премьер министра). По дороге она мне все время повторяла, что Гар. Вас. был замечательный человек. „ Но и ваша мать исключительная женщина ”, — сказала она мне.

Днем с текстом некролога пришел помощник и друг

Гар. Вас. Филип Грэвс. Он осторожно вошел в спальню, где мама сидела за своим письменным столом, кругом лежали корректуры.

Сперва мама ничего не могла сказать Грэвсу, но потом справилась с собой и спросила о некрологе.

— Он написан, — ответил Гревс.

— Где текст ? почти строго спросила мама.

— Гревс с опаской взглянул на меня и сказал :

— Он здесь, у меня.

— Я хочу его посмотреть, — твердым голосом ответила мама.

— А может быть вам это причинит лишнюю боль?, — осторожно ответил Грэвс.

— Нет ничего, дайте его мне, — сказала мама встряхивая головой, точно что то отгоняя от себя.

Она внимательно прочла некролог и сказала Гревсу:

— Так не годится. Тут есть неточности. Необходимо выправить. Сядьте со мной рядом и сделаем это сразу.

— Но, Миссис Вильямс, вам не нужно сейчас этим заниматься.

— То есть как не нужно ? Это моя прямая обязанность, — возразила мама. Грэвс неуверенно сел с ней рядом. Я сидел с другой стороны стороны стола. В комнате больше никого не было.

Около получаса мама вместе с Грэвсом работала над некрологом и внесла в него те изменения, которые она считала необходимым сделать.

Уходя, около двери, Гревс тихо сказал мне :

— Ваша мать поразительная женщина.

Маме было пятьдесят девять лет. Она прожила еще более тридцати лет, сохранив почти до самого конца жизни исключительную ясность и свежесть ума. За последние три десятилетия она написала несколько книг и очень много блестящих статей.

У нее хватило силы воли не „ рассыпаться ”, как она часто говорила сама о себе. Недавно старый друг нашей семьи, тогда еще молодая учительница, а теперь

директриса большой школы Шейла Блюитт написала мне, что мама в первые годы своего вдовства постоянно повторяла ей „ жизнь есть жизнь " (**life is life**), т.е. что ее необходимо продолжать. И она не рассыпалась. Помогла ее привычка к умственной работе. Помогли также три поколения окружавшие ее. Я с женой и дочерью должны были скоро возвратиться в Париж. В доме с мамой осталась ее мать, свечение которой мама всегда чувствовала, ее дочь, моя сестра Соня, и ее шестилетняя внучка Дина.

10-го марта 1929 мама писала моей жене :

„ Мы живем изо дня в день, Плетемся. Бибенька, то гаснет, то опять светится. Софа работает. Я так вообще, Дина за всех полна жизни ".

В письмах ко мне постоянно упомянает как ее шестилетняя внучка поддерживает ее своей детской жизнерадостностью.

В этих двух строчках она неточно говорит о себе. Ей было тяжело, чрезвычайно тяжело, но у нее был такой большой запас внутренней энергии и я бы сказал интеллектуального динамизма, что она справлялась с собой. Уже в начале 1929 года она возобновит писать, участвует в церковно-общественной жизни и все время видит людей.

У нее появились новые хозяйственные, или вернее денежные заботы. Вместо большого жалования надо было жить на пенсию. „ Таймс " был щедр с этой пенсией но все же ее нельзя было сравнить с тем, что получал Гар. Вас. Появились мысли о необходимости заработка. Это заставило ее писать статьи для английских журналов. Но писанием очень трудно заработать в стране, когда местный язык не родной.

И в то же время продолжалась работа над правкой корректуры. Она уделяла много внимания выбору обложки, бумаги, вообще оформлению книги. В январе или феврале она с трудом пишет предисловия и просит меня пометить его 28-м декабря.

В предисловии она говорит :

„ Мне было очень трудно писать о Пушкине. И очень радостно. Ощутить, впитать в себя очарование, излучающееся от гениальной личности великая радость. И если читатель разделит ее со мной, моя работа не пропадет даром ”.

Мама с особой тщательностью выбирала эпиграфы к пяти частям первого тома. В первой части, озаглавленной „ Москва ”, она даже изменила своему основному плану.

Под первым эпиграфом :

Люблю от бабушки Московской
Я толки слушать о родне,
Об отдаленной старине,

она поставила второй эпиграф :

„ Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим ”. (Пушкин).

Иногда со стороны могло казаться, что в маме бурлит все та же спокойная энергия, в ней сохранился тот же динамизм, который был в ней до смерти Гар. Вас.

Но она хорошо умела скрывать свое горе, свою тоску разлуки. Иногда ее охватывал совершенный мрак. Ей временами казалось, что она сходит с ума.

Через тридцать лет я нашел в ее бумагах запечатанное письмо, адресованное : „ моим детям и друзьям, в случае моей болезни ”. Письмо, написанное по английски, датировано 6-го февраля 1929 года. Оно содержить просьбу, в случае ее сумасшествия, перевести ее во Францию.

Она постоянно посещает церковь и всегда просит Господа Бога дать ей полноту веры. В одном из писем ко мне она пишет : „ как бы мы все были счастливы если бы были уверены в личном бессмертии ”.

Она упорно борется с приступами мрачности. Дома, может быть больше всего ей помогает шестилетняя внучка Диночка. Заботы о другой внучке, моей дочке,

ее тоже поддерживают, но она в Париже, и детский голос Наташи не раздается около нее.

Общественная и социальная жизнь тоже не обрывается. Надо кому то помогать, с кем то списываться, что то решать в различных комитетах. Вокруг нее остается много друзей и знакомых, но главное ей необходимо возвратиться к писанию.

13-го февраля 1929 года она пишет мне :

„ Мне необходимо окунуть себя в обязательный умственный труд, но нет зацепки ".

Она пишет несколько статей для „ Таймса " и для разных английских журналов. И вдруг ее осеняет самая простая, самая естественная мысль — да ведь она же должна написать книгу о своем покойном муже. Однако, в известном отношении эта мысль ее ужасает — да разве я могу написать эту книгу. Мне не справиться с такой задачей — думает мама.

Но несмотря на свои колебания, несмотря на свою неуверенность уже в январе она начинает подбирать материал.

А в конце марта наконец появляется из типографии первый том Пушкина.

Его сразу встречают хорошо. Мама со всех сторон слышит хвалебные отзывы и в печати и в частных письмах. Это конечно ее подбадривает.

Вот образец рецензии на первый том „ Жизни Пушкина " появившейся за подписью. А. Никольского 19-го июля 1929 года в белградском „ Новом Времени " :

„ Солидный труд г-жи А. Тырковой-Вильямс „ Жизнь Пушкина " принадлежит к числу выдающихся по добросовестности исследований, любви к предмету и тщательности научной обработки. Это не есть шаблонное жизнеописание Пушкина и не только его биография, более того — это есть прекрасное художественное научное воскресение перед нами нашей национальной гордости, поэта и человека — Пушкина ".

Больше всего, может быть, доставило ей радости

известие, что ее старший брат в Москве с огромным интересом прочел ее книгу.

По поручению мамы, я отправил экземпляры „ Жизни Пушкина " в Советскую Россию, в большие русские книгохранилища. Но конечно у нас и в мыслях не было послать книгу в Советскую Россию родственникам или знакомым. Как попала книга в руки моего дяди, мы не знаем.

Положительные отзывы о „ Жизни Пушкина " мама будет получать до конца своей жизни, т.е. в течение более тридцати лет.

Ее духовный отец, протоиерей Николай Бер, с мнением которого она очень считается, говорит ей, что книга всем хороша, но у нее есть один большой дефект — она не кончена. Это мнение запоминается мамой.

23-го апреля 1929 г., мама пишет мне :

„ Похвала Рябушинского (Влад. Павл.) дает уверенность, что надо и второй том писать ".

Она сообщает мне, что Саша Черный прислал ей свою книгу с надписью : „ автору благородной и сердечной книги о Пушкине ".

Уже 17-го декабря 1931 года она пишет мне :

„ Да, я получила от Бориса Григорьева (художник) такое восторженное письмо о Пушкине, что почувствовала, что мне пятнадцать лет и юнкер объясняется в любви. Нет, без шуток, мне это было приятно ".

Уже в апреле она сообщает мне, что потихоньку начала подбирать материала для второго тома Пушкина.

Она писала мне :

„ Если бы ты мог заглянуть в мою спальню, то остался бы доволен. Книги о Пушкине лежат во всех направлениях и листы исписаны пометками, только голова не свежая " (29-IV-29).

„ Главное написать две книги, т.е. второй том Пушкина и книгу о Гарольд Васильевиче ", писала она 2-го июня.

4-го августа мама писала мне :

„ Гар. Вас. называл Пушкина " мой соперник, а 11-го октября мама говорит :

„ Между ним (Гар. Вас.) и Пушкиным жизнь была полна до краев ".

По странной случайности судьбы это соперничество продолжалось и после смерти Гар. Вас. Мама отложила работу над вторым томом „ Жизни Пушкина " и занялась книгой об ее покойном муже. Только после того как эта книга по английски была закончена, она вновь села за Пушкина. Работа над жизнью Пушкина была прервана на несколько лет.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В ЛОНДОНЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА

Мама прожила еще два с половиной года без Гар. Вас. в большом доме на Тайт стрит.

Полтора года — до конца своей жизни — с ней жила ее мать-бибинька. Все время с ней были ее дочь Соня и внучка Дина. Я с семьей жил под Парижем и мы редко приезжали в Лондон. чаще мама приезжала к нам.

Как полагается в Англии, Диночку отдали в закрытую школу вне Лондона. Хозяйкой этой школы была мисс Гризбах, а главной учительницей мисс Блюэтт. Обе они были друзья нашей семьи и не только заботились о маленькой школьнице, но и о ее матери и бабушке. Иногда они отпускали Диночку домой. Появление внучки в большом доме всегда поддерживало маму. Ей было безумно трудно справляться со своим горем. В начале все валилось из рук. Оиа с трудом могла на чем либо сосредоточиться.

На вопрос близких друзей, как она поживает, она часто отвечала : „ Разваливаюсь на куски ”.

Появились финансовые трудности. Пенсии не хватало на содержани большого дома. Материальные трудности часто ее угнетали. Но с другой стороны несомненно, что они помогали ей возвращаться к жизни. Каково бы ни было внутреннее состояние человека, но когда появляется счет, который нечем уплатить, то волей не волей приходится возвращаться к жизни.

В ее письмах все чаще появляются слова о том, что церковь и чтение Св. Писания ее успокаивают.

Необходимость в дополнительных деньгах заставляют ее думать о литературном заработке и о проникновение в английскую печать. Эти мысли тоже отвлекают от горя. Она садится за статью о Блоке для англичан и долго над ней работает. Пишет еще несколько статей. Постепенно возобновляет писание в русских эмигрантских изданиях, в „ Возрождении ", „ Руле " и ни как не может решить, продолжать ли ей работу над Пушкиным или вплотную засесть за писание биографии своего покойного мужа. В течение всего 1929 года в ее письмах мелькают сообщения о том, что она продолжает подбирать материалы для второго тома „ Жизни Пушкина ". Позже, однако, она окончательно откладывает Пушкина и сосредотачивается на биографии своего мужа. Ей и радостно и мучительно работать над этой книгой, преобладает то одно, то другое чувство. Иногда потеря так угиетает ее, что ей кажется, что она не сможет продолжать. Но в одном из писем ко мне, она пишет : „ Какая радость, что я прожила двадцать три года с ним ". И это чувство подталкивает ее на писание. Она пишет далеко не все время и не целыми днями. Кругом идет жизнь и мама по своему общественному темпераменту, не может не реагировать на происходящие события. Друзья, русские и англичане не оставляют ее в ее горе. Ее дом сохраняет традицию центра русского политического осведомления. Англичане, интересующиеся Россией, встречаются в ее доме. К ней обращаются за сведениями о России.

После кончины Гар. Вас. она со многими закрепляет и развивает дружбу. При его жизни все эти люди также бывали в ее доме но она слишком была поглощена заботами о Гар. Вас. и тогда, может быть не было такой потребности в близкой дружбе со знакомыми.

Конечно главная ее опора это мать, дочь и внучка, так хорошо поддерживающая ее своей детскостью. Моя дочь Наташа тоже давала ей много радости. Но она во Франции.

Из русских в Лондоне, укрепляется ее дружба с нашим дипломатическим представителем и председателем русской колонии Ев. Вас. Саблиным и его женой Надеждой Ивановной. Культурный русский дипломат, Саблин был полон русскими интересами. Он любил Гар. Вас. лично и оплакивал его как друга России. Ночь кончины Гар. Вас. они оба провели около него. У мамы с Саблиным общие интересы. Оба они зорко следили за русским вопросом в Англии, другими словами за ослаблением или усилением влияния большевиков.

Одной из наиболее близких русских к маме в Лондоне была Екатерина Михайловна Звягинцева, приехавшая в Англию с детьми еще в 1918 году. Сдержанная, если не сказать строгая, Екатерина Михайловна была всецело предана православной церкви и России. Она сразу почувствовала всю прелесть бибиньки и подружилась с ней. Но мама всегда умела дружить и с молодежью. Одной из таких ее молодых приятельниц была Нина Орлова (впоследствие Саговская). Доброжелательная, живая, талантливая художница, Нина вносила в мамин дом жизнерадостность молодости.

Надо сказать, что вся лондонская русская колония (Я говорю только о национально настроенных русских) очень дружественно относилась к маме и ее дом продолжал быть открытым для всех, кто по тем или иным делам приезжал в Лондон — от митрополита Евлогия и ген. Баратова и до рядовых студентов богословского института в Париже и рядовых русских офицеров.

Еще при жизни Гар. Вас. мама и он в Лондоне подружились с проф. М.И. Ростовцевы и его женой Софией Михайловной. Позже они переехали в Америку, но почти ежегодно приезжали в Европу и всегда виделись с мамой. Для мамы беседы с Мих. Ив. были интеллектуальным наслаждением. Он стал международно известным ученым историком и археологом и с усмешкой смотрел на жизнь, считая что истоки современности в древности. Но, как ни странно, его спокойная мудрость исчезала, как только он вспоминал о неминуемой смерти.

Из англичан, после смерти Гар. Вас. мама больше всего сдружилась с сэром Самуэлем Хором (впоследствие лордом Темпельвудом) и его женой лэди Мод. Во время первой войны Хоры были в России, где он исполнял какое то поручение военного министерства, но мама тогда с ними кажется даже не была знакома. Дружба завязалось после приезда мамы и Гар. Вас. в Лондон в 1918 году. Хор тогда уже был членом Палаты Общин. Позже он стал видным членом консервативной партии и занимал различные министерские посты. Он был министром авиации, Индии, внутренних и иностранных дел. Во время Второй Мировой Войны он был британским послом в Мадриде, а позже, получив титул лорда, заседал в Палате Лордов. Лэди Мод была не только светская жена министра, но упорная помощница своего мужа, много делавшая для него, особенно во время выборов а Палату. Интересы этой великолепной четы (это самый подходящий эпитет для них) были сосредоточены на политике и на английских государственных делах. Однако Хор не был узким политиком. Это был человек с широким культурным кругозором. Он знал несколько языков и читал русскую литературу в подлиннике. Для него были одинаково близки итальянский Ренессанс, интеллектуальное развитие Франции в XIX столетии и русская литература в период ее ресцвета. Как то, показывая маме свои книжные полки, Хор остановился перед романом Стендаля „ Красное и Черное " и сказал : „ вот самый замечательный роман современности ". Однако он сразу же оговорился : „ Ну конечно после „ Войны и Мира ". При этом он подвел маму к полкам, на которых стоял Толстой по русски.

По своим убеждениям Хор был законченным британским империалистом, а может быть даже всемирным империалистом. Он считал, что миром должны управлять несколько великих держав и был против дробления великих держав на маленькие государства. Он был глубоким консерватором не только в политике, но и в жизни и часто, смеясь, говорил, что больше всего хотел бы жить охотой и содержать свою семью продажей дичи.

На вид он был неприступным британцем, но вместе с тем в нем была какая то скрытая нежность, которую довольно часто можно обнаружить под крайней сдержанностью, порой на вид очень холодной, англичанок и англичан. Хор как то сказал маме, что внезапная смерть Гар. Вас. произвела на него такое сильное впечатление, что он собирался отойти от политической жизни.

Оба Хора действительно любили маму. Они часто приходили к ней запросто или звали ее к себе. Иногда мама приходила к ним, когда они сидели уже нарядные перед каким нибудь большим приемом — он в придворном мундире, она в соответственном платье, вся сияющая брильянтами. Но пила ли мама у них чай или была на каком либо торжественном обеде, когда она была одна или со своим потомством, то с Хора вдруг спадала официальная маска и он непринужденно болтал обо всем, что может интересовать человека большой культуры. Мама неоднократно живала у них в деревне. Хор днем все время бродил с ружьем, а вечером, разбирая государственные бумаги, достовлявлавшиеся ему из Лондона с курьером, непринужденно болтал со своей женой и мамой. Она часто упомянала мне в письмах, что Хоры на том же умственном уровне как и она и что это расширяет ее кругозор.

Хор внимательно присылал маме билеты на всякие торжественные церемонии. Мама со своей дочкой и внучкой смотрела юбилейные торжества двадцатипятилетия царствования Георга Пятого из здания Адмиралтейства, а свадьбы королевских сыновей из других правительственных зданий.

Другим англичанином занимавшим высокое положение, сохранившим дружеские отношения с мамой и всегда заботливо внимательно к ней относящимся был большой чиновник и писатель Ванситтарт. Он был начальник канцелярии при премьер министре Болдвине. Это был человек другого типа и не случайно что отношения между ним и Хором так никогда и не наладились, несмотря на все старания их общего друга Гаральда Вильямса.

Хор был деятельным творцом английской политики, или во всяком случае непосредственным участником ее выработки. Ванситтарт был одним из главных ее исполнителей. Это был типичный британец, немного с бульдожьей физиономией, решительный, быстрый, практичный и в то же время очень образовананый и с широкими литературными интересами.

Связь с „Таймсом" поддерживал помощник Гар. Вас., бесконечно ему преданный Филип Грэвс. Этот милый, добродущный ирландец не забывал маму и она бывала в его семье. Он любил приходить к маме и болтать с ней, а когда неожиданно, от укуса слепня, умерла его жена, то он приходил, садился и подолгу молчал. В 1935 году он оказал маме огромную услугу, проредактировав ее книгу о Гар. Вас.

В качестве давнего, друга еще с России, часто приходил и во всяком случае всегда звонил по телефону сэр Бернард Пэрс, или по русски Бернард Иванович. В нашей семье, еще в Петербурге, наша кухарка прозвала его Персик и эта кличка крепко к нему пристала. Перс считал мамину семью как бы своей и всегда очень мило болтал с бибинькой. Он очень высоко ставил Гар. Вас. как специалиста по России. Сам Перс также считался в Англии одним из специалистов по России. Он создал школу славяноведения в Лондоне. Но это была путанная голова и никогда нельзя было с уверенностью сказать, что побуждает его к тем или иным поступкам. Гар. Вас. всегда добродушно подсмеивался над Персом, и часто говорил : „ Ну наш Персик опять напутал ".

Английские друзья у мамы были в самых разных слоях общества — писатель Свинертон и шотландские мильонеры мукомолы Броуны, целый ряд англичан всех категорий интересовавшихся церковными вопросами и Россией, друзья старой России Редстоки, лорд и лэди Чарнвуд, учитель английского языка, видный журналист, поехавший в Россию прокоммунистом и вернувшийся оттуда ярым антикомминстом. Но необходимо отдельно отметит двух учительниц мисс Гризбах и мисс Блуэтт. Это были

два верных друга всей семьи, к которым мама неоднократно обращалась за различными советами, и которые с исключительным вниманием относились к ней, стараясь во всем помочь и облегчить ей тяжесть ее горя. Уже после маминой смерти мисс Блюэтт писала мне, что с первых дней знакомства она почувствовала исключительность мамы и Гар. Вас. и благодарит судьбу за это знакомство, которое внутреннее так обогатило ее.

Повторяю, знакомые и друзья постоянно бывали у мамы и она иногда бывала у них, хотя не очень любила ходить в гости. Постепенно жизнь втягивает ее в свое неостанавливающееся колесо. От горя и мрачности отвлекает ее церковь, общественно политические интересы и семейные заботы о трех поколениях.

В начале тридцатых годов в Лондоне среди английской интеллегенции было довольно модно быть розовеньким или даже красненьким. Отрыжка этих увлечений коммунизмом чувствуется еще до сих пор. Ареной словесной борьбы с этими течениями оказался Королевский Институт по Иностранным Делам. Члены этого Института могли быть только британские подданые, но иностранцы могли выступать в нем в качестве докладчиков. О собраниях было запрещено давать отчеты в газетах. Мама в качестве члена этого своеобразного учреждения все чаще начинает принимать участие в прениях. Постепенно участники этих закрытых собраний начинают понимать что Миссис Гарольд Вильямс не оставит в покое ни одного оратора, расхваливающего большевиков или советский режим. Маму не смущает несовершенное знание английского и ее акцент.

— Если меня разозлить, так я и по китайски заговорю —, писала как то мне мама.

Она в России получила хорошую тренировку выступлений на политических минингах, особенно в спорах с левыми. Кроме того у нее был природный дар сразу схватывать сущность вопроса и быстро формулировать чужие и собственные мысли. Поэтому ее выступления всегда по существу и отличаются ясностью, несмотря на

то, что она говорит не на родном языке. Она очень хорошо осведомлена о русских делах и всегда знает, что и как ответить.

Розовые и красные попутчики большевиков всегда с опасением оглядывались в ее сторону, а единомышленники всегда благодарили ее за такие выступления, не только сразу после заседания, но и на следующий день по телефону. Эти заседания Королевского Института являются своего рода отдушиной для ее общественного темперамента, хотя она часто и сердится на настроения среди английской интеллегенции. В английских журналах и газетах она пишет очень мало, но все же иногда помещает в них статьи.

Она посылает много статей в русские эмигрантские издания. Через несколько лет она станет регуляным лондонским корреспондентом рижской газеты „ Сегодня ".

Она постепенно сосредотачивается на подбирании материалов для биографии своего мужа.

Заботы о семье отрывают внимание, но приносят успокоение. Она все время старается обставить как можно более комфортабельно свою мать, зная, что она молча страдает за нее из за кончины Гар. Вас.

Мама всегда хочет доставить какое либо удовольствие дочке и внучке Собирает для них гостей, водит по театрам, по выставкам. Но все в жизни кончается. В начале июля 1930 года заболела бибинька. Меня вызвали из Парижа. Она меня еще узнала и улыбнулась своей улыбкой, в которой было так много любви. 18-го июля ее не стало. Ей было 93 год. Большая часть ее потомства была на востоке. На ее похоронах мама остро почувствовала оторванность от большой семьи.

Тяжела для нее была потеря бибиньки. Она решила ехать с двумя внучками во Францию, в горы, в Савойю. Заботы о двух любимых внучках, которым еще не было и десяти лет укрепили ее жизненные силы.

Приехав в начале августа в Отран, (Autrans), в Савойе она писала :

„ Минутами так остро чувствуешь, что нет бибиньки.

Привыкла ей все в письмах рассказывать и от нее получать такие теплые отклики. Сколько она нам давала и с таким бескорыстием духовным ".

Больше чем через год, 28-го сентября 1931 года мама писала мне :

„ После завтра бибинькины имянинны. В этот день мы все в разных странах будем думать о ней. Мысленно вернемся к старой жизни, к старым местам. Большой стол в столовой, цветы, молодые лица. Дедушка такой в этот день праздничный и бибинька в кресле с гирляндами. И за окном Волхов и наши новогородские просторы. Я ведь верю, что мы с тобой их еще увидим, хотя враг силен и лукав. Как много вносит в наш ум и наше сердце мгновенность нашего земного бытия, которое то до краев наполняется энергией, движением и радостью, то вдруг мы стоим над какой то жуткой пустотой. Зачем нам дано испытывать любовь и привязанность, а потом кажется, что таинственные силы уводят их от нас. Если бы только выработать в себе щедрую ясность бибиньки, ее уменье любить и ничего не требовать ".

Но внучки не позволяют маме предаваться печальным и тяжелым мыслям. Мамины письма из Отрана, — а она нам писала почти каждый день, — переполнены описаниями детской жизни и ее забот о внучках.

Для мамы самое любимое время это проводить летние месяцы с внучками и они ей щедро платят за это, не скрывая, что любят эти летние каникулы, проведенные вместе с бабушкой. Следующие четыре года она каждое лето будет ездить с внучками, или куда нибудь во Францию, или в Англию — два лета подряд они проводят в Корнаваллисе у двоюродного брата Гар. Вас., местного фермера.

Уже в конце августа 1930 года мама пишет мне из Отрана :

„ Ты обо мне не беспокойся. Мне это место, а главное общество внучек пошло на пользу. Я расправилась. Я сейчас устаю, от воздуха и от мелких хлопот со спиртовками. Но внутри спокойнее, чем можно было бы

ожидать, после двух таких потерь. От детей веет живительной свежестью ".

„ Для человека важнее всего — это способность любить. Его способность раздвигать мысленные пределы видимого мира.... " — пишет она мне.

Возратясь в в Лондоне, мама с большим упорством садится за книгу о Гар. Вас. 2-го ноября она пишет мне :

„ Я не могу и не должна писать ни о чем другом, пока не напишу о Гар. Вас ".

Однако, она работает над статьей о Блоке для англичан. А.А. Блока она знала хорошо лично. Он у нас бывал в Петербурге. Мама вспоминает, что в честь красавицы бабушки Блока, она была названа Ариадной. Дед и бабушка поэта хорошо знали маминых родителей.

28-го декабря 1930 года она мне пишет :

„ Все читаю Блока. Он жил как в плену, свободный и в то же время скованный. Вдумываясь в его жизнь, я еще острее ощущаю ту светлую свободу и то богатство (духовное А.Б.), в котором мы с Гар. Вас. жили ".

Маме иногда кажется, что она теряет писательские способности. У нее совершенно не верное ощущение, что ей труднее писать большие статьи и особенно книгу. Пройдут два десятилетия, а она будет писать может быть более блестяще. Она пишет мне :

„ Я немного расправляюсь, только бы опять стать писательницей " (30-1-31).

И опять :

„ Мысли о статье (о Блоке) бегают в мозгу, как кролики вечером на лужайке " (5-II-31).

Финасовые трудности увеличиваются и в конце концов возникает вопрос о продаже дома на Тайт Стрит, в котором прошли ее очень счастливые годы. Для нее это не просто сделка. Она долго колеблется, советуется со всеми друзьями, что мало похоже на нее. Наконец дом продан. Она сперва уезжает с Соней и Диной к нам в парижское предместье, потом поселяется в меблированной комнате и только через несколько месяцев снимает

новый дом. И несмотря на свой кочевой образ жизни, она все усидчивее пишет биографию покойного мужа. За ней ездят чемоданы с материалами и рукописями.

В начале мая 1931 года в Англии поднимается шум из за принудительного труда в Советском Союзе. Мама вместе с председателем русской колонии в Лондоне Е.В. Саблиным затевают собрать подписи под протестом против коммунистического рабского труда и передать этот протест в Лигу Наций.

Во всех европейских странах среди русских эмигрантов идет сбор подписей. Подписные листы направлялись в Лондон к Саблину. Было собрано больше ста тысяч подписей. Однако дальше дома Саблина этот протест русских эмигрантов никуда не попал. Лига Наций отказалась его принять. Уже в Вашингтоне в 1956 году, мама составила подробную записку об этом протесте русских эмигрантов против рабского труда в Советском Союзе.

В этой записке мама рассказывает, как в мае 1931-го года а Англии, в Парламенте и в печати началась кампания против рабского труда в Советском Союзе. 5-го мая выступил по этому поводу Лорд Филлимор. 16-го мая в „ Таймсе " появилась первая из трех статей под названием „ Русские каторжане ".

„ Все эти речи, выступления, обличения, вызывали в русских людях потребность напомнить миру, что не только в Африке, но и в Европе существует государство где, уже в двадцатом веке, коммунистическое правительство ввело массовый принудительный труд и рабство, — писала мама в своей записке, — Мы с Саблиным, возглавлявшим в Англию русскую колонию и последним дипломатом Императорской России, задумали предложить русской эмиграции собрать подписи под заявлением в Лигу Наций по поводу рабства установленного советской властью в России. Составили текст очень короткий. Вот он с немногими сокращениями :

„ Российская эмиграция рассеянная по всем странам мира, но сплоченная любовью к отечеству и болеющая о его судьбах, с глубоким интересом следит за той гуман-

ной работой, которую, проделала Комиссия Лиги Наций по борьбе с рабством. Российская эмиграция позволяет себе надеется, что члены названной комиссии не ограничатся расследованием вопроса о рабском труде среди цветных народов, но обратят свое внимание и на Россию. Там, как известно, трудящееся население лишено права свободно распоряжаться своим имуществом, выбором места жительства, работы и заработка. Это поставило его в такое положение, которое при несомненном наличии принудительного труда лучше всего. характеризуется словом РАБСТВО ".

„ Далее мы указывали на ряд официальных и авторитетных изданий, где с неопровержимой ясностью приводились сведения о рабстве в России, население которой подвергается неслыханным насилиям, продолжала мама в своей записке, — Жители ее под страхом смерти обречены на молчание. На нас, русских, пользующихся свободой в тех государствах, которые оказали нам гостеприимство тем более лежит долг возвысить наш голос и привлечь внимание Лиги Наций к необходимости срочно рассмотреть вопрос о принудительном труде в нашем отечестве. Русская эмиграция выражает надежду, что Лига Наций поможет мировому общественному мнению иметь наконец определенное суждение по этому грозному вопросу. Мы глубоко уверены, что те же чувства справедливости, гуманности и общечеловеческой солидарности, которые руководили трудами членов комиссии по изучению положения цветных рабов, помогут им дать должную оценку тому состоянию, в котором ныне находится порабощенное население христианской России ".

„ Опубликовывая этот текст, мы сопроводили его в газетах „ Обращением к соотечественникам за рубежом", в котором мы указывал, что вопрос о принудительном труде в нашем отечестве представляет одно из грозных явлений политической и экономической современности Мы также отметили в этом обращение его моральное значение ".

„ Наступил момент, — писали мы с Саблиным, — когда русской эмиграции надлежит принять более деятельное участи в выявлении иностранного общественного мнения в этом вопросе... Лига Наций является лабораторей, где утверждается международное общественное мнение. Мы приглашаем русские организации и всех желающих присоединиться к нашему почину, собирать подписи и посылать их Саблину, или прямо Генеральному Секретарю Лиги Наций ".

„ В русской среде наше обращение встретило такой отклик, на который мы с Саблиным и не рассчитывали. Главный поток писем и подписей направялся к нему и, я надеюсь, сохранился в его архиве. Он складывал их в чемоданчик, который демонстрировал перед теми от кого ждал поддержки нашему почину. К нам присоединнились более полутораста русских общественных организаций и учреждений. Дружно поддержала нас русская зарубежная печать. В Париже „ Возрождение " и „ Россия и Славянство ", в Берлине „ Руль ", в Варшаве газета Д.М. Философова „ За Свободу ". Печальным исключением были выходившие под редакцией Милюкова „ Последние Новости " За то пробегая составленный Е.В. Саблиным список присоединившихся организаций, который заполнил четыре страницы на машинке, я нашла : „ Лист профессоров Русского Научного Ииститута в Берлине " за подписью С.Л. Франка. Это было для меня глубоким удовлетворением. Сотрудничество таких людей как С.Л. Франк вносит в наше начинание моральную поддержку, придает душевной бодрости тем, кто старается его осуществить ".

„ Само собой разумеется, что сразу отозвались воинские организации, во главе с Общевоинским Союзом. Как на смотр явились. Очень горячо отозвались русские живущие в Польше. Подписи собирались тысячами. Кампанию вела газета „ За Свободу ".

„ Ее парижский корреспондент, А. Питерский, в статье „ Надо собрать 100.000 подписей ", писал :

„ В русской эмиграции сильно развит скептицизм,

отсутствие веры в успех всяких выступлений против большевиков, что, конечно, ловко поддерживается кремлевскими агентами. Этот скептицизм в отношении к Лиге имеет свои основания. Но самое страшное в жизни, когда скепсис парализует действия ".

А. Питерский горячо призывал русских стряхнуть с себя это оцепенение и присоединиться к воззванию ".

„ Но надо было достучаться до иностранцев. Тут двери оказались заперты. К русскому голосу прислушиваться не нашли нужным ".

„ 3-го июня лорд Роберт Сесиль произнес в Лондоне в Институте по Иностранным Делам речь против рабства, в которой говорил, что самое его существование является большим злом. Я присутствовала на этом заседании. Я и лично знала лорда Сесиля. 12-го июня, еще до опубликования нашего обращения к Лиге, — оно было напечатано в русских газетах 18-го июня, — я написала ему письмо благодаря его за эту речь., за то что он высказал пожелание, чтобы этот вопрос был рассмотрен в Лиге Наций. Я указала на то, что швейцарский делегат в Международном Бюро Труда внес предложение о рассмотрении вопроса о принудительном труде в России. Я просила лорда Сесиля поддержать швейцарского делегата своим авторитететым словом ". „ Условия жизни в России, — писала я лорду Сесилю, — имеют огромное влияние на политику, экономику и мораль всех стран, включая Англию. Как вы сами указывали, главным оружием против зла, служит международное общественное мнение. Лучшим местом для его выработки является Лига Наций, где вы один из самых влиятельных руководителей. Поэтому я и обращаюсь к вам. Фактов и сведений в Англии собрано достаточно. Теперь остается только вынести обдуманное, по возможности беспристрастное суждение. Настало время произнести его в Лиге. Ее молчание не усилит ее авторитет ".

„ Лорд Сесиль сразу же ответил. Английского гуманиста мое письмо просто напугало. Он писал мне, что это недоразумение что „ условия труда есть дело внутрен-

ной политики, поэтому находится вне сферы деятельности Лиги Наций ".

Но Республику Либерию за торговлю черными невольниками Лига осудила ".

„ Лорд Роберт Сесиль хороший человек. Мечтатель, идеалист. Барин, считающий себя демократом, что придает ему сходство с некоторыми русским либеральными барами. В Лигу он верил упрямо, слепо. Он не мог не знать что устав Лиги строго осуждал принудительный труд ".

„ Но это было время когда деятели Лиги воображали, что необходимо какой бы то ни было ценой привлечь в свой состав Советское Правительство. Ради этого даже такие порядочные люди, как лорд Сесил, готовы были закрывать глаза на лагеря, на расстрелы, на пытки, на все преступления коммунистической власти. Они никак не могли понять, что в лице коммунистов человечество столкнулось с новой, небывалой властью, отрицающей всякую мораль, всякое понятие о праве, являющейся воплощением зла ".

„ Моральная извращенность коммунизма и сейчас еще далеко не всем и не до конца понятна. Даже не все русские отдают себе полный в ней отчет. А тут еще в Женеве появился Литвинов, ловкий, умный, знающий полититическую психологию запада, в особенности Англии. За ним ухаживали. К нему вся Лига Наций прислушивалась, включая Антони Едена, нынешнего премьера Англии (эта было написано в 1956 году) Тогда и пустил Литвинов свое лживое и цепкое словечко — сосуществование ".

„ Моя попытка прилечь лорда Сесиля кончилась ничем. Также неудачно было и наше обращение к Генеральному Секретарю Лиги Наций, сэру Эрику Друммонду. Он ответил нам кратко и сухо. Вот текст его ответа переведенный на русский язык :

„ Имею честь осведомить миссис Вильямс и Мр. Саблина, что я не уполномочен представить их предложение на рассмотрение компетентных органов Лиги, так

как подобные шаги надлежит делать только по официальной инициативе одного из правительств стран, входящих в состав Лиги ".

„ Получив этот ответ, Е.В. Саблин, у которого были дружественные связи с посольствами, отправился на поиски такого посредника. Об Англии и думать было нечего. Рабочее Правительство на это не пошло бы. Е.В. Саблин со своим чемоданчиком отправился к своему давнему приятелю, французскому дипломату, который хорошо понимал коммунистическую опасность. Он сразу сказал, что французское правительство ничего не сделает. Франция боится Германии, ищет сближения с Россией и не предпримет ничего, что могло бы задеть советское правительство. Е.В. Саблин писал мне, что после этого разговора он побывал в редакции одной очень влиятельной английской газеты, где ему высказали сочувствие, обещали наше заявление напечатать (что кажется и было исполнено) но предупредили, что при существующей обстановке ни Франция, ни Великобритания не предпримут ничего, что могло бы осложнить отношения с Советами ".

„ И так рассчитывать на большие державы не приходилось. Из меньших государств наиболее естественным казалось обратиться к Югославии. Король Александр был неизменным защитником русских.

Но Югославия была в финансовой зависимости от Франции. Нельзя было такой просьбой ставить в затруднительное положение одного из немногих активных друзей русских. Пришлось и от этой мысли отказаться ".

„ Прошло несколько месяцев. Е. В. Саблин подсчитал, что под обращением собрано более ста тысяч подписей, если считать членов организаций присоединившихся к нам. И все время приходили новые подписи к Саблину, ко мне, прямо в Лигу. Но до так называемого цивилизованного человечества голоса наши так и не дошли.

„ Нам не удалось пробудить страх за будущее, за семью, за свою страну, за свою душу И надежда, что проснется мировая совесть оказалась иллюзией ".

Это сообщение мамы было составлено двадцать пять лет спустя после сбора русских подписей,

В конце своей записки мама указывает что происходят какие то сдвиги. В некоторых государствах, особенно в Соединенных Штатах просыпается инстинкт самосохранения, а Международное Бюро Труда опубликовало отчет в шестьсот страниц о „ Принудительном Труде ” в котором сто страниц отведено суровой оценке положения заключенных в Советских лагерях и тюрьмах. В этом отчете указывается что вольные рабочие мало чем отличаются в Советском Союзе от положения лиц приговоренных у принудительному труду.

В своей записки написанной четверть века спустя после сбора подписей под обращением протеста, мама несколько сузила отклики, В сообщении напечатанном в парижских русских газетах за ее и Саблина подписями 1-го августа 1931 года указывалось что кроме упомянутых выше изданий это обращение также было поддержано рижским „ Сегодня ”, „ Борьбой за Россию ”, Часовым ”, „ Вестником Крестьянской России ”, „ Центральным Комитетом Крестьянской России ”, „ Союзом Донских, Кубанских и Терских казаков ”, „ Отечественным Объединением Русских Евреев ” и многими другими изданиями и организациям.

•

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РАБОТА НАД БИОГРАФИЕЙ МУЖА И ВТОРЫМ ТОМОМ ПУШКИНА

Следующие четыре года жизни в Лондоне главное интеллектуальное и я бы сказал душевное усилие мамы было сосредоточено на писании биографии ее покойного мужа и затем второго тома „ Жизни Пушкина ".

Уже заканчивая русский текст биографии Гар. Вас., мама писала мне 12-го марта 1935 года :

„ Шесть лет кружилась вокруг книги. Сначала только повторяла — Я должна. Не могла стряхнуть с себя оцепенения. Какое это было усилие. Только не усилием определяется качество и ценность книги ".

За год перед тем (20.II.34) она писала мне :

„ Пушкин уже был труд, но что пишу теперь, признаюсь это требует от меня сверх усилий. Только осенив себя крестным знамением могу карабкаться ".

Несмотря на это напряжение, энергия мамы направляется в разные стороны. Она начинает регулярно писать в рижскую газету „ Сегодня ". Иногда посылает туда статьи два раза в неделю. Ее благодарил и глава Латвийского государства и латвийская дипломатическая миссия в Лондоне. Мама помещала иногда в рижской газете и свои воспоминания.

Я очень боюсь, что большинство этих статей навсегда пропали. Она пересылала их мне во Францию. Во время немецкой оккупации на моей квартире все пропало. В Европе я нигде не мог найти „ Сегодня ".

Единственная надежда на то, что при занятии Риги советскими войсками, комплект „ Сегодня " попал в руки какому нибудь советскому книголюбу, который сразу же отправил его в в одно из книгохранилищ в Советском Союзе. У меня сохранилось только пятьдесят шесть статей за 1939 и 1940 годы.

Мамины статьи в „ Сегодня " написаны легким, красочным языком. Они интересны и для людей искушенных политике и для рядового читателя. В них Англия вырастает во всем своем богатом разнообразии. Перед читателем проходят английские дети, школьники, студенты, женщины, рабочие, священники, а также государственные деятели и даже члены королевской семьи. Мама пишет о цветах, о скачках, об университетах и школах. В ее статьях чувствуется, что автор проник в английскую среду, живет английской жизнью, почтому это не книжное описание Англии, а живые разговоры и зарисовки с натуры, в которых чувствуется дыхание большой страны.

Корреспонденции в „ Сегодня " не остановили маминых писаний в „ Возрождении " и в „ Руле " до его закрытия.

Много энергии у мамы уходило на Королевский Институт по иностранным делам. Она не могла привыкнуть к левым настроением некоторой части английских образованных кругов. 25-го мая 1932 года она писала мне :

„ Странно видеть в Лондоне в 1932 году то, отчего тошнило в Петербурге в 1906 году ".

Она часто присутствует на заседаниях и никогда не пропускает случая внести фактическую поправку или просто выступить против мнения какого нибудь докладчика.

Подобно тому как вскоре после октябрьского переворота мама отчитала в трамвае Коллантай, так четырнадцать лет спустя на одной лондонской выставке она обратилась со словами осуждения к известной всему миру лэди Астор,американки по рождению, члену Палаты

Общин и жене миллионера лорда Астора (родственника собственника газеты „Таймс"). Несмотря на то что лэди Астор принадлежала к консервативной партии она возилась с большевиками и твердила об их достижениях. Этот инцидент произвошел на выставке антирелигиозных плакатов.

Мама следующим образом описала его в парижской газете „ Россия и Славянство " (1.8.31).

„ Как то раз я не выдержала и в очень резкой форме спросила лэди Астор, зачем она пускает в свой дом вора Красина и убийцу Раковского ".

„ Мы стояли на выставке антирелигиозных плакатов, вывезенных одним англичанином из Москвы. Лэди Астор равнодушно скользнула взглядом по этим мерзостям и пожав плечами сказала :

„ — Да, знаете, тут трудно разобраться. А я видела одну даму, которая недавно приехала из Москвы и говорит, что ей никто не мешал там молиться ".

„ Может быть если над ее головой не краснел огромный плакат с кощунственным изображением Тайной Вечери, я сдержалась бы. Но тут было трудно. Я попробовала объяснить ей разницу между заявлением отдельного человека и подлинным знанием вопроса, сказала многое ,что мы все в таких случаях говорим. В ответ получила рассуждения, тоже типичные :

„ Да, я понимаю, вы конечно пострадали, вероятно, все потеряли. Но великие реформы требуют жертв. И потому так трудно разобраться, кто прав, красные или белые. А всетаки я люблю Россию. Вы были нашими союзниками, я оттого принимала русских дипломатов. Красин был такой патриот. Но всетаки я сама хочу съездить в Россию, чтобы понять.

„ Вот и поехала веселая Нанси (как ее звали члены Рабочей Партии в Палате Общин, А.Б.) вместе с покорным лордом Астором и с английским Вольтером, Бернард Шоу, посмотреть на сказочную Россию. Коммунисты знают, как раздувать человеческое любпытство и особенно тщеславие. Они забавляют и возвеличивают

своих знатных гостей. Возможно, что сумеют и их обмануть, как уже многих обманывали. Есть из за чего стараться, так как на розовеющую европейскую интеллигенцию, свидетельство о благонадежности, выданное Бернардом Шоу и лэди Астор будет иметь влияние.

„ А может быть и хватит у них наблюдательности, здравого смысла и человеческой отзывчивости, чтобы сквозь заставу правительственной лжи и непонятного языка уловить подлинную трагедию замученного народа.

„ Русским людям тошно смотреть, как богатые европейские зеваки, пресыщенные спокойствием, комфортом, простором и свободой буржуазных стран, порхают мотыльками над голодной обреченной на молчание Россией ".

„ Но все-таки не мешает нам вспомнить, что и среди русской крупной буржуазии во времена царей были люди проявлявшие такое же влечение к социалистическим экспериментам. Красин печатно рассказывал, что социалистические парти, в, особенности их большевистское крыло, жили, крепли, работали, благодаря поддержки буржуев, которые прятали нелегальных, держали у себя подпольную литературу, давали в распоряжение революционеров свои квартиры, а главное снабжали их деньгами, хотя сами не были социалистами. Теперь часть европейской несоциалистической интеллегенции с таким же безответственным благоволением относится к большевикам, которые все умеют реально учесть, жадность капиталистов, соперничество великих и малых держав, попустительство настоящих политиков и легкомыслие туристов исследователей вроде миллионерши Нанси ".

Глубинные мысли мамы всегда были направлены на Россию. Она пишет мне, что деятельная мысль каждого русского всегда должна быть направлена на Россию. „ Когда откроется Россия, я думаю прежде всего я поеду в Саров " (поклониться мощам Серафима Саровского), писала она мне (27.1.32).

А. В. Тыркова-Вильямс в 1935 году в Лондоне

Она не довольна происходящими в мире событиями, которые ее тревожат. Еще 1.VI.32 она писала мне :

„ Не знаю как ты, а я недовольна миром. Всюду ерунда. Даже старик Гинденбург дурит. Не даром меня все тянет куда то в хижину, под елку, или в горы. Поближе к Богу скрыться мне, но пока еще нужно в городе околачиваться ”.

Ей нужно „ околачиваться ” в городе, чтобы закончить две книги, и помогать чем возможно русскому делу во всем его разнообразии. Она находит место, где можно быть „ поближе к Богу ” — это церковь. Мама всегда мне пишет о посещении церкви, о говении, о том, что ее душа успокаивается за молитвой.

Мама постоянно видит самых разнообразных людей и всегда сообщает мне в письмах о разговорах с ними.

При такой разнообразной жизни книга двигается медленно. На нее иногда нападает сомнение в том сможет ли она ее дописать. Поэтому она благодарит за каждое одобрение. Наконец в конце 1934 года русский текст книги готов. Начинается скучная и утомительная возня с редактированием английского текста. Сменяется несколько высококвалифицированных редакторов, поэт, оксфордец, ставший православным священником, Бернард Пэрс. Как это не редко бывает, редакторы бракуют друг друга. Но у самой мамы уже появляется острое чувство правильности английского литературного языка и при содействии помощника Гар. Вас. Филипа Грэвса английский текст в конце концов приведен в порядок.

Биография Гар. Вас. под названием « Cheerful Giver » (Щедрый Собеседник ”) вышла в издательстве Питер Деэйвис. В ней 337 страниц. Сэр Самуэль Хор написал к ней предисловие. В этом предисловии он говорит :

„ Ариадна Тыркова была когда то мадам Ролан русского либерализма. О ней говорили „ В кадетской партии был только один настоящий мужчина и он был женщиной. Начав свою карьеру левой, она была вынуждена как и ее муж пересмотреть свои взгляды. Как у многих русских женщин у нее были смелые мысли и она

не боялась фактов, как бы мрачны они не были. Книга Миссис Вильям, это не журнализм и не пропаганда. Она пишет о том что она знала и непосредственно видела. Книга показывает, что у этого умного политика были и не политические интересы. Так например, глава о ранних днях ее замужней жизни полна красочных рассказов, которые напоминают многие страницы Тургенева и Толстого ".

Раньше в предисловии к своей собственной книге „ Четвертая Печать ", посвященной Вильяму Биркбеку и Гар. Вас., Хор благодарит всех друзей, не называя имен, за оказанную ему помощь, Он делает только исключение для мамы, о которой он пишет :

„ На видном месте среди них стоит Ариадна Вильямс, русская патриотка, тонкая мыслительница, неустанная работница и жена того блестящего англичанина, чье имя я упоминаю в посвящении ".

Получив экземпляр книги 21-го ноября мама писала мне :

„ Я вначале едва брела. В глазах темнело, мысли разбегались, все путалось. Однако я знала, что книгу я должна написать и теперь боюсь на нее смотреть ".

Книга была очень хорошо принята английской критикой. Газеты и журналы давали прекрасные отзывы.

В течение долгого времени мама получала много писем от разных англичан с похвалой книги.

Маме было шестьдесят шесть лет. Кончилось большое напряжение связанное с писанием этой книги. Но мама и не думала уменьшать темп своей писательской жизни и продолжала также горячо как и раньше отзываться на все вопросы современности и интересоваться ими. В ноябре 1935 года из Франции в Лондон приезжал генерал Деникин. Саблин устроил для него доклад. Мама после этого доклада сказала следующее короткое слово :

„ Я вообще не сильна произносить речи, и особенно после такого оратора, как генерал Деникин.

„ Но я хочу в присутствии главного вождя Белой

Армии, закрепить наши общие переживания, нашу связь с ними.

„ Если бы не было наших славных вождей и наших Белых Армий — тяжелое бельмо легло бы на русское имя. История Белых Армии лучшая страница истории России.

„ Я помню дни зарождения Белой Армии. В те дни через мою квартиру в Петрограде текли на Дон добровольцы, не зная куда они попадут, что их ждет впереди. Не знал этого и генерал Деникин, когда бежал на Дон из Быховской тюрьмы.

„ И сколько славных подвигов они совершили. Даже побежденная Белая Армия — лучшая страница истории. Что осталось бы от русской чести без Добровольческой Армии. Это была распятая героическая красота.

„ Когда мой муж, англичанин, попал к Добровольцам, он говорил, что попал в Лагерь Крестоносцев.

„ И одному из них, одному из славных наших вождей мы сегодня приносим нашу общую признательность ".

24-го ноября она писала мне :

„ Я эту неделю как то сбилась с толку, и работать не работала и не отдыхала, а так... Хотела тебе про Деникина подробно написать и то поленилась. Нам с Софой было очень приятно, что он у нас два раза был. Встреча с Пэрсиком (сэр Бернард Пэрс) была кстати. Профессор был к генералу сверх почтителен. Я их оставила в столовой одних, не знаю, что они говорили. Но в гостиной мы все разными словами просили Пэрса не оказывать моральной поддержки большевикам. Деникин очень хороший человек, прямой, горячий, образованный. Есть в нем солдатское простодушие. Но разговаривая с ним, я снова и снова думала, что белые вожди конечно были крестоносцами ".

Это чувства правильности установки белой борьбы сохранилось у мамы на всю жизнь и всегда очень укрепляло ее в моральном отношении. Она никогда, ни на что не закрывала глаза и не отворачивалась от неприятных явлений. Все отрицательные явление в тылу и на фронте, в ее сознании нисколько не умоляли самой

идеи белой борьбы. Она всегда говорила о себе, „я белая" и когда произносила „ белый офицер " или „ участник белой борьбы ", то в этих словах звучала гордость. Всю свою жизнь в эмиграции, в каких бы обстоятельствах она не находилась, мама всегда старалась чем могла помогать, как участникам белой борьбы так и их семьям.

Она внимательно следила за борьбой белых с красными повсюду и радовалась успехам белых и в других странах. Поэтому то она с таким напряженным вниманием следит за гражданской войной в Испании.

25-го сентября 1935 года пишет мне :

„ Все, раскрывая газеты, ищешь одного слова „ Альказар ". У меня такое чувство, что в этом подземелье самые близкие, дорогие бьются ".

Через три дня, она опять возвращается к тому же самому : „ Поздравляю тебя и нас всех с Альказаром, — пишет она, — да здравствует доблесть белых ".

И наконец в письме от 5-го окт. добавляет :

„ Генерал Франко то какой молодец. Сердце радуется ".

В начале 1936 года она берется за Пушкина.

„ Начала читать „ Жизнь Пушкина " (первый том написанныи ею) богато написано ".

И через два дня опять :

„ Я крянулась на пушкинские угодья и чувствую, что меня это захватывает ". „ Крянуться на угодья ", „ крянуться на покос, в лес " это язык наших новогородских крестьян. Мама любила его образность и иногда даже в серьез употребляла красочные выражения новогородских баб.

10-го мар. она писала нашему большому приятелю, писателю Ивану Лукашу :

„ Ныряю в Пушкина. Знаете ли вы, что через него идет просветление русского лика, затемненного чадом марксистских искушений. Это не слова, а просто факт. "

Но она как и раньше не целиком отдается работе над Пушкиным. Многообразно проявление ее личности, также как разнообразны ее интересы и чтение. Она по

прежнему отдает много времени общению с людьми, а также выступлениям в Королевском Институте. Левые настроения английской интеллегенции продолжают наводить на нее скуку.

10-го марта она пишет мне :

„ Мировая мысль путается в тех трех соснах, где блуждали русские интеллегенты до революции ”.

А через четыре дня уже совсем другое рассуждение :

„ Стояла у всенощной, — писала она, — и думала какие еще нужны потрясения, чтобы заставить людей хоть долю Христовой мудрости перенять в таких учрежедениях, как Лига, правительства, парламенты ”.

Постепенно ее внимание стягивается к Пушкину.

„ Надо налечь на Пушкина ”, пишет она мне 23-го марта.

„ Я без вас соскучилась, но Александр Сергеевич велит стараться. Главная забота набраться внутренней сосредоточенности. Ведь это же Пушкин, Алек. Сер. ”, (25-IV-36) повторяет она через месяц.

Но несмотря на такие самоуговаривания ей не всегда удается писать. Все же во второй половине 1936 г. и в начале 1937 г. она больше уходит в работу над Пушкиным.

„ Очень богато жить среди пушкинских излучений ”, пишет она мне 19-го сен.

И через два дня опять : „ Хочу вцепиться в Пушкина. Вчера вцепилась Сразу стало просторнее ”.

30-го сентября, в день бибинькиных имянин она писала мне :

„ Была утром в церкви. Думала о том, как мы плыли на лодке к обедне, всегда опаздывали. Просторно катилась река жизни. Ну делать нечего, надо уметь и по ущельям пробираться. Мой Пушкин все еще где то в глубокой теснине Дарьяла. Сейчас за него принимаюсь ”.

„ У меня гора книг, все интересные, но над ними царит сам Алек. Серг ”, — пишет она через два для.

Вот еще несколько отрывков из ее писем ко мне о работе над Пушкиным :

„ Не знаю еще, писать ли в Ригу, или бродить по пушкинской Москве, это соблазнительнее " (17-XI-36).

„ Жизнь крутится, а в центре Пушкин и Пушкин " (24-XI-36).

„ Убедилась, что единственный способ кончить Пушкина, это вымести из своей жизни политику."

„ Сейчас стрелка моей жизни повернулась на сто лет назад. Я в гостях то у Зинаиды Волконской, то у Вяземских, то у Олениных. Хорошее общество, но описывать их не легко. Не хочется думать о своих хозяйственных делах так как надо еще женить Пушкина и я стараюсь думать о его хозяйственных делах, а не о своих" (27-I-37).

„ Знаешь для меня пушкинские дни были как ванна для души, какое это богатство в нем рыться, над ним работать „ (26-II-37).

Пушкинские дни в Лондоне были устроены в значительной степени мамой, во всяком случае при ее самом ближайшем участии.

Сэр Самуэл Хор, занимавший тогда пост первого лорда Адмиралтейства согласился не только войти в Пушкинский комитет но и произнести на собрании основную речь. Больше того, он был готов предоставить зал в Адмиралтействе для собрания памяти Пушкина.

27-го декабря 1936 года мама писала мне :

„ Я эти дни и писала и выезжала. Все три поколения ели рождественский обед в Адмиралтействе, а вчера ужинали у Саблина. Тут и там было приятно, дружественно и красиво. Тут и там я, как одержимая, думала главное о Пушкине. Хор не только показал нам полное собрание Пушкина (по русски), лежавшее на столе в его кабинете, но и предложил устроить поминальное собрание в Доме Адмиралтейства. Я была более чем тронута его предложением — Пушкина чувствовать в морском центре великой морской державы. Но я сразу поняла, что это невозможно, так как не позвать Майского (советского посла) нельзя, а позвать тоже нельзя. Когда Хор это сообразил — как это ни странно он раньше не подумал,

— он отказался от своей мысли. Ужасно обидно. Но и так надеюсь, что устроится все достойно. Эти два имени — сэр Самуэл Хор и Джон Дринкводер — сразу придадут собранию должный отпечаток ".

Дринкводер известный английский поэт.

Много было волнений в связи с подготовкой Пушкинского собрания и вообще Пушкинских дней. Англичан до какой то степени удалось раскачать. А это не так просто сделать, когда их приходится убеждать в гениальности Пушкина поэта, которого они сами из за языковых затруднений не могут оценить. Мама написала о Пушкине несколько статей для английских журналов. Ее короткое сообщение передавалось по английскому радио. Она писала о Пушкине и в русских эмигрантских изданиях.

Собрание было назначено на 10-го февраля в день столетней годовщины смерти поэта. Устроители волновались из за ораторов, из за залы. Им очень хотелось, как говорила мама, достойно отметить Пушкинскую годовщину.

Все удалось хорошо. 11-го февраля мама писала мне :

„ Ну вот и отошел наш парад. Очень все хорошо, торжественно прошло. Как написала одна переводчица Макушиной : „ Сорок лет тому назад мы не могли бы собрать двадцать человек около Пушкина, а теперь зала не вместила всех желающих ". Было около шестисот человек и среди них Уельс, Джон Вольтер с женой (один из хозяев „ Таймса ") и маркиза Мильфорд Хавен (сестра убитой Государыни).

Но если бы не блестящая речь Хора, мы просто провалились бы. Поэт Дринкводер нес какую то чепуху. Хор нас всех обрадовал а не только меня. Я следила за каждым словом и была очень рада, что он проникся не только красотой, но и великодержавностью Пушкина. И, — тебе я в этом признаюсь, — мне было приятно, что я была посредницей между большим английским политиком и Пушкиным. Все довольны. Мне многие звонили чтобы поблагодарить. А я вот еще не успела Хору написать. Завтра это сделаю. Сегодня писала в Ригу. Хор очень

внушительно заявил (на собрании), что Англии необходима хорощая биография Пушкина и что Миссис Вильямс такую книгу весной выпустит. Он прав. Биография написана и Миссис Вильямс обязана ее выпустить. Я уже сказала лэди Мод (Хор), что через две недели поеду к ним в Темпелвуд. Там все приведу в окончательный вид ".

После пушкинских торжеств она опять садится за работу. Опять в ее письмах все время мелькает Пушкин.

10-го февр. она пишет мне :

„ Как это всетаки волнительно, что слово „ Пушкин " носится по всему миру. Точно прямо из космоса летит на нас. Наконец 29-го марта она сообщает :

„ Ну вот, мой друг, вчера опустила тело Алек. Сер. в могилу, около которой стояло несколько крепостных, Александр Тургенев и жандарм. Я знаю, какое нужно еще усилие, чтобы окончить и оформить все. Поэтому у меня нет чувства, что дорога пройдена. "

Но через день она все же писала мне :

„ Годами писала две книги Пушкина и « Cheerful Giver » а теперь можно и на покой отойти. "

Маме шел шестьдесят восьмой год, но на покой она отошла только через двадцать два года. Издать этот второй и последний том удалось только уже после войны в 1948 году.

Она начала работать над приспособлением обоих томов для английского издания. Это ей было чрезвычайно трудно делать.

21-го марта она писала мне :

„ Все эти дни боролась с Борисом Годуновым. Не трудно себе представить, что испытываешь в такой неравной борьбе. Беда. Все это на пятнадцати страницах рукописного текста а для читателей — англичан слова „ ох тяжела ты шапка Мономаха " звучат, как шорох мышей за обоями. Вот уж действительно, какой храбрый русский народ. Это я про себя говорю ".

Последние два года перед войной мама с большим вниманием наблюдает за развитием международных собы-

тирй и за тем как они отражаются на положении внутри Англии. На эти темы она много пишет в „Сегодня". Все склонное к соглашению с совтской властью в ней вызывает отталкивание и протест. Она считает, что сговор с большевиками не может дать ничего положительного, что он явится только обузой для тех, кто такой сговор заключит. Ей не нравится поведение Лиги Наций и она не одобряет энтузиастов этой организации.

23-го февраля 1936 года она писала мне:

„История Идена есть показательная недолеченная умственная болезнь, которая называется верой в Лигу. Очень интересно как будет реагировать общественное мнение Англии (на уход Идена), а еще важнее, хочет ли Гитлер воевать и когда?"

Она долго сомневается в возможности войны и удивляется, что Англия ведет переговоры с советскими представителями, о каких то формах сближения.

В статье, помещенной в „Сегодня" 7-го мая 1939 года мама рассказывает, что в Англии стало модным сравнивать текущий момент с событиями 1812 года.

„До сих пор даже в самых лучших учебниках истории, — говорит она в этой статье, — написанных для таких школ как Итон и Харроу, где в течение столетий хорошо воспитывался правящий класс, походу Наполеона на Россию посвящено полстраницы. Я просмотрела несколько учебников, но ни в одном не нашла указаний, что именно русский поход сломал Наполеона. А теперь постоянно приходится слышать — „Пусть только сунутся в Россию, русские покажут, как показали Наполеону". Все чаще слышится сопостовление времен Наполеона и нынешних. До сих пор считалось, что Наполеон разбился о сопротивление Англии. Решающее значение придавалось не Москве, не взятию Парижа, а битве при Ватерлоо. Теперь Москва вдруг поднялась, как мираж. Не та старая пылающая Москва, в которой Наполеон и месяца не усидел, а Москва нынешняя. Интересно, что о красном цвете не упомянается из вежливости. И слово советской обычно отбрасывается."

Мама постоянно возвращается к теме англо-советских отношений, к стремлению Англии сблизиться с красной Москвой.

20-го мая 1939 года в Палате Общин происходят дебаты об отношениях с советами. Мама добросовестно осведомляет своих рижских читателей о доводах сторонников соглашения с СССР. Но все это ей противно.

9-го июня она пишет мне :

„ Английская политика тошнотворна. Читаю Михайловского-Данилевского " (официального русского историографа компании 1812 года).

Она продолжает не верить в возможность войны. Это чувство в ней было так крепко, что в августе 1939 года она решает ехать в Наухейм пройти курс лечения. Она приезжает в Наухейм 16-го августа, сосредотачивает все внимание на водах и не очень следит за развитием событий.

Мама встревожилась только 24-го августа, когда появилось сообщение о заключении германо-советского договора. Но ее доктор немец и окружающие ее маленькие люди стараются ее убедить, что войны не будет. Все же на следующий день она решает немедленно возвращаться во Францию. Свое описание этой поездке, появившееся в „ Сегодня " 12-го сентября, она заканчивает следующим образом :

„ Еще четверть часа и поезд, не спеша, перекатился на французскую сторону. Другие формы, другие лица, другая речь. „ Ну что там у бошей собираются с нами воевать ? " шутя, спрашивает французский офицер. Если бы этот вопрос был задан серьезно, я не знала бы, что на него ответить. Я видела войска, я видела станции охраняемые часовыми, я видела запасных. Больше того, я видела в глазах немок и немцев ту настороженность, которую испытывают люди, когда чувствуют надвигающуюся угрозу. Но ни разу за время моего пребывания в Германии, я не чувствовала агрессивного массового настроения. Правда, я была там только несколько дней, но в полосе острого кризиса, настроение страны быстро

сказывается. За это время я сделала два совершенно определенных для меня наблюдения — что немцы действительно не за страх, а за совесть испытывают детское доверие к Гитлеру и что они также по детски убеждены, что его гений не допустит самого большого национального бедствия — войны.

Война также противна сейчас немецкому народу, как она противна всем народам. Но если велят — будут драться. ”

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВТОРАЯ ВОЙНА

Как только вспыхнула война мама уехала из Франции в Англию, считая, что она обязана быть там в трудные времена. Но она оставалась в Лондоне кажется только одну ночь и сразу выехала в Шотландию. — Она была приглашена на время всей войны к своим друзьям Браунам, но прожила с ними в их комбфортабельном загородном доме в районе Глазго только около двух с половиной месяцев. Брауны и особенно Люша Браун были ее старинные друзья. Крупные шотландские мукомолы, Брауны были очень культурные и добрые люди, всегда заботясь о ком нибудь. Они окружили маму большим вниманием и заботами. Из этой „саратовской глуши", как она писала мне, мама продолжала посылать статьи в „Сегодня" и конечно вести обширную переписку с теми странами, которые не были отрезаны войной. Писать приходилось по цензурным условиям по английски или по французски, но это не останавливало маму от длинных писем. Мама скучала по своему потомству. Война развивалась не так, как этого ожидали и потому сидение в шотландской дачной местности потеряло всякий смысл.

По случаю своего семидесятилетия 26-го ноября 1939 г. она получила очень много поздравлений.

Наши ближайшие друзья Лукаши (семья писателя Ивана Лукаша) поздравили ее с „большой, умной и светлой жизнью".

Теффи писала :

„ Выражаю Вам мои пожелания и главное мое постоянное многолетнее преклонение перед вашей удивительной личностью. Вы самая умная, самая талантливая и самая сильная духом женщина, которую довелось мне встречать на моем жизненном пути . . . прошу Вас верить в искренность моих слов, я ведь не очень щедра на восторги . . . ”

Иван Шмелев в своем письме говорит :

„ ... Делали Вы хорошее, светлое дело русского писателя и общественного деятеля, сердцем и чистыми руками — и в основе этого делание было именно служение (как бы священное). Правда иначе и не мог русский писатель делать ”.

Известный в Париже общественный деятель М.М. Федоров писал :

„ Вы не только со спокойной совестью, но и с гордостью можете оглянуться на пройденный Вами путь честного и мудрого служения родине, всегда талантливо защищая и служа лучшим идеалам человечества ”.

В конце ноября мама возвратилась в Лондон. Ее сразу окружили друзья. Она пишет мне, что с непривычки устала от людей. Но конечно ей было приятно внимание друзей и русских и англичан.

Она беспокоится о моей семье, ввиду нашего неопределенного беженского положения и находит, что положение Сони и Дины в Англии прочнее чем наше и потому решает съездить к нам, посмотреть, как мы держимся и живем. Ввиду военных условий возникло большое затруднение в перевозке рукописи второго тома „ Жизни Пушкина ”. Маме не хотелось сдавать ее во французскую цензуру, так как у нее не было уверенности, что рукопись там не затеряется. Ей пришлось прибегнуть к самым высоким связям в Британском Министрстве Иностранных Дел, чтобы обеспечить свободный провоз рукописи.

В середине декабря 1939 года мама приехала к нам в Медон под Парижем. Она предполагала через несколько месяцев возвратиться в Лондон. Но в военное время

трудно делать какие нибудь предположения. Обстоятельства сложились иначе. До самого конца своей жизни, т.е. в течение последних двадцати двух лет, она оставалась в моей семье, со мной, моей женой Тамарой Викторовной и моей дочерью Наташей, пережив и мою дочь и жену. С нами она разделяла все превратности судьбы военного и послевоенного времени, следовала за нами повсюду и в конце концов уехала с нами в Америку. С каждым из нас она по своему была дружна, но со всеми тремя крепко связала свою жизиь и для всех троих было место в ее сердце. Моя жена от души заботилась о своей свекрови и всегда старалась обставить ее наибольшим комфортом. Ей всегда казалось, что она недостаточно много делает для мамы. На самом же деле она конечно делала все возможное и внимательно опекала ее.

С моей дочерью Наташей у мамы всегда были дружеские отношения. Они любили беседовать друг с другом. Особенностью этих отношений было то, что они одновременно были, как между равными подругами и как между внучкой и бабушкой, исключительность которой Наташа всегда сознавала. А бабушка всегда любовалась жизнерадостной прелестью и красотой внучки, жизнь которой казалась безмятежной до того как в 1951 году у нее обнаружилась роковая болезнь.

Первые месяцы 1940 года мы спокойно жили в Медоне. Война почти совершенно не чувствовалась. Это скорее была не война, а только состояние войны с Германией. Мама продолжала писать статьи в „ Сегодня ", Газета аккуратно доходила из Риги до Лондона и Парижа. В нашей квартире замелькали парижские друзья мамы. К ней приходили и за личным советом и для обсуждения общей обстановки. Моя дочка, родившаяся в Лондоне, взяла английский паспорт. Таким образом у двух членов нашей семьи были английские паспорта, а у меня с женой нансеновские. Паспорта и национальная принадлежность в военное время имеют огромное значение.

Мы очень волновались по поводу вторжения советских войск в Финляндию и очень огорчались болезнью и

внезапной смертью нашего друга писателя Ивана Лукаша.

Обстоятельства нашей жизни резко изменились с началом немецкого наступления в мае 1940 года. Мы решили сразу уезжать на юг Франции, выбрав город По, потому что там была русская колония молодежи, среди руководителей которой были наши знакомые : Мама без колебания решила ехать с нами, Переезд мы совершили еще спокойно, а через неделю из Парижа уже выезжали в состоянии паники.

Французская катастрофа всех нас конечно очень тревожила, но особенно волновалась мама. Для нее Англия была своей страной а над ней нависла очень большая военная угроза. К тому же Соня и Дина были там.

По приезде в По, она сразу установила отношения с зиангичанами в По. Руководителем английской колонии был англиканский пастор. Но вскоре большинство англичан покинули Францию и уезжали в Англию, несмотря на то что переезд уже был связан с некоторым риском. Сперва мама тоже решила ехать, постоянно повторяя „ В такое время я должна быть в Англии ”. Она стиснув зубы слушала сведения о немецких воздушных налетах на Англию и очень беспокоилась о Соне и Дине. Почтовое сообщение с Англией прервалось и мы ничего не знали о наших лондонцах. Мама держала себя в руках, как это она умела делать во время тревоги и опасности, Однако ей было не легко справляться с собой. В конце концов, обдумав наше положение, она решила, что поддержит нас морально и материально, если останется с нами.

Я лишился всякого заработка, так как моя работа в южно-африканских газетах прервалась. У нас было с собой денег на несколько месяцев, а осенью британское министерство иностранных дел наладило через Швейцарию ежемесячную отправку британским подданным определенной суммы. Мама и Наташа стали получать эти деньги и мы все на них жили в течение первых двух лет беженства внутри Франции.

Где то далеко бушевала война, немецкая авиация

громила английские города, а мы спокойно, да еще среди детей, провели лето 1940 года в солнечном По. Из Парижа приехало много русских друзей, Мы с ними ежедневно виделись. По воскресеньям ходили в русскую церковь, оживившуюся с приездом беженцев. При церкви оказалась хорошая библиотека старых русских книг. Мама с жадностью набросилась на них. Постепенно начались затруднения с продовольствием. На его розыски требовалось не мало времени и внимания. Наташа летала на велосипеде куда то в деревню и с гордостью привозила разные продукты.

Для мамы был особенно неприятен недостатк сладкого — конфект —. Но она умела в каждом городе разыскивать самые лучшие конфеты.

Помню как она уже осенью под дождем в макинтоше быстро шагает по главной улице По.

На мой вопрос куда она торопится, она, хитро улыбнувшись, ответила :

„ А знаешь я неожиданно обнаружила прекрасную кондитерскую и там еще кое что можно достать ".

Несколько позже мама вместе с философом проф. Б.П. Вышеславцевым и пианистом П.И. Ковалевым организовала в доме детской колонии лекции и музыкальные вечера. Вышеславцев популярно излагал современные философские теории, а Ковалев увлекательно читал лекции о музыке и иллюстрировал их своей прелестной игрой.

Осенью детская колония, по требованию родителей, возвратилась в Париж, уехали и некоторые из наших друзей. Нам удалось достать в центре города большую солнечную квартиру, в которой мы и прожили спокойно больше года. Наташа заканчивала среднее образования, ее лицей был почти рядом с нами. Хождение в школу младшего члена семьи всегда придает всем чувство устойчивости и регулярности жизни. Мама начала писать воспоминания и несколько часов в день сидела в своей привычной позе у стола. В виду недостатка продуктов главная тяжесть жизни легла на мою жену, Но она бодро со всем справлялась, и как всегда радовалась

когда все были довольны. Я занялся литературной работой. С нами поселились проф. Б.П. Вышеславцев с женой и наша квартира стала одним из центров русской беженской жизни в По.

Мама получила вести от своих друзей Хоров из Мадрида. Он был британским послом в Испании. Обмен письмами с Хорами и сведения полученные от них о Соне и Дины до известной степени успокоил ее. Она стала еще усерднее писать воспоминания.

Весной 1941 года Наташа сдала экзамены за среднюю школу и решила осенью поступить в Гренобльский университет. Старшие поколения конечно собрались ехать за ней.

Летом 1941 года мама очень увлекалась огородом, который мы сняли на окрайне По. Однако огородное увлечение значительно остыло когда Гитлер вторгся в Советский Союз. Русская колония в По очень волновалась и разделилась на два лагеря. Одни поддерживали Гитледа так как считали, что действия Германской армии приведут к падению коммунистической власти в России. Другие находили, что все русские люди должны стать на сторону советской армии, которая защищает русскую землю.

Мама сдержанно относилась к тому, что Гитлеру удастся свергнуть коммунистическую власть и потому считала, что русским не следует поддерживать немцев. Она с самого начала поняла, что немцы ведут безумную политику по отношению России и почувствовала злодейски преступный характер нацизма. Но все же все ее внимание было приковано событиями развивавшимися на востоке Европы, которые постоянно обсуждались у нас в доме и между нами и с русскими друзьями и знакомыми.

Осенью Наташа первая уехала в Гренобль, Она нашла нам квартиру в предместье города и мы в середине декабря 1941 года втроем решили пересечь всю Францию с запада на восток. Наш переезд был связан с чрезвычайными формальностями военного времени. Наташе с огромным трудом удалось получить разрешение на право

нам жить в Гренобле и его окрестностях, Маме было приятно, что на вокзале в По собралось много русских друзей провожать нас, а по существу ее.

Из солнечного и мягкого по климату По, мы попали в холодный с резкими горными ветрами Гренобль. Но появление на вокзале стремительной и лучезарной Наташи сгладило плохое впечатление. Первое время, а вернее всю первую зиму, мы никак не могли приспособиться. Мама мерзла в больших и холодных комнатах. Доставали, и то с трудом, большей частью сырые дрова, которые плохо горели. У мамы от холода начали синеть концы пальцев на руках. Все труднее делалось с продовольствием, даже овощи становились редкостью, особено когда выпадал снег. Питались больше брюквой. Я заболел и мне сделали очень серьезную операцию желудка. Тамара поскользнулась на обледенелой дороге и сломала руку. Маме так усиленно приходилось бороться с холодом и недоеданием, что она почти не садилась за письменный стол. Только Наташа во всякую погоду энергично мчалась на велосипеде в университет. Когда я после двух месяцев вернулся домой, то был поражен, как похудели мама и Тамара. Они старались отдавать все лучшие продукты Наташе и мне. Мама как то притихла, сидя около своей железной печурки. К тому же однажды печка выкинула пламя и в какой то степени повредила маме глаза. Все же в более мягкие дни она вынимала рукопись о Пушкине и перечитывала ее или старалась писать воспоминания. Весной 1942 года наша жизнь полегчала. Во первых стало тепло, во — вторых я поправился, а в третьих мы начали находить ходы к получению продовольствия помимо скудных карточек. Летом наше положение совсем изменилось. Я настолько окреп, что мог подняться по дороге в горы, у подножья которых мы жили. Выяснилось, что для улучшения нашего очень скудного бюджета (мама и Наташа продолжали получать ежемесячно скромные суммы от Британского Правительства), можно заняться очень примитивной толовлей, — за ближайшей горой закупать у крестьян яблоки и спускать

их (часть дороги на себе) в город для продажи. Мама, несмотря на свои семьдесят три года, с живостью принимала участие в моих и Тамариных походах за яблоками. Помню как она вооружившись длинной палкой и подоткнув юбку, энергично шагает вверх по живописной дороге, а мы тянем за ней пустую тележку, в которую будут нагружены яблоки. Яблоки мы покупали у крестьян на продажу, но вскоре мы с ними подружились и начали доставать у них разные продукты, в которых ощущался острый недостаток в городе — молоко, масло, сыр, яйца и даже мясо. Когда мама не ходила с нами, то завидя нас издали в окно, она весело кричала :

„ Ну как сходили ? Какую добычу несете ?

В сентябре выяснилось, что в городе большой спрос на грибы — спрос был на все, что можно было есть.

Поднимаясь в горы за яблоками, мы уже изучили горные лесные тропинки и как природные лесные жители (как любила мама бродить по Новогородским лесам) чувствовали где растут грибы. Первый сбор нас очень ободрил. Мы собрали около десяти килограмм рыжиков и я их очень выгодно продал в городе — заработал может быть на целую неделю жизни. В течение двухмесячного грибного сезона мы стали через день ходить в леса расположенные на горных склонах и зарабатывали себе на несколько месяцев жизни.

Мама, несмотря на свой возраст, очень любила хождение по горам и холмам за грибами. Обычно мы отправлялись втроем, Наташа и ее русская приятельница, жившая у нас, ходили с нами только когда они были свободны от занятий. Часа два мы лезли вверх по вьющемуся шоссе (автобусы в военное время ходили очень редко). Потом начинался подъем по крутой, часто каменистой тропинке. За плечами у нас пустые корзинки. в одной из них продовольствие на целый день, яблоки, бутерброды, какое нибудь питье. У мамы на поясе висит финский нож. Выходим на полянку. Кто нибудь из нас идет на разведку и, увидев грибы, криком созывает к себе остальных. Кругом среди травы краснеют рыжики.

Корзины быстро наполняются. Мама старается не отстать от других. Наконец заслужен отдых. Располагаемся на пнях между величественными соснами и елями, сквозь верхушки которых с трудом пробиваются солнечные лучи. Три поколения моих дам с удовольствием вдыхают живительный горный воздух. В период собирания грибов мамино лицо свежело с каждой неделей.

— „ Что еще нужно человеку. Жить бы тут под елкой, да восхвалять Господа Бога, за то что он создал такую благодать, " — говаривала мама, сидя на лесной полянке.

Спускаться по крутым склонам с корзинками наполненными грибами было куда труднее. Иногда ноги не выдерживали, сборщики грибов падали или вернее садились, чтобы не упасть, корзинки опрокидывались и грибы катились врассыпную вниз.

А в свободное от грибов время мама сидела за письменным столом, писала, или поправляла рукописи.

По воскресеньям мы сходили вниз в Гренобль в церковь. Для мамы было большой духовной радостью, когда из Ниццы приехал на отдых архиепископ Владимир. Мама любила слушать его тихие, но светлые беседы. Она старалась не пропускать тех служб, которые он совершал около нас в чердачной церковке местного священника. В открытые двери этой крохотной церковки были видны громады окружавших нас гор. Величественные горы подтверждали величие дел Господних, о которых говорил слабым но проникновенным голосом, тщедушный архиепископ Владимир.

Мы установили добрые отношения с соседями, культурными французами. Одна из дам оказалась председательницей большой общественной библиотеки. У нас в доме появились прекрасные французские книги. Вне грибного сезона у всех было много свободного времени (Я ходил за яблоками только раза два в неделю). Мы все набросились на чтение. Мама читала быстро. Она всегда схватывала в книгах самое интересное и очень увлекательно рассказывала о прочитанном. Она читала у себя

в комнате, сидя в кресле, или лежа в кровати. В хорошую погоду читала в саду. Чего только она не перечитала в ее годы. Среди ее книг были Платон, Блаженный Августин, Шатобриан, и многотомная католическая история церкви. Были конечно и книги по истории Франции и Европы. Мало по малу мы обросли знакомыми и друзьями.

В доме раздавались молодые голоса так как Наташа приводила своих молодых друзей русских и французов.

Гренобль и его окресности был одним из центров французского сопротивления немцам. В городе были установлены большие строгости. Но все это проходило мимо нас, мы жили в природе за чертой города. Поднимаясь в горы за яблоками, я как то заметил за кустом около дороги вооруженного человека в штатском. Он внимательно меня осмотрел издали, но не окликнул. Я рассказал моим приятелям крестьянам об этой встрече и они мне пояснили, что это был дозорный пост и что партизанам сказано, чтобы меня пропускать беспрепятственно. Французские крестьяне всячески поддерживали этих партизан, скрывая их у себя.

Маме и Наташе — британским подданым пришлось столкнуться с немцами, или вернее с французскими властями исполнявшими немецкие приказы.

В марте 1943-го года всем британским подданым было предписано явиться в городские казармы с вещами. Ничего не было известно о причинах этого вызова. К этому времени во Франции на свободе оставались только пожилые англичане или же совсем молодые женщины и девушки. Все остальные были интернированы.

Маму с Наташей поместили в отдельную комнату. Их обслуживали французские полицейские и были с ними изысканно вежливы. Они все время повторяли, что готовы сделать для них что угодно, только не могут выпустить их из казарм. Днем на большом казарменном дворе разрешались свидания. Была прекрасная весенняя солнечная погода и на дворе с утра до позднего вечера толпился народ и весело болтал с „ заключенными ".

Мама внимательно наблюдала за происходившим

кругом и красочно рассказывала как полицейские стараются и как старая англичанка заставила их нести несколько клеток с попугаями, все время покрикивая на смеющихся молодых полицейских. Немцев нигде не было видно и никто не знал какая судьба постигнет заключенных. Но кажется на третий, или на четвертый день мы получили сведения, что на следующее утро их увозят в неизвестном направлении. Я с Тамарой особенно заволновался из за мамы. Наташа была молодая и здоровая и мы были уверены, что она вынесет все переезды, Нам было известно, что интернированных англичанок немцы держали где то на северо-востоке Франции в больших отелях. Вечером мы явились в казармы с дополнительными вещами и увидели на дворе ряд автобусов. На следующий день побудка должна была быть на час раньше, для отъезда.

Мама была совершенно спокойна и философски относилась к происходившему. Ее радовало, что Наташа была с ней. Она просила нас на следующее утро не приходить слишком рано в казарму. Мы поняли, что она предпочитала уехать без проводов.

Когда мы пришли в казармы около девяти часов утра, то прежде всего увидели у ворот не французский полицейский караул, а очень декоративно одетых итальянских солдат, во главе с писанным красавцем офицером. А за воротами спокойно расхаживали наши заключенные и на дворе не было автобусов. Оказалось, что за полчаса до отправки, когда все заключенные уже были подняты и накормлены, явился итальянский офицер. Он заявил, что англичане в Англии не интернировали итальянцев, поэтому и он никому не позволит увезти англичан из Гренобля. Город был фактически в зоне итальянской оккупации с итальянскими солдатами расхаживающими по улицам. Немцы руководили всем только издали. В тот же день заключенные были освобождены.

— Какая чепуха, — полупрезрительным тоном говорила мама.

— Но бабушка, ведь все было очень интересно, — возражала ей двадцати двухлетняя внучка.

Косвенное соприкосновение с немецкой армией установилось у нас через русских людей, на которых против их желания была надета немецкая форма.

Как то Наташа с Ольгой прибежали домой и взволнованно сообщили нам, что проходя мимо казарм, они встретили русских в немецкой форме.

— Они военные пекаря и только что привезены из России. Можно их к нам привести ? — спросили наши студентки.

На следующий день у нас появились люди в ладно пригнанной немецкой форме. Но это были русские люди, военнопленные или вольнонаемные работавшие в немецкой полевой хлебопекарне. В Ростове на Дону в один прекрасный, или несчастный для них день, их нарядили в немецкую форму, посадили в поезд и через двадцать два дня высадили в Гренобле. Это были простые, незамысловатые русские люди, собранные со всех концов России. Они были бесконечно рады встретить соотечественников и готовы были рассказывать о своей жизни под советами, о войне, о германской армии. Советский строй они ненавидели, так как были крестьянами, которых ограбили во имя коммунизма. В первый же день один из них, постарше сказал нам : „ Уже эта коллективизация, что и говорить, воликов променяли на кроликов, И все страдают ".

Мама с нескрываемым волнением слушала их рассказы, прося нас их не перебивать.

— „ Ведь это просто чудо, здесь под Греноблем увидеть лик современной России. Они ведь совсем такие же как и мы. Так же ненавидят большевиков, — повторяла она постоянно, после их посещения.

Соседи французы сперва удивились, что к нам зачастили немецкие солдаты. Но когда узнали, что это русские, на которых насильно надели немецкую форму, то стали их жалеть и во время освобождения Гренобля

помогали нам найти штатское платье для этих русских людей.

Мама как всегда внимательно следила за событиями. События на востоке ее не радовали. Мы все видели и понимало все явственнее, что безумная и преступная политика Гитлера укрепляла Сталина и советский строй. Надежды на падения коммунистического режима в России все уменьшались. Была у нас, как и у многих русских эмигрантов гуманная и ни на чем не основанная надежда, что союзники, победив гитлеровскую Германию, как то помогут русскому народу освободиться.

Однако мама все чаще и чаще повторяла.

„Боюсь, что это только наше желание, но что для его осуществления нет никаких оснований."

Там, далеко шла страшная война. Люди гибли десятками тысяч, от голода, от воздушных бомбардировок, от военных действий. Обо всем этом мы знали, даже слышали от очевидцев, но все это нас не коснулось. Самая близкая (и небольшая) бомба упала от нас в двенадцати километрах. Жили мы спокойно, хорошо приспособясь ко всем сложностям жизни военного времени. У нас было все необходимое. Нас всех, только всегда тревожило отсутствие сведений от Сони и Дины.

Освобождение пришло как то сразу. В середине августа 1944 года появились слухи о продвижении с юга союзников. Говорили о возможных боях в районе Гренобля, о том, что немцы увезут с собой всех англичан. Я собирался спрятать маму, жену и дочку в горах у моих приятелей крестьян. Однажды вечером в наши высокие ворота постучали. За воротами стояли два немецких солдата. Это было третье посещения нас немцами. Первый раз пришел немецкий денщик и попросил молока для своего больного офицера. Второй раз пришли два гестаписта произвести обыск у наших хозяев, так как их сын французский офицер был арестован. Хозяйка попросила меня быть переводчиком. Узнав мою фамилию, гестаписты испугались, а что если я родственник Мартина Бормана и обыска фактически не было. Появившиеся сол-

даты в очень вежливой форме заявили, что должны разместить часть своих артиллеристов в нашем доме. Наши хозяева, титулованные французы, при помощи моей жены начали торговаться, заявив, что дом переполнен (что было совершенно неверно). В конце концов было решено, что артиллеристы займут домик в саду. Квартирьеры привезли к воротам несколько кип сена и обещали придти на следующий день. Больше мы никогда не видели этих немецких солдат. На следующий день без единого выстрела в Гренобль вошли американцы. Сразу отовсюду вылезли французкие резистанты, утверждая, что они взяли город. Это было совершенно не верно. Американские войска вошли в город, покинутый немцами. А уже вслед за ними появились французские резистанты.

Кипы немецкого сена лежали перед нашими воротами около недели. Наши соседи французы их не решались трогать, не понимая, кто ими имеет право распоряжаться.

После освобождения, конечно первой задачей мамы было установление связи с лондонцами. Но прошло некоторое время пока пришли письма от Сони и от Дины.

Мама разрыдалась, когда в ее руках оказался конверт с Сониным почерком.

Начались волнения по поводу роста коммунистического влияния в гренобльском районе. Не радовали также маму вести начавшие поступать из центров. Не понятна была политика союзников по отношению к советам и еще более тревожны были слухи о судьбе русских людей, оказавшихся за пределами Советского союза. В начале мама просто отказывалась верить слухам о выдачах. По этому поводу она сразу снеслась с Маклаковым. Позже у нее завязалась переписка с Макклаковым по поводу его посещения советского посольства в Париже. Она резко не одобряла Маклакова, но не порвала с ним отношений.

Мы конечно решили возвращаться в Париж, а мама думала о Лондоне. Но все это требовало устройства. В Медоне у нас больше не было квартиры. Надо было кому то ехать вперед устраиваться. В начале 1945 года пер-

вая выехала в Париж Наташа. За ней в марте отправился я. Мама с Тамарой приехали в Париж, вернее в Версаль, только 1-го июня. Они спокойно провели еще два с половиной месяца под Греноблем без меня и без Наташи. Мама знала, что все ее близкие целы и отдыхала от тревоги за лондонцев за все военные годы. Стояла прелестная весна. Большой сад при нашем доме расцветал, Мама с Тамарой каждую неделю, а то и два раза в неделю ходили за гору к крестьянам. Это была прогулка по знакомым красивым тропинкам.

За каждым поворотом открывались прекрасные виды на горы. В каждом письме после такой прогулки мама сообщала мне как она освежилась и как переполнена прелестью Божьего мира.

„Сижу в теплой дневной тишине — пишет она мне 22-го марта, — За окном щебечут птицы, доносится тонкий весенний запах. Горы белеют, Божья благодать неизменно сияет. И тем тяжелее читать газеты. А тут еще Англия взбудоражена, что американцы убавили паек. Вот и изволь сохранять величавое спокойствие духа. А без него закачаешься . . .

" Мне странно читать газеты и не обсуждать их с тобой. За эти годы привыкла все вместе вертеть и переворачивать. Ведь это еще никогда в нашей жизни не бывало, чтобы мы пять лет прожили безвыездно под одной крышей. И не худо прожили. Правда ? Но человеческая фантазия любит перемены и я за тебя буду рада, если ты сочинишь для себя что нибудь новое ".

К этому письму три приписки :

В первой сообщается, что дров не привезли.

Во второй говорится, что мышь поймалась.

Третья носит совершенно другой характер.

Мама писала :

„Поправляла вчера главу о Турции (в „Воспоминаниях ") и опять удивлялась, что, живя в гуще русской политики, я не отдавала себе отчета в могуществе России. Надо было для зтого очутиться на Босфоре ".

8-го мая, т.е. в дни окончания войны, мама мне писала :

„ У нас еще ни пушки не палили, ни колокола не звонили, но газеты уже сообщают, что в Реймсе подписано перемирие. Но холодно, жестоко, жестоко звучат эти святые слова. Только мир Христов может исцелить такие раны, какими сейчас покрыто человечество. А где он ? ”

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Наташа для нас сняла в Версале нижний этаж в особняке родителей своей лицейской подруги. В Париже, или ближе к Парижу квартиру найти было невозможно.

Мама с Тамарой приехали в Версаль 1-го июня 1945 года.

При доме был сад, в котором мама любила сидеть. Но ее сразу потянуло в версальский парк, куда она ходила несколько раз в неделю. или одна, или с кем нибудь из нас. Позже она любила ходить пешком за пять километров по полям к сестрам Пашковым, с которыми она подружилась. Зто были две дочери основателя пашковского протестанского движения. Они были настоящими русскими барынями, перенесшими заграницу русский дворянский быт. Они были мамиными сверстницами.

Житье в Версале было полу деревенское. Через четверть часа можно было выйти пешком в поля. Мама это очень ценила.

Мы прожили в этом доме в Версале почти шесть лет и из него уехали в Америку.

Мама сразу разложила на своем писменном столе все свои бумаги, как это она всегда делала, куда бы она ни приезжала. Она привезла с собой готовую рукопись своих „ Воспоминаний ”. Кроме того тут же лежала рукопись второго тома Пушкина, в которую она постоянно заглядывала и вносила все новые исправления.

Ей шел семьдесят седьмой год, но она была полна жизни, умственных интересов и желания общения с людьми. Исчезла тревога за дочку и внучку, живших в Англии. С ними установилась переписка и через некоторое время они приехали навестить нас.

Мама редко пропускала воскресные службы. Мы ездили в церковь в Медон или в Шавиль.

Мама часто ездила в Париж навещать друзей. Но и к ней стали приезжать. По воскресеньям у нас иногда собиралось много народу.

Я по прежнему стал заниматься журналистикой.

Условия жизни в первое время еще были полувоенные. Многого не хватало. Но мы еще в Гренобле научились приспособлятся и умели находить все необходимое. Мама испытывала нужду в продовольствии только в первые месяцы 1942 года, после этого у нее всегда все было. Общие события как всегда продолжали привлекать ее внимание и тревожить ее. Она не могла понять почему союзники потакают советчикам и удивлялась, что союзные армии отошли, уступив часть Берлина советчикам. Ей были противны советизанские настроения части русской эмиграции. Она написала резкое письмо Тэффи, когда та стала писать в парижской просоветской газетке и была очень довольна, что Маклаков понял свою ошибку и не собирался поддерживать отношений с советским послом.

Но с самого начала переезда в Версаль ее особенно тревожила судьба русских людей, оказавшихся вследствие войны заграницей, а также положение русской церкви.

Выдачи беженцев советчикам в ней вызывали тревогу не только за выдаваемых, но и за упадок морального уровня и правового сознания тех, кто эти выдачи предписывал.

Мама считала, что русская православная церковь в свободных странах ни в коем случае не должна находиться в подчинении у Московской Патриархии, ввиду

того, что действия московских иерархов не свободны, а находятся под полным контролем советской власти.

В первые месяцы после окончания войны положение было еще настолько неясно и неопределенно, что мама сразу не могла понять в какой области она может работать. Первое время писать было негде и это ее очень тяготило. Позже С.П. Мельгунов начал выпускать свои тетради и мама в них сразу стала писать. В тетради появившейся в 1948 году и озаглавленной „ За Россию ” (почти каждая тетрадь носила новое название), мама напечатала статью, назвав ее „ По Божески ”.

В этой статье она писала :

„......Ведь только ослеплением можно объяснить, что от русских противников коммунизма не редко приходится слышать — у большевиков есть положительная программа, а у нас нет. Конечно есть. Прежде всего, в основе всего, что нам дорого, заложены заповеди Моисея и учение Христа. Коммунизм и то и другое отрицает, нарушает даже такие древние установления человеческого общежития, как заповеди „ не убий ” и „ не укради ”. Прежде чем говорить о положительной программе большевиков положите на весы миллионы трупов женщин, детей, мужчин, замученных коммунистами, и посмотрите, что останется от заповеди „ не убий ”. В ответ на заповедь „ не укради ” надо написать такой же длинный свиток. Они расточили, разграбили, разорили всю Россию. Начали с барина, кончили мужиком. Самое имя России расточили а престиж ее, заслуженный, древний, могучий, воровским образом прицепили к какой то кличке СССР. Нет, я не согласна считать, что государственная власть построенная на грабеже, убийстве, насилии, человеконевистичестве, имеет положительную программу. Я ищу такой власти, такого государственного строя, который и во внутренних и во внешних делах стремился бы руководствоваться высокими истинами завещанными Спасителем... ”.

Статья мамы кончается следующими словами :

„ В основу всей преобразовательной работы должно лечь возрождение и раскрепощение духовных народ-

ных сил. Исполнителей надо искать среди тех, кто хочет и умеет жить по Божески. Я верю, что несмотря на все усилия большевиков дехристианизировать Россию, таких людей там много. Верю, что близится время, когда все народы населяющие нашу родину получат долгожданную возможность жить по человечески, жить по Божески ".

После перемирия С.П. Мельгунов был одним из первых поднявших голос против коммунистов, до него таких голосов почти не раздавалось. Мама его сразу поддержала. Раньше мама с ним никогда не общалась, между ними не было никакого контакта. С.П. Мельгунов принадлежал к интеллигентским кругам с левым уклоном, которые маму политически совершенно не интересовали, к тому же С.П. Мельгунов всегда подчеркивал свой антикоммунизм в тот период, когда во Франции даже опасно было проявлять такие настроения, подкупил маму. Она стала часто встречаться с Мельгуновым и всегда его поддерживала. В так называемую „ группу Мельгунова " она не вошла, но была активной сторонницей этой группы.

Мельгунов со своей стороны очень ценил мамину поддержку, считался с ее мнениями и всегда обсуждал с нею текущие события. Он довольно часто бывал у нас в Версале. Мама старалась смягчать его резкость в обращении с людьми. Она всегда поддерживала Мельгунова в его стараниях спасти Д.П. от выдач и по его указанию ручалась за лиц, которых она лично не знала и даже про которых раньше ничего не слыхала. Делала это она ввиду чрезвычайного доверия к Мельгунову. Всю свою жизнь она с большой осторожностью давала рекомендацию и всегда только тем, кто ей был лично известен.

Судьба Д.П. маму беспокоила все больше и больше. Она видит отдельных беженцев из Советского Союза, беседует с ними и с волнением выясняет, что несмотря на десятилетия, прожитые под советской властью, они одинаково со старыми эмигрантами относятся к коммунизму. Был период, когда французские власти сговори-

лись с советчиками, предоставив им право хватать и увозить новых беженцев из Советского Союза. Однако это право ловить людей не было распространено на старых эмигрантов. Кроме того наш дом в известном отношении был под охраной английского флага так как у мамы и у Наташи были английские паспорта. Это дало нам возможность прятать у нас новых беженцев.

Мама считала, что вопрос о судьбе этих людей выдвинулся на первое место... Она решает этим заняться.

У меня сохранилась копия ее письма к Александре Львовне Толстой от 6-го июля 1946 г. когда Толстовский Фонд еще не наладил перевозку беженцев за океан. Привожу из него выдержки :

„ Глубококоуважаемая и дорогая Александра Львовна, — писала мама, — Давно собираюсь писать вам по поводу русских, попавших в так называемые Д.П. Никто не знает сколько их, где все находятся, но теперь уже можно с уверенностью сказать, что их не мало что большинство находится в лагерях в Германии и Австрии. Сейчас англо-саксы их поят и кормят, но завтрашний день закрыт тучами и все чаще из лагерей приходит просьба подготовить, упорядочить для них этот завтрашний день, организовать их переселение и расселение. На состоявшейся в мае и июне конференции о беженцах уже говорили о расселении Д.П. всех наций. Какой то план разрабатывается в тайниках международных комиссий и совещаний. Слава Богу, что этим занялись. Но и новые интернациональные чиновники легко впадают в старую бюрократическую рутину, бездушную и безличную. Надо постараться оградить от них тех, кто сидит за решоткой. Они зажаты в лагерях, им трудно настаивать, часто невозможно добиваться. За них это должны делать мы, свободные люди. Тут иная задача чем до сих пор стояла перед Толстовским Фондом. Не надо собирать средств ходить с ручкой. Деньги будут даны международными организациями. Но нужны челобитчики, правовые ходоки, вроде тех, что уезжали за океан, когда Ваш отец вывозил

духоборов. Теперь жизнь ставит перед его дочерью такую же задачу в еще более грандиозном масштабе.

„ Задача эта состоит в том, чтобы добиться для русских Д.П. внимательного к ним оношения, чтобы их не загоняли, как белых негров, куда придется, чтобы переселение было РАЗУМНОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИ ОСМЫСЛЕННОЕ, ГУМАННОЕ... ".

„ ...Для этого вряд ли нужно создавать новую организацию, когда существует Толстовский Фонд. Благодаря тому, что ООН в Нью Йорке, Америка является в этом деле центром. К тому же и центр русской общественности перешел после войны в Соединенные Штаты. У вас там больше свободы и простора. Поэтому, хотя вы все там и завалены работой, но совершенно необходимо и неотвратимо, чтобы ваш Фонд стал главным местом, куда все сведения должны стекаться, куда могут обращаться и те, кто сидит в лагерях и их друзья на свободе, посылать вам сведения, от вас получать указания. В самом ООН есть русские, которые вероятно не откажутся сотрудничать в этом деле, насущном и неотложном. Именно теперь, пока за него не взялись вплотную, важно предотвратить ошибки. Само собой разумеется, что Д.П. трудно рассчитывать, что им предоставят полную свободу выбора и иницативы. Но чиновникам, которые будут ими заниматься, необходимо пояснить, что чем больше этим Д.П. будет предоставлено самодеятельности, тем меньше хлопот, забот и ответственности будет на принявших их государствах . . .

„ . . . Пора кончать письмо, а я еще многого не договорила. Хочу прежде узнать, согласны ли Вы со мной, что это работа необходимая, что Вы записываетесь в артель ходоков и челобитчиков и готовы центром ее сделать Толстовский Фонд ? Верю и уповаю, что согласитесь. С.В. Паниной я пишу отдельно прошу ей показать это письмо и сказать, что я не могу допустить чтобы она не поддержала дела такой важности. Ведь ее осаждают письмами из старой Европы, в которых наверное те же просьбы.

Само собой разумеется, что отдаю это письмо в полное Ваше распоряжение... ".

Мама собщает, что она получила самый благоприятный ответ от А.Л. Толстой на свое письмо. Это ее очень успокоило. Она понимала, что дело Д.П. попало в хорошие руки. У нее самой не было возможноси заниматься Д.П. в международных масштабах, как это удалось так успешно сделать А.Л. Толстой. Но все же в конце она создала в Париже под своим председательством комитет помощи Д.П. Ближайшей ее сотрудницей в этом деле была С.М. Бибикова. Мама списывалась с Д.П. и с различными международными организациями. Она добивалась облегчения участи отдельных людей. Так например благодаря ее английским связям был освобожден из тюрьмы в английской зоне оккупации ген. Бичерахов.

Парижское общество помощи Д.П. всеми способами собирало деньги — по подписным листам, устройством концертов и.т.д.

Несмотря на свои семьдесять восемь лет мама была в этом деле главной движущей силой.

В начале 1947 года уезжает в Америку моя дочь, ее внучка Наташа. Разлука с ней для мамы тягостна. Но она умеет держать себя в руках и знает, как нас поддерживать. У нее всегда была очень живая переписка с Наташей. Некоторые письма к внучке очень красочны и выразительны. Вот например открытка Наташе посланная 21-го октября 1945 года из Версаля еще в Гренобль, куда внучка ездила держать экзамен.

„ Крепись !
Учись !
Бодрись !
Себя цени !
С нами Бог !

Старая предка (или прародительница) ".

14-го марта 1947 года мама писала Наташе из Версаля в Урбану в штате Иллинойс :

„ Весь день, все эти дни, я все стучу то самим Д.П., то для них. Сейчас вся моя кровать и стол завалены бу-

магами, карбон пейпер (стыдно забыла русское слово). Лежит письмо к Толстой. Уже отправлены три в Лондон. Суеты много, а воз и ныне там. Вещи мы наконец отправляем при помощи католиков. А самих Д.П. куда нибудь начать перевозить никак не удается...

Мы всетаки стараемся, что то толкать. Нас самих толкают письма, которые нам пишут из зон. Туда просачиваются сведения, что есть какие то русские кружки, издали представляющиеся в весьма преувеличенном виде. Прямо читать неприятно. Точно мы обманщики. Я утешаюсь только мыслью, что не будь нас, этим зажатым в тиски людям, даже и писать было бы некому. Отвечаю я им честно и даже этот отклик от незнакомого человека, повидимому, что то дает... ".

Дальше в том же письме к Наташе мама пишет о процессе сосредоточения: „...Надо развить такой внутренний аппарат, который стягивал бы все мысли к одному, — говорит она, — и их потом выпускать в известной последовательности. Это как когда ты хочешь сделать прыжок или нырнуть и собираешь себя внутри в комочек, а потом бросаешься. Главное надо заранее построить все, отметить сразу самое важное. Полезно во вступительных словах это сказать, а потом развивать... Не поддавайся малодушному сомнению, а вдруг не справлюсь. Конечно справишься, но прежде всего справься сама с собой. Рассердись на себя, скажи себе, я во что бы то ни стало перескачу. Когда то давно давно я все приставала к бибиньке (ее матери), чтобы она мне сказала, как писать сочинения? Она наконец рассердилась: А ты подумай и напиши". Меня так поразило, что она рассердилась, что я обиделась и с тех пор никого не спрашивала, а сочинения писались сами собой... ".

4-го апреля 1947 года мама писала Наташе в Америку:

„ Дорогая моя Наташа, Христос Воскресе, Поздравляю тебя со Светлым Праздником. Точно какие то веяния из мира невидимого струятся вокруг нас. И так тепло

вспоминать длинный ряд пасхальных торжеств. В эту ночь, и ты и мы будем острее думать друг о друге, но печалиться не надо. Слава Богу, что мы все равно радуемся, что Воскресение Христово нас к нему приблизило, дало нам грешным и маленьким какие то на него права. Мы дети Его ".

В письме к Наташе от 7-го ноября 1947 года мама следующим образом описывает свой рабочий день :

„ ... Я поздно начала работать и это было очень невыгодно. А сейчас бегу сразу по нескольким дорожкам.

1) Пишу об Екатерине II. У Саблина в начале декабря собрание в ее честь и он это просил.

2) Веду переговоры о статье по русскому фольклору. Работа платная, мне хочется получить, но надо представить план. Поэтому я езжу в библиотеку школы Восточных Языков.

3) Перечитываю „ Воспоминания " прежде, чем переслать их Карповичу.

4) Держу корректуры, т.е. вожусь с Пушкиным. Но это уже только правка набора. Текст ведь у меня давно написан.

Как видишь жизнь у бабушки хлопотливая. Но я лучше всего себя чувствую, когда сижу у письменного стола, или в библиотеке ".

Мама не упоминает, что она также постоянно пишет статьи для Мельгуновских сборников. Но она так легко писала газетные и журнальные статьи до самых последних лет своей жизни, что даже забывает об этом упомянуть.

Для меня не совсем ясно о какой статье об Екатерине Второй она говорит. Статья, которую я нашел в ее бумагах и которая была напечатана в „ Возрождении " в марте 1962 года была помечена 1933 годом. Возможно, что было две статьи и я этого последнего текста не нашел. В ее бумагах осталось много выписок об Екатерине. Уже в самые последние годы своей жизни, она часто говорила, что если была бы моложе, то села бы писать книгу об Екатерине Второй. Напечатанная в „ Возрож-

дении " статья живо передает на двадцати страницах облик этой Великой Императрицы и рассказывает об ее деятельности. Это художественная статья и по построению и по стилю, конспектная квинтэссенция всего царствования, без конспектной сухости.

Осенью 1947 года представитель одного издательства в Голландии предложил маме написать книжку о русском фольклере. Она не сразу дала положительный ответ, а сперва выяснила может ли она в Париже найти необходимый материал.

Русское народное творчество сразу захватило маму. Книгу она написала, но голландское издательство перестало существовать. Ей удалось напечатать свою работу только через одиннадцать лет под названием „В мире чудесного" в парижском „Возрождении" в качестве серии статей. Но это целая книга в одиннадцать глав почти в 200 страниц.

В предисловии к своей работе мама писала:

„О русском фольклоре написано очень много ценных книг. Но доставать эти книги за рубежем очень трудно. Вот я и хочу, если сумею, пересказать читателям то, что мне кажется в фольклоре самым существенным и что меня в нем больше всего поражает. А главное передать им то радостное, порой горделивое волнение, которое я испытала, когда на меня пахнуло могучей даровитостью бескнижного, устного творчества Православной Руси. Поэзия, искусство слова, разнообразное и выразительное, срослись с русским народом, неотделимо от всей его жизни, трудовой и празничной, материалной и духовной. Народ пользовался ритмическим словом, как пользовался воздухом, солнцем, русским языком, всем, что принадлежит каждому, что сам Бог дал. Последний дар издревле считался даром Божьим".

В письме к Наташе в Америку 18-го декабря 1947 года мама писала:

„Дорогая Наташа, поздравляю тебя с наступающим праздником Рождества Христова и желаю чтобы ты, как Евангельские пастухи, услыхала в сердце своем слово-

словие ангельское. Заметь, что в Евангелье не важные волхвы с богатыми дарами, а вот именно пастухи, люди простые, смиренные, были ангелами извещаны о величайшем на земле событии.

"Я это время купалась в освежительном море старинных духовных стихов. Это народная поэзия. Их пели еще в Киеве веками по памяти до самых большевиков. Большая в них красота и одухотворенность. Есть стих о грешной душе, который начинается как поэма Пэги, где он описывает, как Христос плывет на корабле, а за ним как стрелы летят молитвы.

„По морю по синему, по Хвалынскому,
Тут и шли, пробегали через корабли.
На этих кораблях святые ангелы сидят,
На встречу им сам Иисус Христос ..."

С приближением выхода второго тома „Жизни Пушкина" ее мысли опять обращаются к Пушкину. 28-го октября 1948 года она пишет Наташе в Америку :

„Дорогая моя Наташа, Я просто счастлива, что Пушкин наконец добрался до твоего сердца. Мне было досадно, что ты его холодно читаешь, что „его стихов пленительная сладость" тебя не волнует. Я знала наизусть письмо Татьяны, когда мне было восемь лет. Да и не только это письмо, многие страницы. Как счастливы мы русские, что такой гений был почти нашим современником, что он созвучен не только моему, но и твоему поколению. Онегина любил Николай Второй и Ленин. Разве это не чудо из чудес. Возьми байроновского Дон Жуана и посмотри насколько Пушкин, которого так долго считали подрожателем Байрона, выше его по легкости, по блеску стиха по той чарующей простоте и правдивости чувств, которые составляют одну из самых глубоких особенностей его гения. Этой простоте научил он и пришедших после него русских писателей. Ни у Толстого, ни у Тургеневая, и Чехова ты не найдешь никогда никакого выверта. А у Достоевского он есть ..."

„Словом продолжай читать Пушкина и будет твоя душа обновляться одновременно с твоим телом. Это ты

хорошо определила. Вообще ты хорошо пишешь письма. Мы все одобряем. Ты верно пишешь, что Пушкин хороший друг. Те, кто раз испытал на себе его чары, могут всегда, и при всех обстоятельствах, расправляться под его лучами. Но он и при жизни своей был для живых друзей верным и щедрым другом. Когда ты доберешься до моей книги, ты это увидишь. Я принялась за его биографию с очень смутным представлением об его характере. Какое это было наслаждение шаг за шагом открывать его, подходить к нему все ближе. Сколько раз я говорила дедушке, (ее мужу) что я самая счастливая женщина в Англии потому что вся моя жизнь проходит с ним и с Пушкиным. Я и сейчас считаю, что они двое придали моей жизни полную исключительность ".

„ Насколько помню, я тебе послала мою „ Жизнь Пушкина ". Загляни в него. Онегина там еще нет. Он во втором томе. Но уже есть рассказ о его творческой жизни, а главное о нем самом. Если тебе скучно про лицей, начни с Кавказа. Я увлеклась этой эпохой и дала много подробностей, штрихов из исторической обстановки, которые не всех читателей также интересуют, как меня. Во втором томе я сдержанее. Но мне конечно хотелось бы чтобы ты и в первые три части заглянула. Тогда поймешь, каким метеором взлетел Пушкин над русской жизнью и как в то же время он был жизненно связан с тогдашней Россией, сверху до низу, начиная от мужика и кончая царями. И все и всех понял. Ну когда начнешь о Пушкине, то сколько ни говори, все мало. Это еще Ключевский писал . . . Я вижу, что ты, как Онегин, скучаешь в своем американском лесу. Чувствую, что ты подкисаешь от одиночества. В утешение скажу тебе, что Александр Блок, еще до революции, в разгар своей славы, когда и его стихи, и он сам сводили съума весь интеллегентский Петербург, особенно женщин, в ответ на чьи то жалобы об одиночестве писал : „ А кто же не одинок, всякий человек живет в одиночестве " . . . Глядя на собственных ДИПИ, мне еще больше обидно, что ничего не могу сделать для тех десятков тысяч, которые там сидят на при-

вязи. Очень это все зажато и запутано. Тут и большевики травят и всякая международная чиновничья мразь бездействует, или ставит помехи. Противно и тяжко чувствовать свое бессилие перед тупой ничтожностью хорошо оплаченных и скверно работающих служащих всяких ИРО и УНРА и как их там еще зовут".

За эти послевоенные годы жизни в Версале мама несколько раз ездила в Лондон. Ей было приятно погрузиться в английскую жизнь, которую она очень любила, приятно было встретиться со старыми друзьями. Соня и Дина несколько раз приезжали к нам в Версаль.

Однако в письмах из Лондона мама упоминает, что старых друзей становится все меньше. Но с главными своими английскими друзьями Темпельвудами (бывшие Хоры) она видится постоянно и эти встречи для нее очень приятны.

В 1946 году она попадает в Лондон как раз в тот момент, когда вследствии болезни митрополита Евлогия возникает опасность подчинения русской церкви во Франции Московской Патриархии. Маму это очень тревожит. В Лондоне она принимает участие в целом ряде собраний в связи с положением церкви. Когда митрополит Владимир замещает пост освободившийся после смерти митр. Евлогия и занимает твердую отрицательную позицию по отношению к Москве, то мама облегченно вздыхает.

5-го апреля 1949 года, поздравляя Наташу с рождением, мама писала ей :

„ ... Я на прошлой неделе очень хорошо отговела. В среду прослушала на Дарю преждеосвященную обедню. Замечательная служба. Народу было мало. Не было утомительного дамского шуршания и болтовни. Митр. Владимир почти всю службу стоял один на своем возвышении посреди церкви и молча так молился, что вся моя душа поворачивалась к нему. Какое это богатство такой дар молитвы, как у него".

Мама старалась просматривать все выходящее по русски, доставала французские и английские книги. А по вечерам очень интересно нам рассказывала о прочитан-

ном. Моя жена, также много читавшая, особенно любила эти ее рассказы о книгах.

Мы ждали американской визы и конечно волновались из за предстоящего переезда. 26-го ноября 1949 года маме исполнилось восемьдесят лет. „ Возрождение ” и „ Русская Мысль ” посвятили маме длиные статьи. А она только улыбалась и говорила :

„ Право не стоило этого делать. Ну стоит ли поздравлять с восьмидесятилетием ? ”

День своего рождения мама описала Наташе в следующем письме, посланном 29-го ноября :

„ Дорогая Наташа, . . .Твое письмо, как всегда полное жизни согрело мое восмидесятилетнее сердце. Ты даже за советы меня благодаришь. Это не всегда бабушкам от внучек перепадает. Но я дорого бы дала за то, чтобы ты по вечерам влетала в мою комнату, и, сидя на моей постели, болтала бы о чем придется. К счастью для нас всех твоя болтовня и в письмах твоих долетает к нам через океан... Ты посмотрела на жизнь людей, которые не могут или не хотят, делать умственных усилий и ты видела как их затягивает тиной. Вот оттого я к тебе и пристаю с экзаменами и докторатом. Все это поднимает нас выше того, что мы в России называли обывательским болотом. С каждой новой ступенью умственного продвижения дышется легче. Как в горах. Не говоря уже о том, что и в жизненном отношении дипломы расчищают путь, открывают двери. Один из умнейших русских государственных людей (Сперанский) говорил, „ в жизни надо не только быть, но и слыть. „ Вот тебе обычная бабушкина мелодия. А теперь буду хвастаться своим рождением.

„ Было очень хорошо, превыше моих заслут, так что мне все время приходилось говорить : „ ах что вы, зачем, право мне совестно... ”. А в то же время я принимала одной рукой букеты, другой пироги и конфеты. Жаль, что ты не могла к ним присоседиться.... Такова была сторона гастрономическая, а затем сторона приветственная. За завтраком нас было двенадцать, включая священника

из Шавиля (о. Иоанн Максименко). Это твоя мама подала хорошую мысль, начать день с молебна, который отслужили в моей комнате. Тетя с Диной как раз успели ввалиться, сестры из Медона прибыли, Миллингтоны (английский офицер с женой, жившие у нас) тоже присутствовали и Четвериковы (мать и дочь, наши дальние родственники, которые жили у нас) так что, если бы ты влетела, тебе только хватило бы места. Я была рада за вас всех и за себя помолиться. За завтраком выпили за кого полагается и батюшка даже сказал речь, в которой он заявил, что есть патриарх, а вот я это матриарх. Я немного опешила, никак не ожидала что меня, даже в высокоторжественный день, можно сравнить с патриархом? Сильно сказано. Потом потекли гости.

Пили чай, а кому и винца перепало. Мельгунов, редактор журнала, где я иногда пишу, явился целой делегацией, сам третей, с букетом больших размеров. Но мои сотрудницы по комитету (помощи Д.П.) перещеголяли, приехали впятером, каждая что нибудь да привезла, а все вместе поднесли мне вроде того аттестата, как дают породистым лошадям. Следовало бы его повесить на стене, да боюсь, что засмеют. Нет, без шуток, все это было очень трогательно. Хотя по существу все это конечно преувеличено. Со старостью поздравлять нечего. Это не преступление, но и не заслуга. А когда я читаю поздравительные письма, то со вздохом думаю — вот как они обо мне думают. Значит надо стараться, чтобы заслужить такое мнение. Ну а стараться с каждым годом хочется все меньше. Но конечно все эти проявления дружбы меня не могли не согреть. Только не хочу, чтобы „вещуньина вскружилась голова", хочу как можно скорее влезть в обычную работу. Последнее время было слишком много людей. Да и машинка была не в порядке, а я без нее как без рук. Я соберу приветственные письма в один конверт и когда нибудь, много лет спустя, ты с усмешкой их посмотришь... Твои родители очень много хлопотали о моем рождении. Теперь понемногу приходят в себя...

Целую тебя крепко моя дорогая любимая умница внучка.

Не знаю нравится ли тебе иметь бабушку, но мне очень нравится иметь внучек. Господь с тобой. Каждый вечер за тебя, да и за всех вас, молюсь. Твоя Бабушка ".

В ожидании американской визы прошел еще год. Нам казалось что мама не меняется. Она полна жизни, энергии и желания продолжать свою литературную работу. Как всегда она продолжает всем интересоваться. У нее живой, я бы сказал молодой взгляд. Она всегда окружена друзьями и как и в былые годы, ее разговор увлекателен и суждения здравы. Попрежнему ее взоры и помыслы устремлены на Россию.

Моя дочь в Америке уже замужем. У нее своя дочь — Катя. Маму волнует и интересует появление на свет правнучки. Но сперва она не хочет ехать с нами. Во первых ей жаль расставаться с дочерью и внучкой, которые в Лондоне. А во вторых ее в какой то степени пугает неизвестность. У нас в Америке ничего не устроено. Наташа еще учится и она далеко, в штате Иллинойс. В начале мама предлагает приехать когда мы устроимся, но месяца за два до отъезда меняет свое решение и говорит, что готова ехать с нами. Я думаю в этом отношении больше всего на маму повлияла моя жена. Мама всегда хорошо знала, что пока Тамара с ней, для нее все необходимое будет сделано, без торопливости, но уверенно. Она любила Тамару за прямоту и была твердо уверенна что моя жена никогда не покривит душой. Мама с большим уважением относилась к Тамариной религиозности и любила с ней вместе ездить в церковь. В тяжелые минуты жизни они всегда друг друга поддерживали. Иногда Тамара просто молча сидела около мамы и потом мне говорила, что это успокаивает ее душу.

Мама так волновалась из за переезда в Америку, что когда уже были взяты билеты на последние деньги, то она от волнения заболела. За три дня до отъезда, мы еще не понимали сможет ли она ехать. В вагон ее посадили полубольной. Но она положилась на Тамару и на меня и на восемьдесят втором году жизни отправилась за океан, покинув Европу 6-го марта 1951 года.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПЕРЕЕЗД В АМЕРИКУ

Последние одиннадцать лет своей жизни мама прожила со мной в Соединенных Штатах, сперва в Нью Йорке, а потом в Вашингтоне. Она пережила свою внучку, мою дочку Наташу, а потом невестку, мою жену Тамару Викторовну. Несмотря на эти очень для нее жестокие удары судьбы она сохранила почти до конца своей жизни свою бодрость, энергию и ясность ума. Еще за год и два месяца до своей кончины она написала воспоминания о Льве Толстом. („Возрождение", ноябрь 1961 года). Трудно сказать, что эта статья была написана женщиной, которой девяносто один год.

Уезжая из Европы, она отрывалась от дочери и от другой внучки, а также от старых друзей. Она ехала в далекую совсем неизвестную ей страну и на полную материальную неизвестность. Я совершенно не знал, как удастся мне устроиться. К переезду в Америку нас побуждали два обстоятельства — семейное и общеполитическое. В университетском городе под Чикаго училась моя дочь Наташа, с которой мы все трое были крепко связаны. Кроме того нас тревожила возможность дальнейшего расширения коммунистического влияния в Европе. Мы считали, что в этом отношении в Соединенных Штатах мы будем как за каменной стеной.

Нас всех беспокоила высадка в чужом, неизвестном и огромном Нью Йорке. У нас не была даже обес-

печена квартира. Денег было месяца на два. Но на нью йоркской пристани все сразу изменилось, когда мы увидели группу старых друзей, раньше нас попавших в Америку. При виде их у мамы лицо расправилось и повеселело. Во главе встречающих была гр. С.В. Панина. У нее были особые отношения с мамой. Мне кажется, что они были связаны взаимным глубоким уважением двух выдающихся женщин. Суровая к себе, но мягкая в обращении с другими, Панина была до революции видная общественная деятельница и крупная благотворительница. Она была одной из самых богатых женщин в России и тратила сотни тысяч золотых рублей ежегодно на просветительные и благотворительные цели. В эмиграцию она попала без всяких средства и вся отдалась общественной работе. Гр. Панина была прямым и бескорыстным человеком. Никакие бури не могли ее согнуть. Она всегда делала до конца то, что она считала нужным сделать. Мама с ней ближе сошлась только во время революции. В эмиграции она всегда поддерживала с ней дружескую переписку. Но их жизнь так сложилась, что в Нью Йорке им удалось чаще встречаться чем в Европе.

Маму с пристани сразу увезли к себе в далекий пригород Нью Йорка Саговские. Нину Владимировну Саговскую мама знала в Лондоне еще девочкой и очень ее любила. Меня с женой С.В. Панина буквально вселила в квартиру художника Добужинского. Без ее настойчивости Е.И. Добужинская никогда не согласилась бы нас принять.

Саговские — муж и жена, окружили маму исключительными заботами и благодаря этому она быстро начала восстанавливать свои силы. В Си Клиффе, где жили Саговские, уже тогда была довольно большая русская колония. Маму все приветствовали и проявили к ней самые дружеские чувства, начиная от вдовы ген. Врангеля, Ольги Михайловны и ее дочерей и до семьи проф. Н.С. Арсеньева. Эта дружеская атмосфера в Си Клиффе помогла маме начать осваиваться в новой стране. Помог маме также и английский язык. Она пошла в лавки и ей

показалось, что она в каком то необычном углу Англии. Мы каждый день говорили с ней по телефону и раз в неделю ездили к ней.

Летом мы сняли часть большого дома в Си Клиффе и все собрались под одной крышей — из Иллинойса приехала Наташа со своей дочкой Катей и с мужем. Мы уже знали, что Наташа больна, но в первое время не отдавали себе отчета в роковом характере ее болезни. Следующие три с половиной года мы прожили под страшным знаком болезни Наташи. Несмотря на свой преклонный возраст мама проявляла чрезвычайную выдержку и всегда сохраняла свою бодрость и жизнеспособность. Этим она поддерживала нас и находила в себе силы писать и заниматься общественной и политической деятельностью. Осенью она переехала к нам в Нью Йорк в квартиру Добужинского. А весной 1952 Добужинские уехали в Европу, оставив нам в полное распоряжение свою приятную квартиру, находившуюся в самом центре города.

Наташа с семьей уехала на зиму в Иллинойс и только через год переехала в Кембридж под Бостоном, что дало нам возможность чаще ее видеть.

В Нью Йорке в те годы бурлили русские политические страсти. Было много различных группировок и каждая стремилась изобрести более верный и скорейший способ уничтожения советской власти в России. Было несколько левых групп (по старой русской терминологии), были и крайние монархические группы. Но люди, интересовавшиеся политикой видели и понимали, что нет центра. И вот к маме начали обращаться многие за помощью для образования такого центра. В конце концов эта центральная группировка была создана под названием — Российский Политический Комитет. Председателем был избран Б.В. Сергиевский, вице председателями мама и А.Л. Толстая, секретарем С.Л. Войцеховский. Заседания Комитета чаще всего происходили у нас на квартире. Маме шел восемьдесят четвертый год, но несмотря на свой возраст она сохранила свое умение точных формулировок и пожеланий, а также свою способность быстрого составле-

ния резолюций. При всем этом у нее был исключительный такт и чутье, что можно делать в данный момент а чего не следует делать. Поэтому все члены комитета всегда внимательно прислушивались к ее словам. А мы, домашние, наблюдая, как она занята весь день и как она сидит в привычной позе за своим письменным столом иногда забывали про ее возраст.

Наша квартира из за мамы быстро начала превращаться в один из русских центров в Нью Йорке, к которему тянутся нити из всей Америки и из многих других стран.

Не легко нам троим было держать себя в руках, мы видели, как Наташа теряет силы. Но мама всегда говорила :

„ Ради Наташи мы должны сохранять бодрость ", а потом стала добавлять ".

„ Ради Наташи и ее Кати ".

Сама она старалась заглушить тревогу и тоску работой.

Все ее время всегда был расписано и она всегда была занята. В эти годы в Нью Йиорке она писала довольно много статей в „ Новом Русском Слове „ и в парижских „ Русской Мысли " и „ Возрождении ".

В майской книжке „ Возрождения " 1954-го года на первом месте напечатана ее статья " „ Россия и Европа ", в которой она напоминает о разных мнениях русских относительно того принадлежит ли Россия к Европе или нет. Она рассказывает о Чаадаеве и о том как Александр Блок „ истерически вопил в письмах к матери, „ России не было, нет и не будет ".

„ Чаадаев и Блок своими бредовыми сомнениями — существует ли Россия, точно накликали на нее черные силы ", — пишет мама в этой статье, — и заканчивает ее следующим образом :

„ Европейская культура создалась и держалась на христианстве, с которым безбожный коммунизм не имеет ничего общего. Это чужеродное тело и в Европе и в России. Сильная русская государственность воспиты-

валась и росла на основе православия. В нем исторические корни нашей народной жизни. Оттого народ наш имеет право считать себя членом большой европейской семьи, а поработивших его коммунистов надо отнести к непомнящим родства интернационалистам, у которых, как они сами говорят нет отечества. На сомнения — можно ли причислять Россию к Европе ответ простой, конечно можно, но к Европе не Карла Маркса, а Иисуса Христа ".

В эти годы печатаются два тома „Воспоминаний" мамы, написанные еще в о Франции — второй том вышел в Нью Йорке. Он озаглавлен „На путях к свободе", а первый том озаглавленный „ То, чего больше не будет " вышел позже во Франции. Наконец уже в 1956 году отдельными главами был напечатан в парижском „ Возрождении" третий том „Подъем и Крушение". В нем находится много ценного исторического материала. Мама его подготавляла в Нью Йорке и в Вашингтоне и отделывала последние главы, когда ей уже было за восемьдесят пять лет. У нее был замысел написать и четвертый том — ее жизнь вне России. Но на это уже не хватило сил. Первый том это юность, жизнь помещичьей семьи. Второй том это преддверье к революции 1905 года и первые годы Государственной Думы. Третий том это расцвет России после 1905 года, война и революция. Второй том маминых воспоминаний „ На путях к свободе" вызвал бурю среди эс-эров в Нью Йорке, так как в нем мама пишет, что во время русско-японской войны социалисты революционеры брали деньги на революционную работу от японцев. Руководители эс-эров в Нью Йорке предложили ей устроить диспут. Она конечно согласилась. Мама никогда не отказывалась публично защищать свои заявления и утверждения. Эс-эры, соблюдая вежливость, набросились на нее, настаивая, чтобы она точнее указала откуда у нее эти сведения. Защищали маму в этом диспуте новые эмигранты, Они говорили, что книга им дала очень много для понимания русской истории.

Но как критики, так и защитники книги удивлялись как мама в свои восемьдесят четыре года, так ясно отвечала на вопросы и потом подвела итог прениям.

Последнее сравнительно безмятежное в семейном отношении лето мы прожили в 1953 году в прелестной лесной деревне в Штате Вермонт. Наташа еще принимала участие в общей жизни. Ее молодой организм еще сопротивлялся болезни. Она каталась на автомобиле, купалась, оживленно беседовала с приезжавшими гостями. Мама с присущим ей оптимизмом повторяла :

„ Вот видите какая Наташа, вот увидите, все обойдется ". Маме уже был известен роковой характер Наташиной болезни. Поэтому я думаю, что она могла это говорить, только чтобы поддержать мою жену.

Мама как всегда постоянно ходила в церковь, часто причащалась. Она считала себя принадлежащей к американской Митрополии, но почитала митрополита Анастасия и навещала его. Их связывала общая любовь к Пушкину. Просвещенный иерарх любил беседовать с мамой и всегда оказывал ей большое внимание. 17-го октября 1953 года мама писала Наташе из Нью Йорка в Кэмбридж.

„ . . . Ну, а я без них поехала к обедне. Эти полтора часа, что я по воскресеньям провожу в церкви самое полное, светлое и богатое время моей недели. Прошу святых нам помочь, нас научить, нас пожалеть Складываю к их ногам груз жизни, который каждому из нас иногда представляется непосильным, и верю, что дадут они облегчение. Так много кругом боли, несчастья, что бы люди делали без невидимых заступников ".

Осенью 1953 года из Европы приезжала другая внучка мамы — Дина Бочарская. Мама была все охвачена радостью при ее появлении. Когда Дина входила в комнату, то лицо мамы светлело.

Зима 1953 и 1954 года прошла для мамы между бурной детской жизнью маленькой правнучки и все больше и больше угасавшей внучкой, которую она так любила. Наташа с семьей жила в Кэмбридже в штате Массачус-

сетс, но очень часто приезжала к нам и оставляла у нас свою дочку. Мама продолжала писать статьи, править свои рукописи, редактировать разные документы, выпускаемые Российским Политическим Комитетом и участвовать в его заседаниях. И в то же время она внимательно ухаживала за Наташей, возила ее в церковь и по маминому настоянию на Пасху 1954 года у нас были устроены розговенья, чему Наташа была рада.

Осенью 1954 года мы все переехали в Вашингтон, так как туда был переведен „ Голос Америке ", в котором я служил.

Наташа со своей дочкой поехали с нами. Было ясно, что для Наташи был необходим материнский неотступный уход. Через неделю после нашего переезда в Вашингтон, Наташе сделали срочную операцию и она пять месяцев пролежала в госпитале в полупарализованном состоянии. Тяжело было маме навещать свою тридцати трехлетнюю внучку, которая лежала без движения. Но она мужественно ходила к ней и поражалась удивительной выдержке Наташи.

Когда 6-го апреля 1955 года я разбудил маму рано утром и сообщил ей о кончине Наташи, то она только сказала :

„ Не увижу я больше ее очаровательной улыбки ", закрыла глаза и почти без движения пролежала около десяти дней. Мы очень беспокоились за ее жизнь. Но в ней еще сохранился жизненный заряд. У нас осталась Катя, а при ребенке нельзя было быть мрачным.

Присутствие очень похожей на Наташу Кати очень поддерживало маму. Прабабушка отдавала много душевных сил правнучке, зимой в Вашингтоне, а летом в Си Клиффе, в детском лагере Аккорд в штате Нью Йорк или на океане. Они были большими друзьями, рассматривали книги, играли и гуляли вместе. Как двадцать пять лет перед тем моя дочка и племянница своей детскостью помогли маме пережить тяжкую утрату мужа и матери, так и в пятидесятых годах в Вашингтоне ей очень помогала маленькая правнучка.

Посещение Вашингтона дочерью и другой внучкой также было для мамы огромной поддержкой.

Маму мучило не только личное горе расставания с любимой молодой внучкой, но также и общий вопрос.

Еще 1-го января 1955 года, когда Наташа лежала в госпитале мама писала :

„ Сейчас я пытаюсь справиться с горьким недоумением, как рождаются, от чьей воли зависят мучительные противоречия человеческой жизни и страдание невинных людей. Я православная и не только сердцем, но и умом. Но человек слаб, когда злое начало вторгается в его личную судьбу, вместе с ним вторгается и малодушие, коварные сомнения. Трудно все это очень. ”

А через год, когда маме шел восемьдесят седьмой год она опять вся загорелась общественными вопросами. Поводом к этому послужило решение Международной Организации Труда созвать конференцию для рассмотрения вопроса о принудительном труде. Как и двадцать пять лет перед этим, мама опять была убеждена, что русская эмиграция должна отозваться на это. Она обсуждала этот вопрос с некоторыми русскими общественными деятелями, но не нашла достаточного отклика. Пришлось ограничиться большими статьями в „Новом Русском Слове ” и в парижской „ Русской Мысли ”. Статья появившаяся в „ Русской Мысли ” 24-го апреля 1956 г. носит публицистический характер. В ней мама ставит вопрос в международном масштабе и ясно указывает, что надо делать в этом отношении в настоящий момент.

В этой статье, озаглавленной, „ О рабовладельцах ” мама писала :

„ Порочность всей структуры коммунистического государства сказывается не только в сокрушительных условиях лагерного и тюремного труда, но во всем советском строе. Экономические задания, которые советская власть предъявляет населению, невыполнимы, потому что они противоречат здавому смыслу, законам Божеским и человеческим. Власть вынуждена прибегать к жестоким насилиям не над отдельными категориями жителей, а над

всем населением. Все ее представители чтобы проводить ее безумные распоряжена, должны быть насильниками... За что вы в Советской Республике ни возьметесь, будь это Церковь, наука, образование, экономика или быт, вы неизбежно натолкнетесь на то же отрицание и пренебрежение принципами свободы, права и справедливости которые с таким трудом тысячелетиями вырабатывало человечество. Коммунизм — это болезнь духа. Пока мировое общественное мнение этого не поймет, оно неизбежно будет вязнуть в большевистской паутине... Преступление большевиков начались в 1917 году и с тех пор возрастают, усиливаются, становятся утонченнее, но остаются все теми же. Читатели газет на любом языке, а тем более государственные люди, не могут отговариваться незнанием. Безконечные свидетели подтверждают то, что мы, русские, уже 38 лет твердим. Преступления доказаны, преступники налицо. И остаются безнаказанными. Они захватили богатую и сильную Россию, поэтому с ними общаются, вводят их в состав международных правовых организаций, их приглашают и принимают... В Зарубежной России существует столько русских организаций, политических, профессиональных, бытовых научных. Они могли бы сообща, в крайнем случае и россыпью, посылать свои заявления в Международную Организацию Труда в Женеву."

„Конечно впечатление будет внушительнее если посылать из мест скопления эмиграции коллективные заявления, к которым могут присоединиться как общества, так и отдельные лица. Для такого заявления нет надобности собирать следственный матерьял. Все это сделано много раз. Полезно было бы указать, что рабский труд подневольных советских работников является угрозой для трудящихся свободных стран., для мировых рабочих союзов и организаций, которые так долго и с таким упорством добивались охраны труда.

Но главное это добиваться осуждения коммунистической власти за все ее преступления, ее хотя бы экономической и психологичесткой изоляции. Об изгнании со-

ветов из международных конклавов мечтать еще рано. Но к этому демократия будет вынуждена придти. Иначе засевшие в Кремле рабовладельцы поработят и задушат весь мир."

На следующий год в письме ко мне из Си Клиффа от 22-го июля, мама писал:

„У меня как будто начинает медленно просыпаться писательское настроение. Дай Бог не сглазить, и физически я как будто подтягиваюсь".

Она продолжает много читать. Подряд перечитывает весь Ветхий Завет. Новый Завет она уже лет сорок читает ежедневно. Мама с большим вниманием прочитала воспоминания гр. Милютина и написала о них в „Новом Русском Слове" две статьи под названием: „Царь и Министр".

В течение нескольких лет она ездит в Святосерафимовский лагерь расположенный в холмистой местности штата Нью Йорк. Ей нравится там природа, близость детей — где то близко бегает Катя, постоянно к ней забегая. Жизнь невдалеке от церкви тоже притягивает ее.

Маме все больше и больше становится нужна наша опора. Первые годы когда летом она выезжает из Вашингтона, Тамара неразлучно с ней и она уверена, что Тамара все для неё сделает.

Лето 1958 года мама проводит на океане не далеко от Нью Йорка. С ней Тамара и Катя. Я только наезжаю. В начале мама была исключительно бодра и одна ходила в далекие прогулки на океан. Но к концу лета она заболела. Мы срочно вернулись в Вашингтон. Сперва казалось, что ее силы восстанавливаются. Она очень волновалась в связи с историей о получении нобелевской премии Пастернаком. Написала даже о нем большую статью в „Новом Русском Слове". Но в ноябре она опять слегла. Ее отправили в госпиталь. Все кругом считали, что ее дни сочтены. Наши старые друзья, приехавшие к нам, находили, что не только ее дни, но даже часы сочтены. Однако все ошиблись. Она еще осталась с нами,

но не инвалидом, а писательницей, со своим обычным живым и светлым умом.

Наша добрая знакомая, Татьяна Владимировна Хеккер писала мне уже после кончины мамы.

„Никогда не забуду моего разговора с ней по телефону после ее тяжкой болезни, когда даже доктора потеряли надежду ее спасти."

Она сказала мне :

„Когда мне было очень плохо, Аркадий наклонился ко мне и говорит : „Мама не уходи, не оставляй меня, и я осталась".

Первую половину 1959 года к ней возвращаются силы. Ее правнучка, Катя, уезжает в Бостон, в новую семью отца, в квартире больше не слышно детского говора и маме некому рассказывать сказки. Но она к этому относилась с мудрым спокойствием. Она настолько окрепла, что мы нашли возможным отвести ее одну в Си Клифф, куда позже мы должны были приехать.

Но летом 1959 года заболела моя жена, которая в течение двадцати лет с такой заботой бесприрывно заботилась о маме. Пришлось отправить ее в госпиталь. Врачи все время повторяют, что нет основания для тревоги, Тамара очень любила посещения ее мамой. В день девяностолетия мамы Тамара ей прислала следующее письмо :

„Дорогая Ариадна Владимировна, поздравляю Вас с днем Вашего рождения и желаю Вам продолжения спокойной, творческой и ясной жизни. Хотелось бы сегодня выразить все уважение к Вам и вашей деятельности, да к сожалению не умею, всегда не хватает слов. Только хочу сказать, как горжусь Вами и ценю, что столько лет с Вами хорошо прожили. Ваша невестка Тамара, 25-го ноября 1959 года."

Думаю, что это было последнее письмо Тамары к маме.

К Рождеству она возвратилась домой, а 16-го марта 1960 года, совершенно неожиданно для врачей, Тамара скончалась.

Мама поразительно стойко вынесла этот удар, потеряв душевно близкого человека. За двадцать лет совместного житья она очень привязалась к Тамаре. Но маме не легко было сохранять внешнее спокойствие. Ей иногда казалось, что Тамара где то близко около нее. Она стала очень сдержанной в проявлении своих чувств и только однажды сказала мне как то мимоходом:

„ Не выгодно жить так долго, всех теряешь и кругом пустота ". Но это было скорее философское замечание, чем жалоба.

Удары судьбы последних лет своей жизни Мама выдержала так стоически несомненно благодаря своей глубокой вере. Она часто повторяла: „ Верю Господи, помоги моему неверию ". Но думается мне, что с годами ее вера укреплялась все больше и все сильнее сияла внутри нее.

В этом отношении она прошла длинный путь, поднимаясь все время ввысь. Развитие ее религиозно — церковного сознания и углубление ее веры, ярче всего сказывается в ее отношении к Серафиму Саровскому. В 1903 году, вместе с большинством русской интеллигенции, она возмущалась, как тогда говорили „ шумихой, поднятой вокруг канонизации Серафима ". А во второй половине ее долгой жизни, Саровский угодник стал одним из наиболее почитаемых ею святых. Его образ всегда стоял около ее кровати. В Церквах она ставила свечи перед его иконой и горячо молилась ему.

17-го января 1933 года, она писала мне из Лондона в Медон:

„ Я давно думала о Пушкине и о св. Серафиме и было горько, что ходили они по земле одновременно и не встретились. Особенно за Пушкина горько. При его умении проникать в чужую душу, он прямо впитал бы в себя новый свет ".

У мамы повидимому никогда, т.е. в ранней юности, не было материалистических настроений. Во всяком случае я этого от нее никогда не слыхал, когда она мне уже взрослому рассказывала о своей жизни в молодости.

У нее всегда было ощущение существования высшей силы. Она всегда была на стороне „ идеалистов ” в философских спорах. Их книги стояли на полках в ее петербургской библиотеке. Но это было довольно расплывчатое ощущение. Все же мне и сестре в детстве она рассказывал про Христа и про Божью Матерь и ставила в пример их чистоту и стремление к добру. Но к православной церкви она относилась критически, считая ее исполнительницей требований и желаний правительства. До эмиграции она плохо была осведомлена о сущности православия, как и о христианстве вообще и не ощущала его духовных сокровищ.

В статье помещенной в рижском „ Сегодня ” 11-го апреля 1939 года мама писала :

„ Мое поколение почти поголовно было насмешливо равнодушно к религии. Для нас ритм церковного года отмечался только бытовыми подробностями церковных двунадесятых праздников, но не их историческим и мистическим содержанием. Мы о нем не подозревали. Мы читали книги о расцвете цивилизации, но исключительно такие, в которых ничего не говорилось о развитии и утверждении религиозного сознания человечества ”.

То же самое, но другими словами, мама говорит в первом томе своих воспоминаний „ То, чего больше не будет ”. На странице 123-ей мама пишет :

„ Русские люди, получая хорошее образование, оставались совершенно безграмотными, что касается христианства и православия, не подозревая его глубины, его красоты. Только при свете революционных молний, начали мы впоследствие вглядываться в родную церковь ”.

В России мама редко бывала в церкви и если и заходила, то одна и может быть не во время службы. В одной из ненапечатанных глав ее „ Воспоминаний ” есть рассказ о том, как она зашла в церковь перед операцией Гар. Вас.

„ В утро, когда его оперировали, я пошла в часовню Спасителя, в Домике Петра Великого в Петрограде, — рассказывает она, — Поставила свечку в тяжелый под-

свечник, где уже мерцало много свечей, зажженных людьми, так же как и я охваченными тревогой, или печалью. Я стояла на коленях в толпе молящихся, Я горячо умоляла кого то, в кого еще не смела верить. Вряд ли это можно назвать молитвой. Но когда я поднялась с колен, то сердце было спокойнее, увереннее. С тех пор каждый раз, когда кто нибудь из близких болел, я шла к Спасителю, но ни с кем об этом не говорила ".

Оцерковление маминой жизни в значительной степени связано с изгнанием. Попав в Лондон, она начала все чаще и чаще ходить в церковь. Возможно, что в начале ее тянуло туда, так как там больше чувствовалась Россия. Но глубина и мистическая красота православного богослужения быстро захватили ее. Советские страшные гонения на религию еще больше увеличивают ее тягу к церкви. Она совершенно по новому для себя начинает воспринимать богослужение. Для нее как бы открывается неведомый до сего невидимый мир.

Гар. Вас. почти всегда сопровождает ее в церковь. Он всю жизнь оставался глубоко религиозным человеком. На ее столике около кровати появляются молитвенник и Часослов. А затем книги духовного содержания и образ преп. Серафима Саровского.

В течение сорока лет второй половины своей жизни она постоянно будет читать книги духовного содержания, и не только о православии, но вообще о духовно-религиозной жизни людей. Она прочтет сочинения многих Отцов Церкви. „Добротолюбие" она читала долго и внимательно. Среди ее писем ко мне я нашел следующую записку без даты :

„Добротолюбие состоит из выборок из отцов Церкви. Это наставление о воспитании духа, о созерцании, о молитве. Книга мистическая и радостная. Отнюдь не мрачный аскетизм, а именно радость ".

Маму все больше и больше тянет к верующим людям. Митрополиты, епископы, священники, ученые богословы и просто верующие миряне все чаще появляются в ее

лондонском доме. Он превращается в один из центров общения православных с англиканами.

Потери близких не отталкивают ее от церкви, как это нередко бывает, а наоборот укрепляли в ней веру, в которой она ищет для себя поддержки. Это началось после смерти моей трехлетней дочери Варечки. Мама в то время постоянно писала, что светлее всего она думает об умершей внучке в церкви.

Особенно крепко держалась она за веру, находя в ней утешение, после смерти мужа.

Ей много помог настоятель лондонского прихода о. Николай Бер. Бывший дипломат, о. Николай был человеком исключительно ясной и твердой духовности. В нем не чувствовалось напряженной мистичности, но он вносил веру в жизнь, связывая ее с церковью и не только для себя, а и для всех, кто с ним общался. В нем ощущалось какое то благостное спокойствие человека нашедшего для себя смысл и цель жизни. Он постоянно бывал у мамы и при жизни Гар. Вас. и после его смерти. О. Николай привел к православию Гар. Вас. и бибиньку.

15-го декабря 1928 года, т.е. через месяц после смерти Гар. Вас. мама писала мне в Медон :

„ У нас радостное событие. Быбинька приняла вчера православие. У нее в комнате на столике стояла икона Спасителя серебрянная и другая маленькая в бархате, которая у нее стояла на камине. О. Николай читал много молитв. Мы с Тамарой были в комнате все время (моя жена была восприемницей). Очень было хорошо. А вечером бибинька меня благодарила, говорит, что у нее на душе сразу стало спокойно и светло. Я счастлива была это слышать ”.

Мама понимала, что значит мистическое созерцание. Она твердо знала, что существует особый дар моливы. Но всю свою жизнь она смиренно повторяла, что не научилась молиться. Она погружается в чтение книг о мистиках и их сочинений. В первую очередь она перечитывает все, что было написано православными. Но она знакомится также с великими мистиками Запада Жанна

Д'арк, Святая Тереза Испанская, Игнатий Лойола и многие другие. Ее интересуют не только христианский мистицизм. Она много читает о тибетском буддизме. Прочтя книгу о Магомете, она восклицает в письме ко мне : „ Почему мы все не Магометы ", т.е. не люди, имеющие особый дар мистического созерцания и больше чем рядовые люди ощущающие Бога. Она часто в письмах пишет о своем отношении к вере, молитве, церкви.

Привожу некоторые выдержки из ее писем касающиеся веры и отношения к церкви.

На Рождество 1922 года она пишет мне из Лондона в Берлин :

„ Легче всего и яснее думать в церкви, оттого в большие праздники особенно тянет в церковь. "

10-го января 1927 года она пишет мне в Медон :

„ Так ясно все эти годы, что мир во зле лежит и хочется ближе стоять к тем, чья жизнь полна верой, а значит и светом ".

В письме ко мне от 6-го марта 1929 года из Лондона в Париж она писала :

„ Я читаю новую книгу Булгакова об ангелах. Она меня волнует той страстной верой, нет скорее видимой уверенностью в потусторонний мир. Он точно открывает окно и показывает небесные просторы, где серафимы и херувимы. А среди них и любимые ушедшие. Господи, хоть бы так верить. "

30-го марта того же года она писала мне :

„ Главное до конца верить, что смерть есть только одна из ступеней жизни. То есть до конца принять Христа. Так трудно бывает бороться с собой, с темнотой ".

16-го апреля того же год а она пишет мне :

„ Бродя по дому вспоминала твое письмо и обеспокоилась, что ты откладываешь говение потому что „ какая то душа черствая ". Мне думается, что это скорее причина чтобы говеть. У меня как раз прошлым летом и ранней осенью было такое отупение. Я перестала даже Евангелие читать и приписывала это церковным распрям, будто бы они вызвали охлаждение к церкви. Теперь я иначе думаю.

Есть в молитвеннике вечерняя молитва Иоанна Златоуста. Она начинается словами : „ Господи не лиши меня небесных твоих благ... избави меня от всякого неведения и забвения и малодушия и окаменелого нечувствия... „ В ней видно, что даже святые, полные мистического дарования, боролись с душевным окаменением. Тем более нам надо его преодолевать. Тут без церкви, без священника, без молитвы не справишься. Обрати внимание — Иоанн Златоуст просит у Бога тех добродетелей, которые были у Гар. Вас. Мы на живом его примере узнали, что такое смиреномудрие . . . ".

5-го мая 1929 года мама писала мне :

„ Воистину Воскресе, дорогой мой Аркадий, Все это время писала тебе как то наспех. Хотя выстаивая долгие службы, часто думала о тебе. Службы на Страстной, это глубокая мистерия. Слушаешь и точно какие то завесы раздвигаются. Мне странно думать, почему мы с Гар. Вас. ни разу не прослушали их так внимательно, как я в этом году слушала их одна. Нет, конечно не одна, а с постоянной мыслью о нем. Как радостно и цельно верил он во Христа Живого. А ведь в этой вере, в ее цельности все спасение, весь свет. Оттого и он был такой светлый... ".

25-го августа 1929 года мама писала мне :

„ Конечно многое в жизни я просто разлюбила, многое меня тяготит и вокруг и в самой себе. Но если Христос за нас страдал и за нас воскрес — это все проходящее. Только любовь не преходяща... ".

19-го августа 1930 года мама писала из Савойи, где она отдыхала с двумя внучками, моей жене :

„ ...Сегодня утром я читала им Евангелие. Вчера прозевала день Преображения и только ложась спать увидела в календаре, какой это день. Прочла такое простое и бесконечно художественное описание, как просияло лицо Спасителя и в который раз подумала, ведь если принять Евангелие целиком, как оно дано, все остальное не страшно. А разве можно принять его частично ?

Недаром, судя по „ Рулю ", большевики отбирают христианские книги и переделывают их на бумагу... ".

В сентябре того же года мама писала мне :

„...А вечером я долго была в церкви. Отдохнула и расправилась душой. Ведь если бы мы могли по настоящему принять Христа и распятие, тогда было бы бремя жизни легким. Ведь если душа бессмертна, то и одиночества нет. Только я в церкви и ничтожество наше остро чувствую. Два часа мы не умеем отрываться мыслями от суетных и засоряющих пустяков. Все ненужное врывается и отрывает ".

7-го марта 1931 года мама писала Соне из Лондона в Париж :

„ Софа, хочу написать тебе несколько слов перед тем как закрутится моя повседневность — покупки, быстрая стряпня, гораздо менее быстрая правка и переделка статьи о Блоке, потом короткая лекция о нем.

" У меня в жизни событие, которое даже не знаю, как выразить словами, и точно не могу сказать, когда это случилось. Может быть когда говела, когда стояла на всенощной.

" Я впервые в жизни ощутила Христа Живого и молилась ему, а не своему горю.

" Чувствую, что тебе это надо знать и что ты поймешь. Тут и свет и сила и радость.

" Ты не думай, это не экзальтация, тем более не экзальтация отчаяния. Напротив спокойствие и все кругом сразу упрощается, а главное просветляется. Целую тебя и очень люблю. Господь с тобой.

Твоя М.

„ Покажи это письмо Аде. Вряд ли стану два раза об этом писать. Даже с о. Николаем не говорю ".

Никогда в письмах ко мне она об этом не упоминала и никогда позже со мной об этом не разговаривала.

10-го мая 1931 года она писала мне :

„ Утром провела полтора часа в церкви. Конечно самый скучный, бледный, неуклюжий христианский свя-

щенник, если только мерцает в нем вера, мне сейчас ближе самого блестящего неверующего социалиста ”.

6-го февраля 1932 года в письме ко мне она говорит :

„ ...Была у всенощной для подкрепления своей души... ”.

20-го апреля она пишет :

„ В церкви хорошо, долго постояла... ”.

И 1-го мая :

„ ....Всю Страстную была в церкви, от этого всегда расширяется горизонт... ”.

16-го октября 1932 года она пишет мне :

„ Была у обедни. Иногда как то шире открывается душа на встречу молитве. Так трудно прогнать суету, и пустяки, и заботы, раздражения, весь сор. А если принять и понять, что в церкви мы у Бога в гостях, что мы с ним говорим — все становится иное, все светлеет. Но дар молитвы приходит не ко всем. И надо о нем просить, его ждать. Или может быть просто тянуться к Богу, как в детстве к матери. Да и не только в детстве. Я рада, что ты часто ходишь в церковь ... ”.

1-го апреля 1934 года мама писала мне из Лондона в Париж :

„ Мы с Диди (внучка), очень хорошо отговели. Всенощная была красивая, торжественная. При освещении, церковь как то ближе, уютнее. Нас иногда подавляет торжественость обряда. А сегодня я подошла к Чаше проще, знаю, что несмотря на грехи, нам это дано. Не легко это словами сказать. Но знаю, что тише и теплее стало на душе. И приятно было, что Диди со мной... ”.

3-го мая 1934 года в письме ко мне мама говорит :

„ Стоишь у обедни, как гость в доме Господнем ”.

8-го апреля 1936 года мама пишет мне :

„ ...Это время больше была в церкви. Какая красота и спокойствие и какие мы глупые, что латошимся из за пустяков, когда нам дано такое богатство... ”.

В ее письме ко мне от 13-го сентября 1937 говорится :

„ . . . Молиться не легко, этому тоже надо учиться, но даже слушать молитву успокоительно... ".

18-го марта 1938 года в письме ко мне мама говорит :

„ Часто думаю о дедушке (ее отце) и приятно сознавать, что иду за ним. Вот все это и хотела сказать тебе, так это все важное для души и духа . . . ".

16-го апреля того же года мама писала мне из Лондона :

„ ...Отговела. Все это самое главное, самое важное, а мы то из за чего суетимся... ".

Уже после войны, сидя с Тамарой под Греноблем и ожидая возвращения в Париж, чтобы соединиться со мной и с Наташей, 6-го мая 1945 года мама писала :

„ Еще раз хочу похристосываться. Конечно жалко, что мы не вместе, но ведь есть сознание, что несмотря на расстояние, мы этот удивительный праздник переживаем вместе. Это несравненно важнее предметного вместе, когда люди стоят рядом, а между ними провал... ".

В дни перемирия мама писала мне (8-го мая 1945 г.).

„ ...Только мир Христов может исцелить такие раны, какими сейчас покрылось человечество. А где он ?... ".

В день св. Владимира 28-го июля 1946 года она пишет о дедушке :

„ . . . Больше надо мне просить у него (у отца) прощения, за то, что так огорчали его нашей а-церковностью. Удивительно кротко он это терпел . . . "

28-го августа того же года мама писала мне :

„ ...Многие ли из нас умеют молиться. Я еще не научилась ".

В письмах к Наташе, посланных из Версаля в Америку, мама неоднократно говорит о вере и духовных вещах.

2-го сентября 1947 года мама писала Наташе :

„ Поздравляю с днем ангела и желаю, чтобы ты и среди необъятных просторов Америки слышала над собой шелест его крыльев. Когда нибудь, когда будешь большая и умная, будешь читать Златоуста и надеюсь, оценишь то спокойствие, ту уверенность, с которым он

говорит об этом шелесте. Читая его и других отцов церкви, я давно, еще до революции, поняла, что для них и ангелы и бесы были такими же подлинными подробностями жизни как для нас наши друзья и враги. Не знаю может ли современный человек подняться до такого глубокого чувства реальности, но знаю, что сознание, что есть ангел хранитель, всегда ободряет и поддерживает, а главное мое тебе пожелание, чтобы ты всегда в трудные минуты обращалась к нему... ".

Через два года, на Пасху 18-го апреля 1949 года, поздравляя Наташу, мама писала :

„ Христос Воскресе, Поздравляю тебя, дорогая Наташа со Светлым Праздником и желаю, чтобы у тебя на душе было празднично и светло. Так будет хорошо, если ты съездишь к заутрени и отговеешь. Я знаю, как тебе эти годы не хватает церкви и от всего сердца радуюсь за тебя, что ты услышишь пасхальные молитвы и этот самый радостный, самый значительный возглас — Христос Воскресе. — „ Христос Воскрес из мертвых, смертью смерть поправ . . . У меня сердце бьется быстрее, когда я его слышу... ".

В 1956 году в лагере Святосерафимовского Фонда мама наговорила на магнитную ленту для Соне свои впечатления о закладке там церкви.

Привожу часть этой записи :

„ Софа, вчера я говорила с тобой еще до того как у нас появился епископ Андрей болгарский — говорит она. У нас сегодня торжество. Здесь, вот на Серафимовской ферме закладывается новая маленькая церковь и еп. Андрей, болгарин, но воспитанник Сергиевско — Троицкой нашей русской академии, приехал сюда, чтобы принять участие в нашем маленьком торжестве. Дети, много детей, взрослые, деревья кругом. Церкви еще нет. Три года живут и еще не построили. Большой шатер и под шатром только какое то подобие внутреннего церковного устройства. Но среди обедни он сказал слово. И в этом слове так много, что мне хочется хоть часть тебе повторить. Он говорил среди обедни, вскоре после

„Верую ". Он говорил о том, как мы миряне должны соучаствовать в той части обедни, где они священники, призывают Божью благодать на хлеб и вино. Он говорил, мы священники не можем в холодном храме одни призывать Господа к совершению таинства. Все молящиеся должны нам помочь, все должны понимать, какой это момент, как ближе к нам в этот момент Иисус Христос. Я не берусь повторить тебе его. Но самое главное, чтобы мы не были холодны во время обедни, чтобы мы помогали священнику, а не пробовали только изредка ловить слова его молитвы. Но вся его манера, человек он пожилой, но не старый, говорит он очень просто, очень доступно, и что то в нем самом вероятно есть такое, что всех взволновало. Ко мне после обедни подходили разные люди и почти все говорили, „ а знаете, трудно было не плакать ". И вот мне захотелось тебе переслать хоть частичку этого настроения, которое действительно христианский священник мог создать, или вернее мог нам дать, потому что он этим живет. Я много видела священников и большинство из них хороших. Но вот этой глубокой напряженности введения нас в сущность таинства, я кроме него и молитв о. Иоанна Кронштадского, в вергежском доме, не слышала ".

16-го июля 1957 мама писала мне из Си Клиффа в Вашингтон :

„ Елена Мейендорф (дочь генерала Врангеля) обещает меня свезти в Новодивеевский монастырь (под Нью Йорком). Мне очень хочется постоять перед образом св. Серафима. У него на нем глаза строгие, но я и сама знаю, как много я за долгую жизнь накопила вин и плохо умею в том каяться. Значит надо терпеть и смиряться, но и смирение может быть двоякое, от скромности и от гордости... ".

Дальше в этом же письме она собщает, что читает сочинения Исаака Сирина.

„ Боюсь что большинство его наставлений нам, простым смертным недоступно. — замечает мама, — Но

даже если крупицу подберем станет лучше. Будем смотреть вверх, а не брести, повесив голову".

Последние полтора года своей жизни мама больше всего любила сидеть на балконе нашей городской квартиры, смотреть на лесистые пространства вашингтонского парка и наблюдать как летят аэропланы. Она часто повторяла мне :

„Как бы я хотела оказаться в Вергеже и с вергежского балкона смотреть как уходит вдаль вьющийся Волхов ".

Она выходила со мной в соседний парк и наслаждалась там видом деревьев. У нее всегда было особое отношение к деревьям — как к каким то молчаливым живым существам. Она собирала листья разных цветов и, отдыхая от письменного стола, делала из них разные узоры. Однажды я ее увидел на улице с прислугой негритянкой. Это была настоящая картина американского юга середины прошлого столетия. Мама медленно шла по панели, а огромная негритянка, следуя за ней, держала над ней раскрытый зонтик, предохранявший маму от палящего солнца.

Летом 1960 года из Калифорнии приехали наши друзья Жиберы. Вера Жибер (урожденная Моторнова), окружила ее вниманием и заботами. Жиберы свезли маму в детский лагерь святосерафимовского фонда в холмистых местах штата Нью Иорк. Там маму окружили любовью и все старались чем нибудь помочь ей.

7.7.60 она писала мне из Аккорда, в Вашингтон :

„Кругом хорошо. Воздух вкусный, но я от него пьяная и не отхожу от нашего административного центра. Сейчас идет Вера, расскажет все местные дела. Вокруг меня идет лагерная жизнь, а я сижу часами в кресле, смотрю на всех и на вся и стараюсь проводить свою санитарную прогулку. За мной очень ухаживают ".

21-го июля мама писала из Аккорда мне :

„У меня завелся здесь друг, большая красавица-бабочка. Она мелкала среди лилий и я на нее любовалась. А сегодня утром я не заметила, как к ней подобрались

русские дамы, поймали ее и конечно помяли. Потом искали в листьях и конечно не нашли. Так жалко ее... Досадно, что мои глаза ленятся и не хотят читать. Но я всетаки прочла историю с Трестом (советская провокационная организация, агенты которой действовали среди эмиграции в двадцатых годах). Только из нее узнала подробности о гибели Райли (английский офицер убитый в Чека) и о действиях Опперпута (советский агент-провокатор). Так вспоминается Кутепов. . . . Все думаю о том, как будет хорошо, когда вы с Катей появитесь ".

Я из Вашингтона и правнучка Катя из под Бостона приехали в лагерь и провели в нем две или три недели. Мама конечно была рада появлению Кати, а девятилетняя правнучка обласкала прабабушку и была с ней исключительно приветлива и внимательна, не отходя от нее в часы своего отпуска из лагеря. Маму это очень согревало.

Несмотря на физическую слабость у нее еще совершенно ясный ум и к ней все тянутся.

„ У меня утром на балконе целый митинг ", — пишет она мне (28.8).

С ней хотят поговорить обо всем, о литературе, о значении эмиграции, о политических событиях. Она живо на все реагирует. Последнее ее письмо ко мне из Аккорда, которое, я думаю вообще было последним письмом ко мне, она писала три дня. Оно было отправлено 4-го сентября.

Это письмо касается подготовки „ толстовского " номера „ Возрождения ". Она высказывает свои соображения, кого к этому следует привлечь, добавляя, „ сама я хочу рассказать об Ясной Поляне.

„ Сейчас ходила в церковь. Я всю дорогу прошла пешком, ни разу не села, — сообщает она — да и не на чем было, так как скамейки убраны в большой сарай, а около церкви еще стоят. Мы посидели.... Тут все, что мне нужно и заботы обо мне много, хотя я не уверена, что им удобно, что я осталась. Но у меня выбора не

было". Письмо подписано: „Твоя неугомонная мать".

Маму тяготила эта зависимость от других и потому она так тянется домой в Вашингтон.

В городе она уже не любит выходить на улицу и предпочитает сидеть на балконе. Но статью о Толстом в октябре она написала. Я боялся, что будут какие нибудь пропуски или ошибки и осторожно попросил посмотреть рукопись перед отправкой — мама никогда не отказывалась читать своим до напечатания, то что она написала, но не любила, когда мы сами просматривали ее рукописи. В статье было все в порядке и я не сделал ни одной поправки. Это была ее последняя статья, появившаяся в ноябрьской книжке „Возрождения" за 1960 г.

Осенью она только один раз побывала в церкви, отстояв всю обедню. Она просила священника причащать ее на дому.

На ее рождение (В 1960 году ей исполнилось девяносто один год) 26-го ноября, как всегда собрались гости и она оживленно беседовала с ними.

Главной радостью для нее был приезд из под Бостона правнучки Кати.

Она очень жалела, что чувствует себя слишком слабой, чтобы побывать на Рождество в церкви.

1961 год она провела уже в каком то особом своем мире. Мама довольно часто принимала Св. Дары, что ее всегда заметно просветляло и внутренне успокаивало.

Без всяких страданий, она скончалась на моих руках 12-го января 1962 года.

A. ROSSEELS PRINTING C°
70, rue du Canal — Louvain
Tél. (016) 219.62 — Belgium